

P₂
3-17

**ОШСКАЯ
ПОВЕСТЬ**

P₂
3-17

С. ЗАЙЦЕВА,
Г. ЖИЛЬЦОВ,
А. ГОЛУБЕВ

Кыргызская
сельская библиотека
Книг. № 9306

ОШСКАЯ ПОВЕСТЬ

Токтогул Сатылганов
атындагы
Ош облустук китепкана
ИНД № 212937

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»
ФРУНЗЕ — 1969

Зайцева С., Жильцов Г., Голубев А.

3—17 ОШСКАЯ ПОВЕСТЬ.

Ф., «Кыргызстан», 1969.

192 с. 6000 экз. 47 к.

В основу этой книги положены подлинные события, происходившие в Оше в 1919 году. Повесть посвящена первым комсомольцам — участникам гражданской войны на юге Киргизии, бойцу Памирского отряда Владимиру Голубеву, его героической гибели в борьбе с басмачеством.

P2

*Комсомольцам
двадцатых годов
посвящается*

ДОМ С ВЫСОКИМ КРЫЛЬЦОМ

Стояла осень. Аму-Дарья катила свинцовые воды. Они тяжело бились в песчаные берега.

В роще на окраине Петро-Александровска глухо шумели карагачи; тополи с тревогой пересчитывали монеты облетающей листвы. Однажды ночью в рощу ворвался злой холодный ветер и угнал последние желтые стаи в пустынные пески Кызыл-Кумов. Утром, зябко надрагивая обнаженными ветвями, деревья грустно качали вершинами. А ветер, вздымая рыжую пыль, гнал

ее по узким улицам городка, где приземистые одноэтажные домишки с земляными крышами заслонялись широкими карнизами. На центральной площади ветер ударил в высокую церковную звонницу, но не осилил многопудовый колокол и со злости стал швырять пыль на высокое крыльцо большого кирпичного дома купца Мануйкова. Дом стоял напротив церкви, как крепость, обнесенный высоким забором.

С утра в доме Митрофана Мануйкова поднялась суматоха. Праздновали крестины первенца-сына. В большом зале двигали стульями, звенели посудой и прислуга Глаша десятки раз ходила с блюдами и вазами на кухню, где повар Никита наполнял их румяными окороками, нежно-розовыми ломтиками лосося, зернистой икрой, соленьями и маринадами, тяжелыми гроздьями винограда.

Сам Мануйков дважды выходил из кабинета и следил, как накрывается стол.

Широкоплечий, с редеющими на макушке русыми кудрями, он, мягко поскрипывая лакированными сапогами, молча входил в зал. Засунув большие пальцы за крученый шелковый пояс с длинными кистями, которым была перехвачена косоворотка, он зорко оглядывал стол. Подсчитывая, сколько бутылок вина подано, прикидывая, хороша ли сервировка и как рассадить гостей, чтобы каждый занял место согласно чину и положению в обществе.

Когда Глаша поставила на стол последнюю вазу с фруктами и стулья с высокими спинками выстроили вдоль стола, Мануйков коротко распорядился:

— А ну, зажги канделябры!

Глаша и горничная Настя бросились выполнять приказание хозяина.

Свечи зажгли, и заиграли, заискрились грани хрустальных ваз и бокалов. Митрофан отошел к окну. Отсюда он видел интерьер комнаты, отраженный в двух больших зеркалах, и выражение довольства вспыхнуло в его карих, широко расставленных глазах.

Гостей в мануйковском доме принимали редко, только по большим престольным праздникам. Не любил купец попусту тратить деньги. Тут же случай был особый — у Митрофана Сергеевича появился наследник.

Пригласили все начальство, всю власть города во главе с генералом Колчинским и начальником Амур-Дарьинского отдела Сусаниным.

Лидия Дмитриевна, жена Мануйкова, происходила из обедневшей дворянской семьи. Она тяготилась купеческим укладом жизни, но держалась с достоинством и принимала гостей по-столичному. Это знали в городе и охотно ездили к Мануйковым.

В восемь часов вечера все гости были в сборе. В центре стола, сверкая эполетами, восседал сухонький, с маленькой бородкой генерал Колчинский. Справа от него сидел очень прямой, будто негнувшийся, с рыжеватыми бакенбардами и красным лицом глава отдела, полковник Сусанин. Слева — сам хозяин дома с Лидией Дмитриевной, сестрой и мужем ее Каплуновым.

Вокруг них, угодливо ловя каждое слово, разместились работник управы Клыков, казначей Гусев, землемер Шапкин, разные чиновники, особняком держались гидротехник Мальцев и врач Гаврилов. Почти все пришли с женами и взрослыми дочерьми.

В зале было жарко и шумно. Ряды бутылок на столе заметно редели. Лица гостей покраснели. Все явно отяжелело и от обильного ужина, и от выпитого вина. Мануйков шепнул что-то Лидии Дмитриевне. Та сейчас же позвала горничную, и через несколько минут в дверях зала появилась Алена с младенцем на руках. Всех сразу поразила красота Алены. В розовом пышном платье, из-под кружевного чепца выбивались кольца густых каштановых волос. Широко раскрытые карие глаза и пылающие щеки выдавали ее глубокое волнение.

Волной вал со множеством горящих свечей, сверканье золотых галунов и драгоценностей на гостях, зрелище, шум голосов, пушистый ковер, по которому боязно было ступать, — все это поразило Алену. Она почувствовала себя маленькой, жалкой и, сделав несколько шагов, в нерешительности остановилась.

Мануйков поднялся:

— Господа, я хочу вам представить своего наследника — Александра Мануйкова. — И он поманил к себе Алену.

Поборов страх, она подошла к Лидии Дмитриевне. Та взяла из рук младенца, и каждый гость счел своим

долгом заглянуть в кружевной пакет, где спал новоявленный наследник миллионера.

— Мануйковская кровь видна. Ишь какой крепыш! — зарокотал басом генерал.

— Теперь хозяину надо денежки копить для наследника, — засмеялся Сусанин.

— Мануйковских денег хватит! — хитро подмигнул казначей.

— А няня-то какова! Под стать богатому наследнику! Где это ты нашел такую красавицу? — спросил Сусанин, ласково оглядывая Алёну.

— У купца Мануйкова весь товар первого сорта! — ухмыльнулся в бороду Митрофан.

— Ишь ты, и няню расценивает, как товар, — тихо заметил врач, обращаясь к Мальцеву.

— Для таких и любовь к сыну оценена в рублях, — ответил Мальцев.

Каплунов разгладил усы:

— Алёну мы вдвоем разыскали. Из-за Волги привезли.

— Волга велика! В каком месте водятся такие красавицы? — допытывался Сусанин.

— Есть такой городок, Вольском прозывается, — пояснил хозяин. — Ну, а теперь, Алёна, иди, укладывай сына спать, — обратился он к няне.

Второй месяц жила Алёна в Петро-Александровске. Ей нравилась тишина большого Мануйковского дома. Полюбила она и маленького Сашеньку. Он был розовый, крепкий. Такого ребенка приятно и на руках держать.

Хозяйка встретила ее приветливо, подарила ситцу на платья, фартук и чепец с кружевами, расспрашивала о доме, о родителях и звала ее Алёнушкой.

ДЕНИС ГОЛУБЕВ

На клумбах в городском парке росли чахлые, присыпанные пылью цветы. Пепельно-серая земля вокруг стеблей высохла и затвердела. Казалось, удар по ней камнем, зазвенит, как металлическая.

В аллеях, заросших травой, под ветвями белоствольных тополей и могучих акаций было прохладно и тихо. Горожане в парке появлялись редко, и Алёна в жаркие летние дни охотно ходила в парк с маленьким Сашей. Малыш с увлечением копался в песке.

По воскресеньям на деревянной эстраде играл военный духовой оркестр. Алёна, слушая музыку, нередко грустила, вспоминая родной Вольск, широкую Волгу с шумными пристанями, маленький домик в переулке и родные лица. Подружек в Мануйковском доме она не нашла и подчас тосковала в одиночестве.

Не раз встречала она в парке Дениса Голубева, работающего писарем у Мануйкова. Робко поздоровавшись, он проходил мимо и усаживался где-нибудь неподалеку на скамье. Алёна чувствовала, что он все время смотрит на нее издали. Пристальный взгляд волновал девушку, и она огорчалась, если Денис не приходил в парк. Ей было приятно, что этот высокий, с волевым лицом человек робел и терялся перед ней.

Однажды весной, когда тополи роняли свои пушистые сережки и летающими снежинками устилали садовые аллеи, Алёну настиг ураган. Он ворвался в парк смерчем красной пыли. Знойный ветер закрутил все вокруг, ударил песком в лицо и, с треском ломая ветви деревьев, помчался по парку.

Алёну на миг ослепило песком; заслоняясь руками, она с громким криком бросилась к песочнице, где играл ребенок, но за завесой рыжей пыли ничего не увидела.

Ветер сбивал ее с ног, рвал волосы, платье... Сквозь вой ветра она услышала плач Сашеньки и, как безумная, натыкаясь на кусты, бросилась к ребенку.

Плач затих, и Алёна с ужасом подумала, что с мальчиком случилось что-то недоброе.

— Сашенька-а-а! Никуда не ходи-и! Я сейчас возьму тебя... Сашенька-а-а! — кричала она. Но ветер заглушал ее голос.

Хватаясь за деревья, Алёна продвигалась вперед, туда, где, как ей казалось, был ребенок. И вдруг сильная рука схватила ее за плечо. Из красной мглы перед ней появился Денис. Без фуражки, с разметанными волосами, он держал на руках мальчика, прижимая его к груди.

— Держитесь за меня!
Мальчик, заметив няню, потянулся к ней ручонками.

— Сиди, сиди, Сашенька, а то тебя ветер унесет, — уговаривал Денис ребенка, и тот послушно снова приник к сильному плечу.

Так же мгновенно, как примчался, ураган утих, и только небо стало свинцово-серым, будто его замело пылью. Алена пригладила волосы, обтерла платком пыль с пухлых щечек ребенка и с признательностью поглядела на Дениса.

— Уж как мне вас и благодарить? Ведь горе-то какое от меня отвели! Век не забуду, Денис! — говорила она со слезами на глазах.

— Ну, что вы, Алена, стоит ли говорить об этом! Я рад, что помог вам. Этаким буран промчался. Пустыня взбунтовалась. Ох, как все поуродовало вокруг!

Поперек аллеи лежали вывороченные с корнем вековые деревья, обломанные ветви, вороха листьев, будто кто-то их злобно ошпыивал. Алена с волнением думала: окажись она в тот миг с ребенком возле упавших деревьев — не остаться в живых.

С этого дня Денис все чаще стал появляться в парке. Удавалось им обмолвиться словечком и дома. В те дни, когда писарь работал во флигеле и относил счета в кабинет к Мануйкову, девушка выходила на террасу, чтобы встретиться с ним.

Алена и Денис оказались земляками. Он тоже родился на Волге, в Саратове. Оттуда и в армию призывался. Человек он был грамотный, и его определили писарем в шестнадцатый Туркестанский пехотный полк, стоявший в Чарджуе. Четыре года отслужил он там в сырой, пропитанной махорочным дымом военной канцелярии. Заработал парадный мундир с погонами, серебряные именные часы и затяжной, надоедливый кашель.

За усердие Дениса оставили на сверхсрочную службу и перевели в Петро-Александровск. Здесь приметил его Мануйков и пригласил вести конторские дела. Работал Денис по вечерам и в праздничные дни. Сверхсрочная служба подходила к концу. К зиме Денис решил увольняться.

Как-то осенью, встретив Алену во дворе, он завел с ней разговор.

— Зима-то, видать, нынче ранняя будет — все листочки уже облетели.

— Да, холод, ветер опять. Хоть бы снег выпал, — вздохнула Алена.

— А у меня нынче здесь зима последняя...

— Это почему же? — удивилась девушка.

— В январе увольняюсь в запас. Хватит. Шутка ли — восемь лет солдатчины!

— И куда же вы теперь, Денис Семенович? — спросила Алена, слегка побледнев.

— В Чарджуй поеду. Там меня многие знают — легче будет устроиться на работу.

Он помолчал немного.

— Хотел вас просить... Поедьте со мной! Женой моей согласны стать?

Алена ту же стянула концы платка под подбородком. В карих глазах сверкнул радостный огонек, но одним взмахом густых ресниц она погасила его:

— Как же это... Сашеньку-то бросить нельзя. Привык он ко мне...

— Решайте, Елена Илларионовна. Не век вам чужое дитя стеречь. У сердца своего спросите...

Она поглядела ему в лицо и в серых глазах прочтала такую любовь, такую преданность, что невозможно было оторваться от них.

— Денис, голубчик! Что же мне делать? Не могу я без тебя оставаться! — и, испугавшись своего порыва, своего откровения, толкнула калитку и убежала в дом.

Мануйковы сидели в столовой, когда пришел Денис. Его провели туда. Он вошел и, низко кланяясь, встал у двери, держа в руках шапку.

— Иди, Денис, садись. Ради праздника выпьем с тобой, — пригласил купец. Лидия Дмитриевна, повернувшись к мужу, тихо сказала:

— Разговор у вас, наверное, будет деловой, я пойду. Денис услышал ее слова.

— Глубочайшая просьба к вам, Лидия Дмитриевна, выслушайте и вы меня.

Купец удивился:

— Что ты, брат, задумал, не пойму. Ладно, выпьем и тогда разговор легче будет вести.

Денис выпил поданную Мануйковым стопку водки, утер усы своей кубанкой и сел за стол рядом с хозяином.

— Митрофан Сергеевич, задумал я жениться и прошу вашего разрешения на мой брак с Еленой Илларионовной, — медленно сказал писарь, до хруста сжимая в волнении крупные кисти рук.

— Ого, братец, что ты отмочил! Какой приткий! — засмеялся Мануйков, а лицо явно говорило, что он недоволен. Денис с тревогой глядел на купца. Неужто воспротивится? Да ведь он-то не отец! Пожалуй, не надо было с ним и разговор заводить.

— Значит так, тебе давай жену, а мой сын без няни останется? — зло прищурил глаза купец.

И тут неожиданно на помощь пришла Лидия Дмитриевна.

— А знаешь, Митрофан Сергеевич, я сама думала, что с Аленой пора расстаться.

— Это почему же?

— Сашеньке уже три года. Ему нужен не только уход, но и воспитание. Алена же... Ну, ты сам понимаешь, она из простой семьи, малограмотная... Мы возьмем гувернантку, девушку с образованием.

— А ты права, Лида. Я за делами иногда упускаю главное. Ну, что ж, Денис, будь по твоему — увольняйся, устраивайся. Мы подыщем гувернантку и к весне, так и быть, отдадим тебе Алену. Да, кстати, она-то согласна?

— Согласная, Митрофан Сергеевич. Спасибо вам за все. И вам спасибо, Лидия Дмитриевна, век не забуду! — говорил, волнуясь от радости, Денис.

Через несколько дней с большой партией солдат-отпускников Голубев отправился в путь. На версту растянулся караван навьюченных верблюдов, шагали солдаты по мертвым пескам, подгоняемые злым, колючим ветром.

Через месяц караван прибыл в Чарджуй. Здесь, спустя некоторое время, Денис устроился конторщиком в Управление Закаспийской железной дороги.

Весной Алена простилась с Сашенькой Мануйковым.

КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ

Мальчик родился худенький, с длинной, как дыня, головой, с серыми тусклыми глазами. В тесной комнатшке барака, сколоченного из шпал, было холодно и не смолкал крик новорожденного.

Не раз Алена горько плакала, качая на руках сына. С ужасом убеждалась в том, что не любит его. Брезгливо пеленала, стараясь не смотреть на иссохшее тельце. В памяти жил розовый крепыш Мануйкова. Назвала она сына Александром.

Денис, как только возвращался с работы, сразу брал мальчика на руки. Он заворачивал его в одеяло и долго гулял с ним по вечерним улицам городка. Не иссушили сердце Дениса восемь лет солдатчины. Алена видела нежную любовь мужа к сыну и стыдилась своих чувств, старалась скрыть их.

Работал Денис много, допоздна засиживался в конторе. Он очень похудел, лицо стало землистым. По ночам его дожимал кашель. Он вставал, пил ледяную воду и, уткнувшись лицом в подушку, чтобы не разбудить Алену, долго, надсадно кашлял.

Вскоре его перевели на станцию Фараб, где доверили заведование складом. Поселили Голубевых в хорошем доме, в квартире из двух комнат, и Алена усердно наводила чистоту в ней. Она повеселела, больше заботилась о сыне. Казалось, счастье поселилось в доме. Но однажды Денис вернулся с работы мрачный и молчаливый. Алена с испугом смотрела на мужа. Подсев к нему на край кровати, выпытывала:

— Денис, что с тобой? Али неприятности какие у тебя? Ты не молчи, расскажи мне все. Вместе будет легче.

Денис виновато глядел на жену.

— Прости меня, Алена, устал я. Посплю, может, и отойдет все.

Но сказал Денис жене, что врач определил у него чихотку. Он знал, что трудно бороться с этой грозной болезнью. Чувство отчаяния овладело Денисом. Стараясь забыться, он стал пить.

Алена, узнав о болезни мужа, уговаривала:

— Денис, не пей! Пожалей нас с сыном, себя побереги. Соберем денег, поедешь на кумыс, поправишься.

Пить же будешь — с работы выгонят. Куда мы тогда?

Денис гладил дрожащей рукой голову жены и клялся, что не будет огорчать ее. Но болезнь обострялась, безнадёжность удручала, и он снова начинал пить.

В это время появился второй сын. Мальчик был на удивление хорошенький. Черноглазый, с темными вьющимися волосами, крепкий и спокойный. Его не было и слышно в доме. Назвали его Владимиром. Алена любовалась сыном, ласкала, забывая о Саше. Дениса же словно подменили. Он ходил сияющий, перестал пить и чувствовал себя лучше. В Управлении дороги ему выделили денежное пособие на лечение, и весной он поехал в Башкирию лечиться кумусом. Но уже в пути ему стало хуже, его сняли с поезда и положили в Самарскую больницу. Алене он ничего не писал, надеялся быстро поправиться. Она была уверена, что муж лечится в Башкирии. Но вот через два месяца принесли письмо. Этот конверт с изображением церкви сразу испугал ее — видимо, не добрые вести в нем. Подхватив на руки Володю, побежала к грамотеям-соседям.

Писала настоятельница монастыря. «Денис Семенович Голубев, по прибытии в Самару, был очень болен. Его положили в больницу, и там он десятого июня скончался. Умирал тихо, в сознании. Передал прощальный привет жене своей Алене Илларионовне, детям Александру и Владимиру. Просил переслать вам пятьдесят рублей и вещи свои, а ещё пятьдесят пять рублей передал на устройство его похорон.

Похороны Дениса Семеновича принял на себя женский монастырь. Везли на катафалке, хоронили с монастырским хором.

Примите слова сердечного утешения от сестер и монахинь. Аминь!»

Ноги у Алены подкосились. Она чуть не выронила Володю, но добрые люди поддержали ее. Шла она домой, не замечая слез.

Дома сидела молча, прижав к себе детей. Куда деваться теперь? Кто поможет? Родители умерли. Сестры вышли замуж, у каждой своя семья, свои заботы.

Алена осунулась, почернела. Вскоре явился чиновник из Управления и приказал переселяться в барак. Алена ничего ему не ответила, собрала вещи в узлы и поехала в Петро-Александровск к Мануйковым, наде-

ясь, что богатый купец по старой памяти не откажется приютить ее.

В глубоком волнении подходила она к хозяйскому дому, где прошла ее юность. Позвонить у парадного входа не посмела — прошла к воротам. Робко постучала в калитку. Выглянул здоровенный мордастый парень. Оценивающе оглядел ее и уцепившихся за юбку мальчуганов. Сначала, видно, принял за побирuşку, но чистая без заплат одежда на ней несколько поколебала его мнение.

— Чего тебе?

Увидев незнакомого человека, Алена растерялась. Она была уверена, что встретит кого-нибудь из прежней прислуги, все объяснит и ее мигом проведут к Мануйкову.

Её связывая слова, пролепетала:

— Мне бы Митрофана Сергеича... Я раньше у них служила. Сыночка нянчила. Доложи, любезный, что Алена просит... поговорить надо...

— Нету у нас такого порядку. Митрофан Сергеич давно занят и с улицы всяких не принимает. А еще, возвращись, служки-и-ла! — пренебрежительно протянул парень.

— Милос, может, Глашу пригласишь? Она меня знает, — умолила Алена.

— Разве Глашу, это я еще могу. Ты здесь постой, во двор не ходи, слышишь?

Парень захлопнул калитку. Алена положила узелки на деревянную лавку у ворот, стерла концом платка капельки пота со лба и прислонилась к забору. Мальчики тоскливо смотрели на мать. Они устали в дальней дороге и хотели есть.

Нестерпимо налило солнце. Проехавшая мимо телега подняла столб пыли. Мальчуганы начали чихать. В это время во дворе радостно взвизгнула собака, послышались шаркающие неторопливые шаги, и, звякнув цепочкой, калитка отворилась. Вышла Глаша. Она сильно располнела, голубые глаза ее выцвели, это особенно подчеркивали синие сережки. Увидев Алену, она ойкнула и, перекрестив ее, поцеловала.

— Алена, голубушка, как тебя перекрутило! Не узнавать! А эти мальчонки твои? Большенькие какие! Ну, идем, идем ко мне во флигель.

Алена робко вошла во двор. Все в нем было по-прежнему. Террасу густо облепил виноградник, из кухни к флигелю тянулась кирпичная дорожка. В кухне дружно стучали по доскам ножи и несясь дух свежеежаренного мяса. В конюшне нетерпеливо перебирали копытами рысаки.

Алена, не поднимая головы, шла за Глашей. Боялась, что в окно увидит Мануйкова. Ее охватило такое чувство, словно в чем-то провинилась и вот пришла с повинной.

В крохотной комнатке Глаши стояла кровать с периной и целой горкой подушек. На окне красными букетами цвела герань. К стене приткнулся старый покосившийся комод, на нем — зеркало с темными пятнами и выцветшая фотография.

Алене не приходилось раньше бывать у Глаши, и она с любопытством оглядывала ее жилье. На фотографии была девочка в пестром сарафане, в белой, расшитой крестом, кофте, в венке из цветов. Рядом с ней стоял парень, чем-то похожий на Мануйкова, такой же большеглазый и лобастый. Алене хотелось спросить, кто это, но так и не решилась.

Расстелив клеенку на столе, Глаша поставила блюдечко с сахаром, глиняную крыночку с медом и большие ломти пшеничного хлеба на тарелке. Чай пили из эмалированных голубых кружек. Они такие были горячие, что обжигали губы, и Глаша налила мальчикам чай в глубокие блюдца. Намазав куски хлеба медом, подала их детям. Они, пачкая щеки и подбородок, с жадностью ели, громко прихлебывая чай.

— Ну, Алена, как живешь? — спросила Глаша, осторожно отпивая чай. Прядки редких седых волос старили ее и без того увядшее лицо.

— Несчастливая я, Глашенька. Умер Денис-то мой... Не знаю, где теперь и притулиться. Куда мальчонка девать?.. Вот и приехала, думаю, Митрофан Сергеевич по старой памяти возьмет в дом. Все буду делать, работа не страшит, нищета пугает...

Глаша допила чай, перевернула вверх дном кружку, положила сверху недоеденный кусочек сахару и задумалась. Потом тихо, не спеша заговорила:

— Память у Мануйкова короткая. Он отбирает только выгодное, а ты сейчас что? Три голодных рта.

Это для купца не барыш. Кормить он никого задаром не будет. Напрасно ты и в голове это держала. Ну, а уж коли приехала, надо устраиваться. Как хочешь, а одного парнишку куда-нибудь определяй. С одним, может, еще где и притулишься, но только не у Мануйкова. Мы с ним одной крови... Мать моя нянчила Митрофана... А теперь вот старюсь и думаю: где еще умирать придется? Он меня и одного дня даром не потерпит.

Губы Глаши дрожали, она вся как-то сникла, заметнее стали морщинки на лице.

— Тетя Глаша, не надо, не горюйте! Вы всегда были смелой, крепкой такой! Будем уж вместе век дожидаться. Один кусок как-нибудь разделим. Мне бы только к делу пристроиться! — уговаривала Алена.

— Спасибо, милая! Я тогда еще сразу заметила — добрая у тебя душа! Вот путя тебе выпала, правда, трудная.

— Сашенька-то как, жив-здоров? Повидать бы его! — всхлипнула Алена.

— Э-э, нашла о ком беспокоиться! Он на миллион, как на дрожжах, растет. Увезли его в Ташкент учиться.

— Меня вспоминает?

— Где ему всех служуж упомянуть? А может, когда и вспомнит, не знаю. Я при нем не состою. Там все барышни да студенты его воспитывают. Ты лучше о себе заботься, Аленушка. Ночевать останешься у меня, а там видно будет — утро вечера мудренее.

С Мануйковым Алене не привелось встретиться. Не нашел он времени для бывшей няньки. Приняла ее Лидия Дмитриевна.

Она сидела в плетеном кресле на террасе. Пышная, белая, как булка, вся в ямочках — на щеках, на круглых локотках.

Длинная юбка из белого муслина складками падала на пол. Влезу на голубого шуршащего шелка стягивала полную грудь. Лидия Дмитриевна раздобрела, глава заплыли жиром — стала настоящей купчихой.

День был жаркий, лицо ее вспотело, и она обмахивалась легким белым платком, пахнущим духами. Увидев Алену, она не проявила к ней никакого интереса: мало ли девок да баб, низко кланяясь, ждут ее милости? Даже руки не протянула для поцелуя.

Алена стояла у самого входа и глядела на бывшую хозяйку. Вокруг Алениной головы с нудным жужжаньем кружился шмель, она вяло махнула один раз рукой, а потом только щурилась, если пролетал у глаз.

На столе, покрытом белой скатертью, стоял стеклянный кувшин с квасом. Бока его запотели — видно, недавно принесли из погреба. Алене очень хотелось пить, и взгляд ее невольно притягивал этот кувшин.

Лидия Дмитриевна налила квасу в высокий граненый бокал и, чуть пригубивая, медленно пила.

Алена облизнула пересохшие губы. Заметила это купчиха или нет, но квасу не предложила. Растягивая слова, она лениво заговорила:

— Состарилась ты, Алена. Совсем другая, не то что была на мануйковских хлебах. Сдавай мальчишек в приют и устраивайся куда-нибудь кухаркой или полумойкой. У нас в доме тебе делать нечего. Все люди живут давно, мы никому из них отказать не можем. Что Денис умер, значит, так богу угодно. Вот тебе рубль, больше ничем помочь не могу.

Несколько дней Алена тайком жила у Глаши. Рано утром, пока хозяева еще спали, она уходила с ребятами в рощу и там дотемна бродила с ними между кустов шелковицы, усыпанных лилово-красными ягодами. Она собирала их и кормила детей. Возвращались затемно. И всегда у Глаши ждал их ужин. И повар Никита, и горничная Настя жалели Алену, прятали для ее ребятшек каждый недоеденный барский кусок.

Алена ждала ответа от сестры Василисы, которую просила взять младшего сына на воспитание. Со старшим ее согласился принять в кухарки и забрал с собой заезжий коммерсант из прибухарского города Кагана.

У ТЕТКИ ВАСИЛИСЫ

Жила Василиса в Оренбурге в своем доме. В небольших комнатах было много цветов, вязаных салфеток и самотканых половиков. Высокая, статная, в платье с белым рюшем вокруг полной шеи Василиса степенно ходила, высоко держа красивую голову с короной черных волос. Она никогда не торопилась и все успевала: и в доме прибрать, и обед приготовить.

В небольшой пристройке муж ее Илья держал пе-

реплетную мастерскую. Сухонький, небольшого роста, с птичьим личиком, он и двигался быстро, будто прыгал по мастерской. Работой же своей славился — одевал книги в коленкоровые и кожаные переплеты, украшал золотым и серебряным тиснением. Заказов было много, и Илья держал двух помощников.

Володе хорошо жилось в чистом, уютном доме. Ему нравился голос Ильи — тихий, грудной. Дядя всегда приносил ему гостинцы — мятные пряники и длинные конфеты в розовых бумажках с бахромой на концах.

Детей у Василисы не было, и всю силу материнской любви она перенесла на Володю. Илья уговаривал жену:

— Напиши Алене, пусть отдаст нам мальчика в сыновья. Живем мы в достатке. Будем любить, как родного.

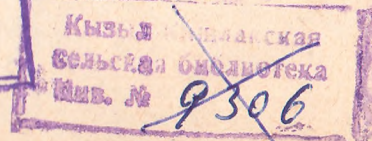
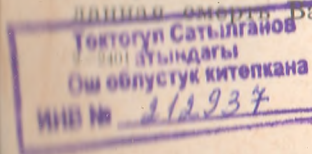
Василиса и сама мечтала об этом, но, зная характер сестры, боялась даже заикнуться о своей просьбе. Ведь у Алены-то младший сын — любимый. Старшего она иначе как Санька и не звала. Оставила с собой только потому, что не требовал он особой заботы — бегал целыми днями на улице, ничем не досажая ей.

Володя же быстро привык к новому месту. Иногда он пробирался в дядину мастерскую. Там пахло клеем и краской. В воздухе всегда висел слабый, чуть щиплющий лицо дымок кислот.

Подмастерье, паренек лет пятнадцати, скреплял тонкой проволокой листы печатной бумаги на специальном станке. Возле него на столе постепенно росла стопка книг, которые еще не имели обложки. Одевал их в синие, коричневые, красные плотные переплеты второй подмастерье, высокий, худой и молчаливый дядька с хрицеватым длинным носом.

Золотой срез и тиснение букв делал сам Илья. И у него на черном халате всегда искрились золотые и серебряные звездочки. Володя с восхищением смотрел на этот халат и мечтал, что когда он вырастет большой, то обязательно заведет себе мастерскую, такую, как у дяди Ильи.

Шесть лет прожил Володя у Василисы. Это были самые радостные дни его детства. Доброй и ласковой матерью осталась она в его памяти. И только неожиданная смерть Василисы разлучила мальчика с ней.

ВСТРЕЧА БРАТЬЕВ

Володю увезли к матери. Она в это время служила кухаркой у купца в Бухаре. Санька уже третий год учился в Петро-Александровске, туда же определили осенью 1907 года и Володю.

Отвезти сына самой Алене не удалось — хозяин не разрешил ей отлучаться из дома, и она отправила его с приказчиком, который ехал за товарами в Петро-Александровск. Этот тощий парень с угреватым лицом и прямыми, как солома, волосами, свисавшими жидкими прядями на уши, с нагловатой ухмылкой поглядывал на встречаемых девушек и шел по улицам, совсем забывая о Володе. Мальчик едва поспевал за ним. Он с трудом шагал — новые сапоги, купленные на вырост на два номера больше, до крови натерли ему ноги. Идти пришлось через весь город — училище находилось на окраине.

Наконец подошли они к длинному одноэтажному зданию с земляной крышей. У входа висела большая вывеска. На ней желтыми буквами было написано: «Городское училище».

Гул голосов, обрушившийся на Володю, едва они переступили порог, оглушил его. Шла перемена, и несколько десятков подростков с громким криком, топота грубыми сапогами по каменному полу, гурьбой носились по коридору.

Большеглазый мальчишка с торчащими, как лопухи, ушами, пробегая мимо, больно треснул Володю по затылку. Он вскрикнул, схватился рукой за ушибленное место и почувствовал, как под пальцами вскочила шишка.

Пронзительно заверещал звонок, и кричащие мальчишки, толкая друг друга, устремились в классы.

Приказчик прошел с Володей к инспектору Корнилову, человеку с большим животом и толстыми ногами в сапогах. Он сидел на замасленном диване иковырял спичкой в зубах. На длинной рыжей бороде висели хлебные крошки. Странно сочеталась совершенно лысая голова с буйной волосатостью нижней части лица. Корнилович сразу не понравился Володе.

— Разрешите-с представить сына мещанки Голубевой, — торопливо засюсюкал приказчик.

Корнилович, не вынимая изо рта спички, невнятно спросил, поведя рачьиими глазами:

— Голубев? У нас есть уже Голубев.

— Это-с младший брат его — Владимир.

— Ваш сын?

— Нет-с, простите, я холост. Привез его по поручению...

— А-а, значит, Санькин брат?

Корнилович выглянул в окно и крикнул:

— Эй, Василий, поди сюда!

Вошел худой, высокий человек в пенсне. Как потом узнал Володя, это был надзиратель училища Моисеев.

— Вот, прими новенького. Саньки Голубева брат. И, ни слова не сказав ни новому ученику, ни сопровождавшему его приказчику, снова занялсяковырянием в зубах.

Приказчик поклонился и вышел. В груди у Володи тоскливо заныло, он чуть не кинулся вслед за приказчиком, должно быть, поняв, что кончилось детство, началась новая жизнь.

Уныло опустив голову, он шел вслед за Моисеевым. В классы шли уроки, и в коридоре было странно тихо после оглушительного гвалта перемены. В тишине гулко стучали сапоги по кирпичным плитам. Далеко в конце коридора светилось окошко, и Володе казалось, что он идет по каменному подземелью.

Моисеев заметил, что новичок приуныл, и тихо спросил:

— Давно не виделся с братом?

— Я его совсем не знаю. Он был с мамкой, а я у тети Василисы жил.

— Ну, ничего, познакомитесь. Я поселю тебя в одной комнате с ним. Он старше и всегда тебя защитит.

— Да, здесь мальчишки дерутся. Вон какую шишку мне посадили.

— У нас это бывает. А ты не поддавайся, давай сдачи.

Тихий голос Моисеева, его доброе участие успокаивающе действовали на Володю. Он приободрился и доверчиво стал рассказывать:

— Дядя Илья золотом буквы тиснил. Книжки, как шпательки, узором покрывал. Он меня читать научил. Нить он ставил... а то бы тетка Василиса не умерла.

Знаете, какая добрая была, лучше мамки. Я у нее шесть лет жил. Теперь вот сюда отправили... У мамки жить негде, она в людях живет.

— Ну, ничего, привыкнешь. У нас есть и хорошие ребята. Идем сюда, в спальню.

Захвачанные руками, с облупившейся краской двери затворились, громко хлопнув.

В большой комнате с серыми от пыли стенами в три ряда стояли железные кровати с ржавыми спинками, покрытые мятыми солдатскими одеялами. Бязевые наволочки на подушках были грязно-желтого цвета.

Зазвенел звонок. За стеной послышался громкий топот и многоголосый шум. Сопровождаемые стуком затворяемой двери, в спальню врывались мальчишки. Они с любопытством оглядывали Володю.

— Голубев, к тебе приехал брат. Он тоже будет здесь учиться, — сказал Моисеев.

Эти слова были обращены к высокому худому мальчугану с бледным узким лицом и хмурыми серыми глазами. Из-под верхней губы у него чуть выдавался криво выросший зуб.

Володя с удивлением смотрел на брата. Вот какой он! Они впервые встретились после шестилетней разлуки и совсем не знали друг друга.

Черноглазый Володя с пухлыми детскими губами выглядел ребенком среди озорных мальчуганов.

— Кудри твои придется остричь, — сказал Моисеев. — Этим займется твой брат. Ну, ладно, оставайся, Володя. Кровать тебе к вечеру принесем.

Едва закрылась за надзирателем дверь, как мальчики со всех сторон обступили Володю.

— Эй, Клиг, подбросили тебе сосюнка! — крикнул большеухий мальчишка, посадивший Володе шишку. Он опять было намеревался щелкнуть его, но тот, помня наставление Моисеева, ловко увернулся и стукнул задирку кулаком в спину.

— Ях ти, гнида! — взвился большеухий и больно дернул Володю за чуб. Тут вступился Санька и крепким ударом отбросил его к стене.

— Опять дерешься, Хаджимат? Всех малышей, как гусак, циплешь! — с ненавистью говорил Саня.

И сразу образовалось два лагеря. Одни, во главе

с Хаджиматом, накинулись на Голубевых, другие тупили кулаками драчуна. И чем сильнее разгоралась драка, тем больше озлоблялся Санька против своего брата.

Дома, как только появился Володя, мать всегда обходила старшего лаской. Сладкий кусок, лучшая обновка — все доставалось младшему. Сколько раз Саньку пороли ремнем из-за маленького братишки! И вот теперь, в училище, из-за него дерутся мальчишки. Зачем он только приехал? Гладкий, красивый. И Саня готов был сам надавать брату хороших тумачков.

Так встретились братья Голубевы.

Первые дни Володя чувствовал себя в училище одиноким и беспомощным. Он боялся Хаджимата, замирал от страха, встречая преподавателей, и особенно при виде рыжебородого Корниловича. Ночами его грызли блохи и вши, а днем мучительно хотелось есть. Утром, съедая кусок серого хлеба с кружкой чая, он вставал на-за стола голодным и, с трудом дождавшись обеда, с жадностью, обжигаясь, набрасывался на постный борщ и кашу. В ужин опять давали хлеб и чай. Лишь в воскресенье к каше добавляли мясной соус. Ни молока, ни масла, даже в праздничные дни, дети не видели. И никто никогда не интересовался, в каких условиях живут ученики, как ведется преподавание. Отдаленность края избавляла Корниловича от ревизии, а он был занят своими личными делами. По соседству с интернатом он имел кустарную маслобойню и мыловарню, где целые дни кнутом гонял старого тощего верблюда. Верблюд вращал центрифугу, перекачивал масло в чаны, на нем же перевозили на пристань ящики с мылом.

В Петро-Александровске в красивом особняке жил начальник Аму-Дарьинской области полковник барон фон де Ропп. Он ни разу не побывал в училище, и ученики встретились с ним только на его пышных похоронах.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Прошло четыре года.

Алена стояла у плиты и, отвернувшись от сковородки, чтобы в лицо не брызнуло кипящее сало, глядела

в открытое окно — по улице проезжала арба на высоких колесах.

На арбе сидели два гимназиста. Сняв сковороду с огня, Алена выбежала во двор, распахнула калитку и, прислонившись к забору, с тоской смотрела вслед проезжавшим мальчуганам.

«Где-то мой Володя?» — думала Алена, и блеск больших карих глаз затуманили слезы. Уже не впервые ее сыновья проводили каникулы в училище, но сейчас Володя остался там один. Саня, закончив училище, уехал в Апхабад, где устроился на работу.

Арба скрылась за поворотом улицы, оставив позади большое рыжее облако пыли. Алена, устало опустив руки, побрела на кухню. В это время позади стукнула калитка, во двор вошел гимназист. Алена обернулась и, заслонившись рукой от солнца, вглядывалась в лицо вошедшего. Худой, черноглазый мальчуган стоял перед ней, озорно улыбаясь. В руках он держал большой узел.

— Володе-енька! — со слезами кинулась Алена к сыну. — Да почему же ты в форме?

— Потом расскажу, мама.

— Ты по делу приехал?

— Нет, я совсем... — смутившись, отвечал он.

— Как совсем, а учиться?

— Не поеду я больше туда... — угрюмо говорил он.

— Да жить-то как будем? Ведь хозяйка может рассчитать меня. Скажет, что сына моего не намерена кормить.

— Ты не беспокойся, мама, я работать пойду.

— Ой, сыночку, что ты натворил? У меня ведь только и была одна думка — образование вам с Саней дать. А форму-то почему надел? Может, в гимназию приняли? — предположила она невероятное.

— Нет, что ты, мама, кто меня туда пустит? Бедноту и в училище не шибко берут.

Володя рассказал матери, как, играя в лапту, разбил он мячом лампу в училище, вспыхнул пожар и за это его исключили. Форму же подарила ему жена Корниловича. Алена вытирала фартуком слезы и совсем пригорюнилась. Потом, вспомнив, что скоро надо подавать обед, всполошилась.

— Куда же мне тебя сейчас? — виновато сказала

она. — Посиди здесь на лавочке под деревом. Я быстро управлюсь.

На кухне ее ждала хозяйка. Недовольно поджимая губы, она спросила:

— Где это ты бродишь? Звала, звала тебя.

— Да я на минуточку на улицу выбежала...

Алена метнулась к плите, схватила сковороду и хотела поставить ее на конфорку.

— Постой, постой! — сердито остановила ее хозяйка. — Руки надо прежде помыть, а потом уж за посуду браться. А кто это там во дворе сидит на лавке?

Щеки Алены залило румянцем. Замирая от волнения, она еле слышно пробормотала:

— Сын мой, младшенький, приехал...

— Сын? Надолго он?

— На работу устраиваться хочет.

— Где ж он остановился?

Алена молчала.

— У нас жить негде, — строго сказала хозяйка.

— Я знаю, — тихо ответила Алена и робко попросила: — Можно, он во дворе переночует?

— Не знаю, не знаю. Мне нужно с мужем посоветоваться. Он, поди, у тебя курит, пожар еще устроит.

Алена вздрогнула при слове пожар. Если б хозяйка знала, что натворил Володя в училище!

— Господь с вами, барыня, разве такие курят? Всего-то двенадцать годочков ему.

— Разные бывают озорники. Словом, я тебе ничего не обещаю. Без мужа я не могу этого решить. А сейчас поторопись с обедом.

И, еще раз бросив недовольный взгляд в окно на сидевшего в тени тутовника Володю, хозяйка вышла на кухню.

Вопреки ожиданиям хозяин оказался более сговорчивым, чем его жена — он разрешил Володе пожить у Алены до тех пор, пока тот не устроится на работу, но, конечно, не преминул извлечь выгоду из его пребывания. Мальчик обязан был убирать двор и чистить конюшню — как раз в это время болел конюх.

Через несколько дней Володя нанялся в магазин рассыльным. Для житья ему отвели малюсенькую каморку под лестницей, где умещался деревянный топчан и табуретка.

В течение дня он выполнял уйму всевозможных поручений: относил на дом покупки местным богачам, сгружал с бричек прибывающие товары, вытряхивал мусор из корзин, начищал до блеска металлические дверные ручки, сдавал на почту письма и бандероли, мыл хозяину галоши и даже выводил на прогулку хозяйского пса. Не упускали случая воспользоваться услугами мальчика и приказчики.

В четырнадцать лет Володя сполна познал бесправие труженика-бедняка, увидел, как обманом наживаются деньги. Хотелось вырваться из душных стен, убежать от мешков, ящиков и бочек, не видеть красного, потного лица лавочника, угодливо улыбающегося покупателям с туго набитым кошельком и грубо покрывающего на людей, часто берущих в кредит.

Убежать бы в поле, на реку, слушать там песни вольных птиц, вдыхать душистый запах трав. Хоть на час почувствовать себя беззаботным мальчишкой, бегать наперегонки и смеяться. Кончилось, кануло в мрачные будни детство. Оно было такое короткое!

Не выдержав Володя общества своего лавочника и, нанявшись к купцу-бухарцу, уехал в далекое селение Карши. Несколько лет путешествовал он по кышлакам знойной Бухары.

ТЕБЕ ДОВЕРИЛИ ОРУЖИЕ

Кончился октябрь 1917 года. В России произошла революция. Весть об этом свежим ветром ворвалась в знойный Туркестан.

Володя работал приемщиком хлопка на заводе в Чимбае. Сгружая с подвод кипы хлопка, дежкане, радостно сверкая глазами, говорили о том, что в Ташкенте тоже установлена Советская власть и что теперь они не подчиняются баям и манапам. Володя жадно слушал их рассказы. Неужели кончилось его унижения и жизнь подарит радости, которых он был лишен с детства? Неужели кухаркин сын будет равноправным человеком? Он знал, идет ожесточенная гражданская война. Купцы, заводчики, чиновники, баи и все шкуродеры не хотели расставаться с награбленным добром. Они яростно сопротивлялись.

Володя твердо решил идти добровольцем в Красную Армию, чтобы защищать Советскую власть. Глубокую тревогу вызвало у него известие о том, что в Коканде организовалось буржуазное правительство, поддерживаемое английскими империалистами и взявшее себе в услужение басмаческую банду курбаши Иргаша, разбойника, известного своей жестокостью. И хотя кокандская автономия была разгромлена, Иргаш продолжал собирать вокруг себя банды. Главной их целью были грабежи. Белогвардейский же подпольный центр использовал их в политических целях, стремясь подорвать экономику молодого советского государства. Басмачи получали задания разрушать железные дороги, угольные копи, нефтяные промыслы, жечь хлопковые заводы и поселки, уничтожая население.

Докатилась волна басмачества до далекого Чимбая. Банда во главе с Джунаиджаном сначала грабила близлежащие районы.

Хлопковый завод стоял на окраине поселка возле пыльной дороги. Двор его был огорожен высоким дувалом, вдоль которого тянулись деревянные навесы и сараи для хранения хлопка. Из-за дувала далеко была видна кирпичная водонапорная башня. Ночью на ней, как на маяке, горел фонарь. И порой действительно он помогал караванам не сбиваться с пути.

В Чимбае хозяйничала весна. Сады стояли в белорозовых облаках цветенья. По утрам распевали щеглы и шумно ссорились во дворах воробьи.

Тревогу привез возчик, прибывший на завод с подводой свежего сена. Взволнованно рассказывал он, что на дороге видел басмаческие дозоры. К счастью, они не тронули его, но, по-видимому, вся банда находится где-то поблизости.

Торопливо сгрузив сено, возчик, усердно нахлестывая лошадей, быстро уехал. Вскоре тревожная весть о приближающейся опасности разнеслась по всему Чимбаю, и толпы перепуганных жителей с узлами в руках стали стекаться к заводу как к единственной крепости поселка.

Руководство обороной завода взял на себя военный комиссар Климов. Этот пожилой, чуть прихрамывающий на одну ногу человек был энергичен и решителен. Помогал ему работник добровольной милиции туркмен

Абдурашидов, высокий худой парень с впалой туберкулезной грудью.

Климов вышел к жителям, собравшимся толпой у ворот.

— Товарищи, все мы не разместимся на территории завода. В первую очередь позаботимся о женщинах и детях. Никаких узлов не берите с собой, оставьте только немного провизии. Каждый узел — это место еще для одного человека. Самые здоровые и сильные мужчины, способные принять бой, займут место в обороне. Остальные возвращайтесь домой и готовьтесь защищать поселок. Решайте сами, кто останется здесь.

Толпа напряженно молчала. Мужчины в нерешительности глядели друг на друга. Кто-то из них крикнул:

— Товарищ комиссар, вы сами отберете, кого сочтете подходящим!

— Правильно! Решай сам, комиссар!

— Хорошо, — согласился Климов. — Кто из вас умеет стрелять — выходите вперед.

Человек пятьдесят шагнули вперед.

Комиссар стоял перед ними с непокрытой головой, и над смуглым выпуклым лбом серебрились густые пряди седых волос.

— Хватит. Остальные, забирайте вещи и возвращайтесь в поселок.

— Комиссар, я пойду с ними, — сказал Абдурашидов.

— Хорошо. Будешь руководить обороной поселка.

Никто из оставшихся на заводе не потянулся за своим узлом — слово комиссара было законом.

Вместе с женщинами и детьми оставили и дряхлых стариков. Они не просили об этом и мужественно собрались идти в поселок, но, увидев с каким трудом передвигают они ноги, как сгорбились их спины, Климов приказал им остаться. И опять все молча согласилось, светлыми взглядами одобряя распоряжение комиссара.

Володя стоял у ворот и раздумывал, как ему поступить: идти в поселок или оставаться. Сомнения разрешил Климов.

— Все служащие завода остаются на своих местах — их прямая обязанность охранять завод.

На крышах сараев, на навесах возвели баррикады из плотных белоснежных тюков прессованного хлопка. Закрыли ворота на железные засовы. Мужчинам выдали винтовки. Патронов было мало, их раздали по счету.

Взял оружие и один старик. Небольшого роста, иссохший, как куст саксаула, с совершенно седой бородой и неожиданно черными густыми бровями, он протянул большие узловатые руки.

— А ну, дайте-ка, мне. Было время — белку в глаз бил, а уж супостатов как-нибудь...

— Вверяю тебе, отец, настоящую, боевую! — тепло улыбаясь, Климов подал старику трехлинейную винтовку.

Володе досталось старенькое ружье. Новые чувства волновали Володю. Впервые в жизни ему доверили оружие, как бойцу, он должен разить из него врагов — убивать их. От этого становилось немного жутко. И в то же время он ясно сознавал, что враги хотят отнять у людей свободу и равенство, которые даровала им Октябрьская революция, Советская власть — власть тружеников, простых людей, таких вот справедливых, как комиссар Климов, и Володя старался подавить в себе тревогу, понимая важность всего происходящего.

Ему поручили дежурить на вышке водонапорной башни, откуда, как на ладони, был виден весь поселок — узкие пыльные улицы, окаймленные кудравой зеленью садов, белые одноэтажные домики и убегавшая к горизонту серая лента дороги. Над всем этим разлилась необыкновенная тишина густой голубизны неба, и не верилось, что в эту тишину ворвутся выстрелы и шум сражения. Кое-кто даже стал подшучивать.

— Одной бабе почудился басмач на дороге, и она всех переполошила. У страха глаза велики! — говорил молодой рабочий, потряхивая вихрами огненно-рыжих волос.

— А что? Мне здесь неплохо — затишно, как говорят! — нарочито равнодушно протянул толстогубый, роговощекий увалень, приваливаясь гладкой спиной к кипам хлопка.

— Пусть идут в поселок, кто по дому соскучился, — хмуро бросил пожилой сторож в ситцевой серой рубашке, акручивая из обрывка бумаги козью ножку.

— И пойду! Басмачи, басмачи, подумаешь — гроза! — не унимался вихрастый.

Все промолчали.

Володя медленно шагал вокруг башни по узкому карнизу с металлическими поручнями. Вдруг в дальнем конце поселка поднялся вверх столб дыма, и голубое небо лизнул знойно-красный язык пламени.

«Неужели басмачи?» — подумал юноша, но тут же усомнился, — может быть, просто пожар. Надо доложить комиссару. Он крикнул вниз:

— Товарищ комиссар, разрешите спуститься для доклада.

Климов вскинул голову, глядя на Володю.

— Обожди, я сам поднимусь к тебе. — И быстро взбежал по лестнице.

— Что тут у тебя?

— Пожар в поселке.

Климов поднес к глазам бинокль. В это время взметнулось пламя и в другом конце поселка. Сомнений не было — это басмачи. Прямо с башни комиссар дал команду:

— Всем занять свои огневые позиции! Разговоры прекратить. Без моего приказа не стрелять. Беречь каждый патрон!

Далеко на дороге за клубилось рыжее облако пыли.

— Смотрите, товарищ комиссар! — воскликнул Володя, указывая на дорогу. Климов сам видел, как вырвался вперед первый всадник, и за ним растянулась целая цепочка басмачей. Вскоре ясно был слышен глухой топот коней.

Володя вдруг остро ощутил, как все, что тревожило его вначале, исчезло, уступая властному чувству ненависти к врагам. И чем ярче разгоралось зарево пожара, тем острее была жажда мести. Нет, рука его не дрогнет, посылая пулю в басмача.

Климов словно прочитал его мысли.

— Не горячись! Подпустим их ближе, чтобы ни одна пуля не пропала даром. А сейчас уходи с карниза, стрелять будешь из окна.

Дорога почернела от всадников. Их было не меньше трех сотен. В полосатых и черных халатах они, как живой дракон, мчались к заводу в клубах густой пыли.

Все ждали команды Климова. Когда строй всадни-

ков приблизился, комиссар, взмахнув рукой, крикнул:

— Огонь!

Грянул довольно стройный залп выстрелов. Он заставил басмачей отпрянуть назад, ломая линию строя и оставляя на дороге убитых. Но тут же на осажденных посыпался град пуль, и они не могли даже поднять головы. Пули со свистом рассекали воздух, застревая в мякоти хлопковых кип, щелкая по глинобитному забору и смертельно разя людей.

Как тяжелый мешок, рухнул розовощекий толстяк. Раненный в грудь вихрастый парень несколько раз поднимал ружье, но, не в силах удержать, опускал его, выплевывая сгустки крови. Хмурый сторож, сбив на затылок мятую кепку, методично выпускал пулю за пулей во всадников на дороге. Рядом с ним, прикинув к кипам, стрелял не торопясь седобородый старик, и губы его шевелились, может быть, он вел счет сраженных его пулями врагов.

Басмачи, выровняв строй, рванулись вперед. Кто-то подлетел к воротам и начал бить в них прикладом. Володя хорошо видел этого басмача и ловко снял его с коня одним выстрелом. Его заметили, и, осыпая навесью, пули зацокали по стенам башни. В течение пяти минут в окнах не осталось ни одного стекла.

Басмачи с коней перебрались на стены, прыгали во двор, поджигали кипы. Володя стрелял в них до тех пор, пока не кончились патроны. Очнувшись, он увидел, что остался один на башне.

Внизу, во дворе, осажденные, расстреляв все патроны, врукопашную дрались с басмачами. Среди них бился и Климов. Раненный в голову, утирая рукавом кровь, заливавшую глаза, он саблей отражал натиск врагов. Пуля пробила левое его плечо, и, вздрогнув от боли, он больше не поднял левой руки. Ничего не видя сквозь кровавую пелену, он рубил и рубил наотмашь саблей. Басмачи все теснее обступали его.

У Володи сверкнула дерзкая мысль — прыгнуть с башни на головы врагов. Он стал уже взбираться на подоконник, но в это время с грохотом рухнули ворота и с торжествующим кличем «Ур-р!» всадники ворвались во двор. Круг басмачей возле Климова раздался, и один из всадников, взмахнув кривой саблей, надвое рассек тело комиссара.

Володя глухо зарыдал. Шатаясь, как пьяный, он брел к выходу.

И вдруг у двери на лестницу он лицом к лицу столкнулся с басмачом, и тот не успел даже поднять оружие — Володя одним прыжком опрокинул его и сбросил в лестничный проем.

Схватка с врагом отрезвила его, придала сил. В мозгу настойчиво билась мысль: надо вырваться живым. Он осторожно выглянул в окно. Пылали тюки хлопка. В клубах дыма на залитом кровью заводском дворе хозяйничали басмачи — они сбивали прикладами ружей замки с кладовых, ломали ящики, вытряхивая на землю их содержимое. В ящиках были товары заводской лавки: ситец, платки, крупа, мука, сахар. Басмачи делили ткани, наматывая их, как на аршин, на клинок.

Из подвала слышался плач детей, голоса успокаивающих их женщин и бормотанье старух, в молитвах просящих бога о спасении невинных душ. У стены, сбившись жалкой кучкой, с поднятыми над головами белыми лоскутами стояло человек двадцать оставшихся в живых мужчин. Возле них с винтовкой наперевес ходил здоровенный басмач в полосатом халате.

Володя удивился, что никто из басмачей не идет в башню. Возможно, решили, что он убит, или, обуреваемые азартом дележа, забыли о нем. Бежать! Не теряя ни одной минуты, бежать! Неподалеку от ворот заводская конюшня, в ней лошади. Дверь в конюшню открыта. Надо пробраться туда.

Он стал спускаться с лестницы. И вдруг заметил, вернее, остро ощутил, что у самого выхода за дверью кто-то стоит. Притаился и ждет, чтобы по-воровски, сзади напасть. От сознания опасности все в нем предельно напряглось. Ждать было невозможно, каждую минуту в башню могли войти басмачи, и тогда уже не уйти от смерти. Решение пришло внезапно. Подойдя к перилам лестницы, он крикнул:

— Эй, ты, за дверью, выходи!

Каждое слово его, гулко отдаваясь под сводами башни, повторялось эхом.

Каково же было его изумление, когда из-за двери выглянуло радостное лицо заводского кассира Андрея Симкова.

— Володька, черт, что ты орешь? — зашептал Андрей.

— Андрюша! Как ты меня напугал, — с облегчением вздохнул Володя и поспешил вниз.

— Я сам услышал шаги на лестнице, ну, думаю, конец — басмач идет. И вдруг ты орешь. Вот здорово! Как же нам вырваться из этой мышеловки?

— Слушай, дверь в заводскую конюшню открыта. Там кони...

Никто не обратил внимания на несущих большие охапки сена людей. За сеном их почти не было видно. Одним взмахом вскочили они в седла и галопом метнулись в разбитые заводские ворота.

Побег Володи и Андрея настолько был дерзок, что басмачи сначала и не сообразили, кто это скачет на лошадях, а когда спохватились, всадников уже не достигали пули.

БЕГЛЕЦЫ

Раскаленное добела солнце поднялось в самую высь неба, и казалось, что оно никогда не сможет спуститься оттуда к горизонту.

Необозрима песчаная пустыня. Кое-где к застывшим барханам приникли серые кусты саксаула. Толстые, причудливо изогнутые корни их мертвыми змеями лежат на песке. В воздухе, плотном и тягучем, застыло безмолвие.

Из-за бархана появилась рука человека, судорожно хватая песок. Человек карабкался вверх, срывался и вновь полз. Голова его была замотана каким-то тряпьем. Ухватившись за ветку саксаула, человек подтянулся к кусту и в изнеможении упал, уткнувшись головой в песок. Вслед за ним появился второй. Шатаясь и прерывисто дыша, он шел, волоча по песку курджун. Лицо, густо заросшее, с глубоко запавшими глазами, выражало отчаяние и крайнюю изнуренность. Сквозь обтрепанную одежду виднелось худое пыльное тело. Он добрал до лежащего у куста и рухнул рядом. Потом, с трудом расклеивая распухшие, потрескавшиеся губы, прошептал:

— Андрюша...

Тишина была такой плотной, что голос едва слышался, теряя силу.

Лежавший не откликнулся, не шевельнулся. Володя, а это был он, долго отстегивал от пояса флягу. Она накалилась и обжигала руки. На дне ее жиденько плескалась вода. Приподняв голову Андрея, Володя поднес флягу к его губам.

Сделав несколько глотков, Андрей открыл глаза.

— Пропали мы... — еле внятно шепнул он.

— Нет, Андрюша... не затем бежали, чтобы пропадать... крепись, друг... — горячо, как в бреду, шептал Володя, а перед глазами все плыло, тело наливалось свинцовой тяжестью и вдавливалось в песок. Минутами сознание мутилось, он катился куда-то в пропасть, и противный шум заполнял уши. «Нет, не сдамся!» — билась упрямая мысль, и он начинал подниматься, упиравшись в раскаленный песок, хватаясь за ветки саксаула. Поднявшись, он строго говорил Андрею:

— Идем!

— Уходи...

— Не смей малодушничать!

— Оставь меня...

— Я не пойду один, ты слышишь?! — в отчаянии хрипел Володя. — Дай руку, поднимайся!..

Он попытался приподнять Андрея и бессильно падал рядом с ним.

Пробежал чуть заметный порыв ветра, он взвихрил на гребнях барханов маленькие смерчи, и они ручейками потекли по пустыне.

На горизонте появилась черная туча. Она ползла, надвигаясь прямо на солнце. Володя с надеждой глядел на нее: может быть, она прольется дождем и хоть на краткое мгновение охладит раскаленную пустыню... Ну, конечно, идет дождь, там впереди!.. Косые струи его секут белесое небо. Сейчас упадут прохладные капли... Володя протянул вперед руки и поднял лицо.

— Андрюша, дружище, дождь! — крикнул он. Туча заволочла солнце и пролилась дождем, который, не достигнув земли, испарился в расплавленной толще воздуха. Все вокруг потемнело. Ветер, обжигая лицо, стремительно понесся по пескам, наметая раскаленные сугробы. Володя обнял друга и заслонился от песчаного вихря курджуном. Песок лез в нос, глаза, уши и скрипел на зубах.

С воем мчался черный ветер, вырывая сухие пучки трав, и со звоном гнал обломанные сучья саксаула. Песок заносил беглецов.

«Вот и погибнем здесь в песчаной могиле, и никто не узнает где она, не придут сюда мама и брат...» — тоскливо думал Володя. Целый месяц скитались с Андреем, изнывая от жажды и зноя... Мечтали добраться до какого-нибудь селения...

Ветер поволок черную тучу дальше на запад, и буря внезапно стихла. Снова зной и безмолвие... Володя с трудом выбрался из-под песчаного сугроба. Сгреб песок с Андрея и, обессилев, привалился спиной к нему, безучастно смотря вперед.

Ветер переместил барханы, но от этого пустыня не стала приветливой. Вдруг в тишину влился мелодичный звон колокольчика, Володя прислушался. Звон донесся явственнее, и из-за бархана появился верблюд.

«Мираж!» — с горечью подумал Володя и закрыл воспаленные глаза. Каково же было его удивление, когда, открыв глаза, он увидел уже двух верблюдов, и на втором сидел человек в темном халате и войлочном белом калпаке. «Неужели басмач?» — с тревогой пронеслось в голове Володи.

Человек заметил беглецов и в замешательстве остановился. Володя поднял ружье. Человек соскочил с верблюда и спрятался за него. Это был старый туркмен. Он, по-видимому, имел самые мирные намерения и испугался не меньше. Опустив ружье, Володя направился к нему. Старик в страхе побежал.

— Ата, ата, не бойся! — кричал Володя. Старик остановился.

Услышав крик, зашевелился Андрей, приподнял голову.

— Ата, мы обились с дороги... Два дня не ели, кончилась вода... — волнуясь, рассказывал Володя, подойдя к старику.

— Дорогу не знал, зачем ходил пески? Кто будешь? — недоверчиво спрашивал туркмен.

Маленький, щуплый, иссохший, он стоял, широко расставив ноги, и, слегка сощурив глаза, придирчиво оглядывал беглецов.

— Из Чимбая мы... От басмачей бежали, — продолжал Володя.

— Моя сам бежал. Басмач баран взял, лошадь взял, дочка взял... Ай-ай-ай! — заплакал старик, раскачиваясь всем худеньким телом из стороны в сторону.

— Не плачь, отец! Мстить будем! За все расквитаемся, только бы из пустыни выбраться!

Пока Володя говорил со стариком, Андрей ползком добрался до них.

— Не дойдем... — с хрипом сказал он и беспомощно уронил голову.

Володя бросился к нему.

— Андрюша, потерпи, дружок! Выберемся! Старик поможет нам.

Туркмен подошел к Андрею, наклонился, поднес к губам бурдюк с водой.

— Пей. Отдыхай маленько, потом пойдем. Скоро колодец есть. Юрта ставить будем. Я дорога знаю. Дойдем. Дома мясо есть, тебе дам. Ты сильный джигит. У меня такой сын есть.

Через несколько дней старик привел беглецов к Сыр-Дарье. На противоположном берегу виднелся город Казалинск. Туда и намеревались переправиться беглецы, но их задержал военный патруль и на лодке доставил на станцию.

ВСТРЕЧА

Поезд пришел в Казалинск рано утром. Было свежо, и Нина, зябко кутаясь в одеяло, лежала на полке вагона, ожидая отправления. Но прошло уже более часа, а паровоз шумно отдувался, не собираясь торопиться. Проснувшись Евдокия Петровна и, тихонько отодвинув штору на окне, спросила:

— Что это за станция, Нина?

— Казалинск.

— Мы, кажется, давно стоим?

— Да, второй час уже, мамочка.

На станции было шумно. По перрону ходили хмурые пассажиры, у вагонов толпились крестьяне с мешками и корзинами, бегали озабоченные проводники.

Вышла и Нина с матерью. Обе они в светлых шляпах с большими полями, в серых дорожных костюмах. Встречные мужчины оглядывались на Нину. Нельзя

было не обернуться, увидев ее милое лицо, карие ласковые глаза с пушистыми ресницами и изящную фигурку. Евдокия Петровна замечала эти взгляды и в душе гордилась дочерью.

Из толпы пассажиров вышел, направляясь к ним, молодой человек в темном в узкую полоску дорогом костюме и форменной технической фуражке. Учтиво поздоровавшись, он остановился возле женщин.

— Геннадий Павлович, когда же мы поедем? — обратилась к нему Евдокия Петровна.

— Ничего неизвестно, Евдокия Петровна. Путь, говорят, разобран белоказаками.

— Мамочка, ты погуляй здесь, а я пойду к начальнику станции и все узнаю.

— Ради бога, никуда не ходи. Вдруг дадут отправление, и ты отстанешь от поезда.

— Уверю вас, он сам ничего не знает. Слышали, в Фергане появились басмачи? — вполголоса спросил Геннадий.

— Что же теперь делать? Ведь они могут появиться и здесь! — заволновалась Евдокия Петровна, нервно оглядываясь вокруг.

— Мам, я все-таки схожу к начальнику станции.

— Прошу тебя, Ниночка, не надо! Ах, ужасно! В такое тревожное время предприняли мы эту поездку в Москву, и вот приходится возвращаться.

В это время толпа на перроне отступила в сторону — вдоль полотна железной дороги конвоиры вели Володю и Андрея.

— Смотрите, ведут арестованных! — воскликнула Нина и с любопытством подалась вперед.

— Надо отойти в сторону. От таких можно всего ожидать, — испуганно шепнула Евдокия Петровна.

Нина, не слушая матери, осталась на прежнем месте и с участием смотрела на худых, с впалыми заросшими щеками юношей, на их грязную оборванную одежду. На какой-то миг Володя встретился с ней взглядом и, пораженный, с трудом оторвался от ее лица. Было в нем что-то необыкновенно дружелюбное и нежное. Он стыдливо запахнул на груди рваную рубаху и, еще раз оглянувшись на Нину, споткнулся о шпалу. Нина заметила густой смоляной чуб, по-детски пухлые губы и тонкую смуглую шею.

— За что же их арестовали? Что они могли сделать?— в раздумье спрашивала Нина, провожая взглядом арестованных.

— Наверно, за разбой,— пренебрежительно бросил Геннадий.

Нина подняла на него свои большие глаза и убежденно сказала:

— Такие молодые? Нет, они не могли совершить преступление.

— Теперь ни на кого нельзя положиться. Люди ни во что не верят, ничего не признают и никого не боятся,— раздраженно говорила Евдокия Петровна.

— Ты не права, мама, люди не боятся, когда во что-то верят, к чему-то стремятся.

Геннадий видел, что Нина почему-то взволнована встречей с арестованными. Его это удивляло и вызывало досаду. Немного резко он возразил ей:

— Вы не знаете еще людей, Нина. Они злы и жадны. За деньги покупается все!

— Нет, нет, настоящие люди не подкупны!— горячо воскликнула она.

Геннадий решил не продолжать спора и переменял тему разговора.

— Вы будете останавливаться в Ташкенте?

Нина недружелюбно посмотрела на него и промолчала. Евдокия Петровна, довольная тем, что разговор принял иное направление, охотно поддержала его.

— Да, мы хотим провести там остаток каникул, а к началу учебного года возвратимся в Ош. Нина ведь преподает теперь в школе.

Геннадий с удивлением поглядел на Нину.

— О, я этого не знал. Итак, выпускница скобелевской гимназии Нина Петровская — учительница, — многозначительно произнес он и слегка склонил голову в полупоклоне. Нина не ответила на его реплику.

Из станционного здания вышел дежурный и ударил в колокол. Толпа сразу зашумела, пассажиры побежали к своим вагонам. Паровоз шумно вздохнул, лязгнули буфера.

— Это нам,— обрадовалась Нина.

— Скорее, идемте в вагон.— И Евдокия Петровна, слегка придерживая длинную юбку, заспешила вдоль состава.

Геннадий проводил женщин, помог подняться на подножку вагона. Нина сухо поблагодарила его и, не обернувшись, вошла в вагон.

Паровоз весело прогудел, и состав плавно тронулся.

Комендатура находилась неподалеку от станции в небольшом белом здании, возле которого росли два чахлых куста акации. В темноватой комнате за столом сидел усталый пожилой комендант в выгоревшей гимнастерке с портупеей. Склонив лысоватую голову над картой, он что-то отмечал на ней красным карандашом.

В дверь заглянул конвоир.

— Разрешите ввести арестованных?

— Да, веди.

Оторвавшись от карты, он близоруко сощурил глаза, глядя на вошедших:

— Имя и фамилия?

— Владимир Голубев.

— Андрей Симков.

— Кто такие?

— Беженцы из Чимбая.

— А может, перебежчики?— жестко спросил комендант.

— Совесть у нас другая,— обиделся Андрей.

— Эк, куда хватил — совесть! У некоторых она обносилась и выцвела, как старая рубаша.

— Рубашку можно сменить, а совесть навечно с человеком,— строго сказал Володя.

Комендант поднялся из-за стола и подошел к юношам.

— В этом вся суть, а многие про это забывают. Говорите честно, откуда бежали и почему?

Володя отвел в сторону рукой нависший на лоб чуб и стал все по порядку рассказывать.

— Из Чимбая мы. На хлопковом заводе работали. Басмачи напали на поселок. Жители организовали отряд обороны на территории завода. Дрались крепко, но продержались недолго. Басмачей сотни три, наверное, было, у всех ружья английские, наганы. А у нас всего десятка три ружей, два револьвера — у комиссара да у милиционера. И патронов в обрез. Помощи ждать не откуда. Турткуль далеко. Ворвались басмачи во двор заводской и пули не стали тратить — саблями рубили. Сдались осажденные. Мы с Андреем взяли заводских

коней и рванули в пустыню. Думали через Кызыл-Кумы, вдоль Аральского моря, в Казалинск пройти, да в песках заблудились. Коней угробили и сами чуть не пропали. Спасибо, старик-туркмен вывел нас.

Комендант стоял, опершись на стол, не спуская глаз с парней.

— Так, так. Как же это вас басмачи выпустили?

— Не до нас им было. Добычу делили.

— А деньги у вас откуда? Полный курджун! Кого ограбили?

Комендант поднял лежащий на полу у кресла курджун и вытряхнул из него на стол пачки кредиток.

— Это ж деньги государственные. Что ж их было врагам оставлять? Я все подчистую забрал, чтоб в казну сдать, — гордо сказал Андрей.

Комендант чуть заметно улыбнулся и, заложив руки за спину, прошелся по комнате, сосредоточенно о чем-то размышляя. Остановился и, помолчав немного, мягко спросил:

— Что теперь думаете делать?

Парни переглянулись, и Володя горячо заговорил:

— Примите нас, товарищ комендант, в Красную Армию. Честно послужим власти народной.

Комендант молчал.

— Неужели не верите нам? Мы через Кызыл-Кумы к вам шли, чтобы врагу отомстить за комиссара Климова, за всех, кто пал от пуль басмачей, — волнуясь, говорил Володя.

— Ладно, ребята. Бойцы Красной Армии нужны. Отправим вас на Оренбургский фронт.

— Спасибо, товарищ комендант! — обрадовался Володя.

— Не подведем вас, — подтвердил Андрей.

— А теперь пару дней отдохните. Сейчас получите обмундирование, сходите в баню. Зачисляю вас на военное довольствие.

Через несколько дней Андрей и Володя выехали с воинским эшелоном в Оренбург, где шли ожесточенные бои войск Красной Армии с белогвардейскими бандами атамана Дутова.

Летом, осенью и в зимнюю стужу восемнадцатого года бились голодные, полураздетые красноармейцы с хорошо вооруженной белогвардейской армией. И так

велика была ненависть к белякам, так сильна воля к победе, что бойцы, подчас еще мальчишки, вроде Андрея и Володи Голубева, вставшие на защиту молодого советского государства, совершая чудеса храбрости, стояли Оренбург и разгромили дутовские банды.

В одном из боев Андрей погиб, а Володя был ранен. Еще находясь в госпитале, Володя узнал, что в Ташкенте готовится к отправке пограничный отряд для охраны Памира, и добился зачисления в этот отряд.

ВРАГ

Снег падал большими хлопьями, и уже все вокруг было белым-бело: и улицы, и дома, и деревья — небо слилось с белым мраком.

Необыкновенная тишина заполнила улицы. Снег, как губка, впитывал все звуки. Такого снега не помнили старожилы Петро-Александровска.

В маленьком домике на окраине, возле слободы староверов, где жила Алена, тоже было тихо. Кузнец Игнат, второй муж ее, еще утром ушел в мастерские судоремонтников, и Алена уже три раза подогревала щи, ожидая его, а он так и не пришел обедать.

Алена знала, что в город вошли красные войска, и все только и говорили о новой, советской власти, которая отнимет у богачей все, что они нажили нечестным путем, и заставит их работать.

«Господи, неужто справедливость на свете будет?» — вздыхая, думала Алена. Она слышала, что богач Мануйков, бывший ее хозяин, пытался бежать за границу, а купец Сазонов закопал золото у себя во дворе, но все это узнали, пришли красноармейцы, забрали золото и увели хозяина.

Вечер, как туча, заслонил свет. Алена истопила печь, поставила на угли чугунок с картошкой. Пока подойдет Игнат, она и сварится.

На улице хлопнула калитка, и кто-то, быстро взбежав по ступеням крылечка, постучал в дверь. Алена отворила. На пороге стоял молодой мужчина в меховой шапке и щеголеватой поддевке, отороченной серым каракулем. На нее глянули широко раздвинутые, большие карие глаза.

— Здравствуйте, Алена!

— Здравствуйте...

— Не узнаете?

Алена вглядывалась в лицо пришельца. И вдруг грудь стеснило радостное изумление: Саша Мануйков! Ну, конечно, он! Такой же коренастый, крепкий и взгляд настойчивый, тяжелый, как у отца.

— Никак, Саша... Александр Митрофаныч? — всплеснула руками она.

— Да, да, ваш Саша! — как-то торопливо заговорил гость.

— Ой, что ж это мы стоим на пороге? Идите в горницу, — засуетилась Алена.

Гость охотно зашел, сразу сбросил поддевку. На нем была кадетская форма. Алена, обмахнув фартуком, пододвинула табуретку гостю, но он не сел, а нервно шагнул по комнате. Потом подошел к ней и, просительно заглядывая в глаза, тихо заговорил:

— Алена, маленького вы всегда меня обороняли от бед. Помогите и теперь...

— Сашенька, да я для вас жизни не пожалею, — со слезами на глазах ответила Алена.

— Спасибо, спасибо, я так и думал, — говорил Мануйков, порывисто пожимая руку Алены. — Мне грозит опасность... я бы хотел, чтобы никто не знал, что я у вас... одним словом, спрячьте меня.

Сердце Алены тревожно сжалось. Что же это такое, почему он прячется? Она понимала, что, спрятав его, совершит какой-то нехороший поступок. Но разве могла она отказать «своему Саше», которого целовала, баюкала на коленях, кормила с ложечки? Спрятать, скрыть от мужа... Ох, не ждала Алена такой встречи со своим питомцем!

На улице слышались голоса. Мануйков дернулся рукой к карману. Алена даже глаза закрыла от страха, что он выхватит из кармана оружие. И тут же, стряхнув оцепенение, твердо сказала:

— Идемте.

Вышли во двор. Там, за кустами акации, стоял старый, покосившийся сарай. Алена провела туда Александра. Он торопливо сбросил китель с погонями.

— Сожгите это...

Алена закрыла сарай на засов и поспешила в дом. Отодвинув чугунок с картофелем, бросила китель в печь. Огонь лениво стал объедать дорогое сукно.

Во дворе стукнула калитка.

В сенях кто-то топтался, отряхивая снег. Вошел муж и двое красноармейцев.

— Ну, твой дом, Игнат, обшаривать не будем. Знаем, что, кроме бедности, другого врага в нем не найдем, — говорил немолодой красноармеец с давно небритым лицом и желтыми от табака крепкими зубами, которые открывала широкая улыбка.

— Садитесь к столу. У меня картошка добрая, целый чугунок, чай морковный, — приглашала Алена, сама удивляясь своему спокойствию.

— Спасибо, хозяйка, некогда. Пока будем чаевать, беляки разбегутся. Надо этих гадов всех до единого выловить. Сколько они сегодня наших людей уложили!

У Алены от этих слов ноги налились свинцом и больно заныло в затылке. Стоит вот перед честными людьми, они даже мысли не допускают, что она спрятала врага. Ее маленький Сашок стал врагом... Для того ли она его нянчила?

Красноармейцы ушли. Прибежали с улицы дочери, шумные, розовые с мороза. Сели ужинать.

Алена, подавая чугунок, как бы невзначай спросила:

— Ты завтра с утра на работу?

— Да. И разбуди меня пораньше — я дежурю в мастерских.

Перед сном Алена долго и усердно молилась. Игнат не выдержал и с улыбкой сказал:

— Ты, как великая грешница, поклоны бьешь. Эх, Алена, не тебе каяться! Весь свой век прожила в горе да нищете.

Даже в темноте запыхала у нее щеки от стыда. Не знает Игнат, что великий грех взяла она на свою душу.

Утром, еще затемно, Игнат ушел на работу. Девочки спали. Алена, накинув полушалок, выбежала во двор, сняла засов с дверей сарая и постучала.

Мануйков не спал. Завернувшись в поддевку, он сидел на высоком сундуке. Держа руку с наганом в кармане, крикнул:

— Войдите!

Алена вошла, сразу заметила его настороженность и, опустив глаза, тихо сказала:

— Александр Митрофаныч, сюда могут прийти...

— Я понимаю, — перебил он ее. — Сейчас я уйду. Не найдется ли у вас какая-нибудь одежда для меня? Я заплачу.

Ототкнув сундук, Алена торопливо достала рубашку и старый пиджак покойного Дениса. И хотя все это нескладно висело на Мануйкове, он остался доволен.

— Пальто бы мне или куртку теплую, Елена Илларионовна, — попросил он.

Алена подумала.

— Есть у нас, но уж очень заношенная ватная фуфайка.

— Вот и хорошо, — обрадовался Мануйков.

В ватнике, в старом картузе он выглядел рабочим парнем, и вряд ли кто мог узнать в нем теперь сына богатого купца.

Прощаясь, он сунул Алене в руку золотой. Она в страхе отдернула руку.

— Не надо, не надо, господь с вами!

Золотой покатился по полу.

— Возьмите, Алена. Спасибо вам большое!

— Нет, нет, не возьму я, — бормотала она и, согнувшись, шарила по полу рукой, разыскивая монету, чтобы возвратить ее.

Мануйков, не слушая ее, выскользнул за дверь и крадучись, через огород, вышел на улицу.

Алена плакала, утирая фартуком слезы, перед ней на столе блестел золотой. Ей было горько и стыдно, что она за деньги продала совесть и, как вор, таясь, укрывала в своем доме врага. Теперь она ясно сознавала, что Мануйков — враг.

Покрыв голову теплой шалью, она вышла во двор и, оглянувшись, не видит ли кто, далеко бросила монету. Она без звона где-то упала, зарывшись в снег.

ПАМИРСКИЙ ОТРЯД

В Ош отряд прибыл ночью. Город уже спал. Молча шагали бойцы по темным пыльным улицам. По шаткому деревянному мосту перешли через речку и долго

шли под тенью мрачной громады Сулейман-горы, распростершей в звездном небе, как гигантская хищная птица, свои каменные крылья. Потом, утопая по щиколотку в пыли, бойцы растянулись вдоль узкой, едва освещенной редкими фонарями улице, по сторонам которой из-за глухих заборов тянули ветви сады. И хоть шагал отряд тихо, собаки во дворах подняли отчаянный лай.

Рядом с Володей шел Георгий Сапунов, широкоплечий разговорчивый парень. Познакомились они в Ташкенте и во время долгого путешествия в поезде подружились.

— Ну и стараются, — заметил Володя, когда дворняги особенно расшумелись.

— Работают, — пошутил Георгий.

— Сколько сейчас времени?

— Часа три уже, наверно.

— Спать сейчас завалимся.

Улица вела в гору. Отряд прошагал по ней до конца и остановился у невысокой крепостной стены. Командир дал команду: «Вольно!» — и ушел в темноту. Вскоре послышался крепкий стук его кулаков в ворота.

Глаза привыкли к темноте, и Володя стал различать белые домишки напротив крепости, около них, как стража, стояли высокие пирамидальные тополи. Где-то рядом сонно шептал арык. Солдаты разыскивали его и умывались. Холодная вода освежала разгоряченные дальним походом лица.

Подошел комиссар отряда Луценко.

— Товарищи, возможно, придется ночевать во дворе. Казармы для нас не приготовили. Сейчас всем построиться! — приказал он.

— Интересно, о чем думали командиры? Не могли даже известить гарнизон о нашем приходе! — недовольно ворчал кто-то в темноте.

— О себе-то они наверняка позаботились и будут спать на перинах, — поддержал второй.

— Разговоры прекратить! Во время войны солдат не думает о перине! — резко прикрикнул Луценко.

Голоса стихли, и, закончив построение, отряд зашагал вслед за комиссаром. Он подвел его к воротам, где, подсвечивая большим фонарем, часовой с винтовкой за плечами осматривал входящих.

Место в казармах нашлось, только не всем хватило одеял. И опять кто-то ворчал и чертыхался, двигал за чем-то койки, шумно топая сапогами.

Володя разделся и с удовольствием растянулся на койке. От матраца пахло свежим сеном.

— Георгий, ты в рай был? — шепнул он

— Чего?

— Я говорю — в рай был?

— Спать надо, рай не надо, — сказал человек, лежащий на соседней койке, с явным киргизским акцентом.

— Спи. Сейчас у тебя рай, — ответил Георгий.

— Ты угадал... — сонно пробормотал Володя.

— Новый Магомет пришел, — опять вставил тот же голос.

Володя уже не откликнулся. Душистая волна унесла его в сон. Человек приподнялся на локте и, убедившись, что Володя спит, пошутил:

— Душа ушел, тело остался.

Кто-то засмеялся в темноте. Георгий, накрыв голову подушкой, заснул.

Утром выяснилось, что Памирский отряд дальше не пойдет и задержится в Оше. Во-первых, Памир был отрезан басмачами, во-вторых, необходимо было укрепить гарнизон, налеты басмачей на город участились.

Бежавший из тюрьмы уголовный преступник Хал-Ходжа собрал вокруг себя банду в несколько сотен человек и совершал наглые налеты на город и близлежащие районы. По улицам старого города даже днем было опасно ходить. Басмачи грабили жителей, убивали коммунистов, жестоко расправлялись с женщинами, снявшими паранджу.

Известие о том, что отряд на Памир не пойдет, вызвало недовольство среди бывших офицеров, юнкеров и кадетов, которых немало было в Памирском отряде. Как выяснилось позже, они вступили в отряд, рассчитывая на границе покинуть пределы родины.

Они глухо роптали:

— На каком основании нас здесь оставляют?

— Мы не намерены торчать в Оше.

— Это все выдумки нашего комиссара.

— Когда же мы теперь доберемся до границы?

Володю возмущало поведение этих молодчиков. Они держались вызывающе, были хорошо одеты и открыто

выражали пренебрежение к армейцам, выходцам из бедняцких и рабочих семей.

Рано утром, поставив ногу на засохшую корягу, Володя чистил свои старенькие сапоги. Неподалеку парень, чья койка находилась рядом с его койкой, стирал в арыке портянки. Парня этого звали Хамидом, он был бойцом отряда особого назначения (памирцев временно разместили по разным казармам). Приветливый, остроумный, он сразу пришелся Володе по душе. У него было тонкое красивое лицо и бравая выправка.

Из казармы вышло двое памирцев. Высокий, с легкой, как бы скользящей, походкой и коренастый русоволосый, с рыжеватыми усиками. Оба холеные, гладкие, начищенные. Проходя мимо Володи и Хамида, они презрительно взглянули на них, и русоволосый язвительно сказал: «Голь начищается». Оба засмеялись.

Этот смех задел Володю. Он бросил суконку, которой начищал сапоги, и крикнул вслед:

— Эй, послушайте!

Те двое сначала не поняли, что обращаются к ним, и шли дальше.

— Это я вам, памирцы!

Хамид, держа в руках мокрую гимнастерку, поднялся, ожидая, что будет дальше.

— Вы что-то хотите сказать? — обернулся высокий.

— Нет, вы скажете, что вас развеселило?

— Не понимаю, — пожал плечами коренастый.

— Вы смеялись над нами. Прошу объяснить, почему?

— Ах, вот вы о чем! — улыбнулся высокий. — Ничего обидного для вас сказано не было. Просто посмеялись, что вы усердно чиститесь.

— Да, кстати, если я не ошибаюсь, вы Голубев? — спросил вдруг русоволосый.

— Да, и что это вам говорит?

— Я хорошо знал вашу матушку. У нее совсем другой характер. Она женщина миролюбивая, а вы...

— Не смейте говорить о моей матери...

— Чего болтаешь? Зачем мать трогал? — подскочил Хамид, размахивая гимнастеркой.

— Ого! Этого вы мне не запретите. Ваша мать была моей няней, и я имею право говорить о ней, как и о любой прислуге из нашего дома.

Александр Мануйков, а это был он, произносил каждое слово высокомерно, как бы глядя сверху вниз на Володю.

— Вы забыли, что теперь прислуг нет! — вспыхнул Володя.

— История еще не поставила точку, — вставил высокий.

— Не вам придется ее ставить! — обрезал Володя.

В это время во двор вошел худощавый парень с саблей на боку и лентой патронов на груди. Скользнув острым взглядом по памирцам и, видимо, сразу оценив каждого из спорщиков, он подошел к Володе.

— Ну, что вы затеваете ссору? — примиряюще сказал высокий, увидев подошедшего парня.

— Оставь, Геннадий, я так дешево не размениваюсь. Идем! — Александр повернулся и пошел. Оба приятеля явно струсили, увидев численное превосходство бойцов.

— В следующий раз смейтесь в кулачок! — бросил вслед Володя. — Поналезли всякие в отряд...

Хамид резко бросил портянки на траву.

— Морду бить надо! Чего смотрел? — наседали на Володю.

— Обожди, Хамид, не кипятись. Я думаю, таких гнать надо из отряда, — сказал парень с саблей. — Ладно, с ними еще разберутся. Только что о памирцах был разговор у Лебедева. Не желают драться с басмачами. Мы, говорят, направлены на Памир для охраны границы и не собираемся раньше времени подставлять головы под пули. Попробуй, поговори с такими!

— Что ж мы будем делать в Оше? — возмутился Володя.

— Бузу пить! Знаешь такой напиток?

— Знаю.

— Вот и пей.

— Ты напрасно так думаешь. Не все одним лыком шиты! — обиделся Володя.

— Не сердись, я не о тебе. Мне кажется, что в этом ты придется им не ко двору. И я рад с тобой познакомиться. Дмитрий Чураков, — улыбаясь протянул руку парень.

Володя охотно пожал его руку и назвал себя. Еще раньше приметил он в крепости Дмитрия. Был он значительно моложе, пожалуй, щек его еще не касалась

бритва, а над упрямо сжатыми губами пробивался русский пушок, но во всей его крепко сбитой, стройной фигуре, в остром взгляде серых глаз чувствовалась уверенность и живой ум.

Митя куда-то спешил, а Хамид вызвался показать Володе город. Он повел его в самое людное место, где через резвую Ак-Буру был перекинут шаткий деревянный мост. Над мостом, по всем четырем углам, на пригорках стояли мечети. Напротив полнеба заслонила Сулейман-гора.

Город Ош считался «святым городом», второй Меккой, и толпы паломников шли сюда со всех сторон. Они поднимались на самую вершину Сулейман-горы, где стоял белый «священный» домик.

«Кто побывает в храме, тот освободится от грехов», — говорили муллы и шейхи.

Живыми ручейками текли по тропинкам паломники. Шли дехкане в старых темных чапанах и выцветших бельбоках. Темные от загара их лица казались выточенными из мореного дуба. В цветастых шалях и платках, закрыв лицо черной паранджой, шли женщины, держа в руках детей и узелки. Черными птицами с устало опущенными крыльями двигались старушки. Степенные шаги их сопровождалась едва уловимым мелодичным звоном серебряных украшений, вплетенных в концы кос. И когда солнце уходило за снежные вершины гор, мужчины, расстелив на земле тряпицу, опускались на колени и совершали священный намаз.

Покидая храм, паломники оставляли на кустах, растущих по склонам горы, лоскуты своей одежды, ленты, платки, чтобы аллах не забыл их просьбы. Но не только лоскуты дарили они — муллам и шейхам они отдавали деньги, заработанные тяжким трудом. Обо всем этом рассказывал Володе Хамид.

От моста тянулись торговые ряды. Базар был в самом разгаре. Возле обгоревших столбов бывшего крытого рынка, сожженного басмачами, кричали ишаки, запряженные в повозки, блеяли овцы, привезенные для продажи, толпились сотни людей.

Сказочным шатром раскинулся ряд ярких узорчатых ковров. Затейливые пирамиды кумганов, кувшинов, пиал, раскрашенных фаянсовых чайников выложили на кошмы гончары.

Дехкане в потертых, залоснившихся халатах продавали вяленую янтарно-золотистую курагу, грецкие орехи и сизо-диловый кишмиш. В воздухе плавал дразнящий запах шашлыка. Его жарили на длинных тонких вертелах над пылающими углями в жаровнях.

И хотя солнце купалось в чистой лазури неба и ярко сверкали в его лучах алые, синие, изумрудные узоры ковров, безмятежны были фигуры нищих, сидевших подле расстеленных для подаяния платков, в разноголосом шуме базара чувствовалась тревога. Казалось, она затаилась в обугленных столбах, в молчаливости женщин, униженных паранджой и пугливо прячущих в складках одежды свое тело, в зловещем силуэте Сулейман-горы, пепельно-серым исполином надвинувшейся на старый город.

Стоило кому-нибудь немного громче вскрикнуть, как все беспокойно озирались и мужчины хватились за рукоятки ножей, заткнутых за пояса. Лишь верблюды с гордой независимостью смотрели вокруг, спокойно пережевывая свою жвачку.

В толпе нередко можно было столкнуться с басмачами. Маскируясь, они ходили в поношенной одежде, иногда даже просили подаяние, под полой же халата прятали оружие и подчас пускали его в ход.

Володя с Хамидом долго петляли по узким, кривым улицам старого города, где арба, проезжая, задевала колесами противоположные дувалы. Ни единого звука не доносилось из-за глухих стен домов. Нищета, горе, отчаянье — ничто не выходило за пределы дворов. Улицы были пустынные, изредка попадались прохожие. Казалось, жизнь замерла здесь.

Время подходило к полудню. Солнце шарило жаркими руками по раскаленным, душным тупикам, и юноши решили возвратиться домой. Из-за угла улицы, ведущей к базару, неожиданно выскочил человек в грязной рваной одежде, в остроконечной высокой шапке. Володе сразу бросились в глаза хищный, крючковатый, чуть смещенный влево нос и изъеденное оспой лицо.

Увидев людей в военной форме, беглец, пытаясь скрыться, толкнулся в ближайшие ворота, но они оказались закрытыми. Тогда он решил бежать напролом, мимо бойцов. Чутье Володе подсказало, что человек этот с недобрыми намерениями, и он мгновенно подста-

вил ему подножку. Тот не ожидал этого и растянулся во весь свой немалый рост. Только дернулся правой рукой к поясу, где виднелась рукоятка маузера, как Володя схватил его за руку и, рванув вверх, поставил на колени. Сзади навалился на него Хамид.

В этот момент из-за угла выбежал Чураков с крепким, статным парнем. Рябой в бессильной злобе рванулся, но Хамид и Володя держали его крепко.

— Попался, собака! — подскочил Дмитрий. — Ишь, вырядился дервишем! Мы тебя сразу узнали, Кытанбек.

— И я тебя хорошо запомнил, черномазый... — шипел басмач в лицо Володи по-киргизски.

Володя понял и ответил:

— Не советую встречаться со мною вторично.

— Не разговаривай с этим бандитом! — посоветовал Митя.

— Все равно от меня не уйдешь, орус... — злобствовал Кытанбек.

— Боря, успокой его, — обратился Митя к красивому здоровяку.

— В капкан попался, а еще грозитесь! — возмутился Борис и схватил рябого так за руку, что у того по лицу пробежала гримаса от боли.

— А ну, иди, иди! — прикрикнул Борис, вынимая из кармана наган.

Басмач что-то пробормотал себе под нос и нехотя пошел.

Задержанного басмача доставили в ЧК и поместили в камеру предварительного заключения, которая находилась в одном доме с особым отделом ЧК. Начальник особого отдела Лебедев был где-то в отъезде, его ожидали к вечеру, но и на следующее утро его не было.

Лебедев приехал в полдень. Он был совсем молодой, лет двадцати, не старше. Прошел к себе в кабинет и пригласил Дмитрия с его помощниками. Сидя за столом, внимательно выслушал рассказ Мити о поимке басмача.

Володя смотрел на Лебедева и все пытался вспомнить, где он встречал его. Увидев однажды этого человека, трудно было забыть. У него белый высокий лоб и удивительные глаза. Большие, немного грустные, они смотрели из-под черных, густых бровей так, будто заглядывали в самую душу, читая все сокровенные

мысли. От них нельзя было что-нибудь утаить. Весь он тонкий, подтянутый был, как стальная пружина, собран. Заметив испытующий взгляд Володи, он спросил:

— Ты что меня, как девушку, разглядываешь?

Володя смутился.

— Я где-то встречал вас и не могу вспомнить.

Лебедев улыбнулся и глаза зайскрились, стали озорными.

— Память, видно, коротка! Ты здешний?

— Нет, я в Чарджуе родился. Сюда приехал из Ташкента. В госпитале там лежал после ранения.

— Где воевал?

— Под Оренбургом.

— Значит, вместе беляков гнали.

— Правильно, вот где я видел вас!

— Теперь здесь будем воевать. Спасибо вам, товарищи. Кытанбек — крупная дичь. Молодец, Голубев. Ловко ты его подсек. Да, а ты комсомолец?

— Нет. Я бы вступил, да не знаю, как это сделать.

— Что ж, Дмитрий, помоги товарищу. Ну, дольше не смею вас задерживать.

В дверях они встретили Луценко. Он поздоровался с ними и прошел к Лебедеву.

— Здравствуй, Валерий.

— Здравствуйте, комиссар.

Луценко был чем-то обеспокоен и сразу стал изливаться душу.

— Черт знает, что за отряд мне дали! — начал он, садясь на стул возле Лебедева. — Не желают принимать участия в обороне города! Приказов не выполняют.

— Я уже знаю это.

— Так они же от безделья сопьются все!

— Да, отряд весьма недисциплинированный. Есть, конечно, в нем и хорошие бойцы. Вот сейчас у меня был Голубев. Надежный боец. Придется их на карательной службе использовать, чтобы других бойцов для дела освободить.

— Караульщики из них выйдут, как из меня персидский хан.

Через несколько дней Кытанбек в пути из ЧК в тюрьму бежал. Конвоировали басмача бойцы Памирского отряда.

ЗА ЛУЧШИЙ МИР, ЗА СВЯТУЮ СВОБОДУ

Собрание только что началось. В большой комнате рядами стояли стулья, на них сидели комсомольцы. Чуть светила электрическая лампочка, и в тусклом свете ее трудно различались лица. Дмитрий же, едва вошел, сразу кому-то кивнул головой, здороваясь. Он слегка подтолкнул Володю к рядам стульев.

— Ребята, подвиньтесь немного, — шепотом попросил он, и сидящие быстро передвинулись, освобождая место.

Впереди у стены стоял стол, покрытый кумачовым полотнищем. За ним Володя увидел Лебедева, Кудайбергена, Бориса, какую-то тоненькую девушку с тяжелой косой на плече и черноглазого подвижного юношу. Этот юноша поднялся, одернул гимнастерку и заговорил. В комнате стало очень тихо.

— Мы живем в тревожное время. Вокруг, как волки, рыскают басмаческие банды. Мы ни на минуту не должны забывать об этом. Они готовятся к тому, чтобы нанести сокрушительный удар по Советам. На базаре тайно продается оружие. Оно направляется басмачам. Население Оша и его районов голодает. Не хватает хлеба и других продуктов питания: мяса, масла, сахара. В то же время кулаки Куршаба, Рождественки и других сел прячут пшеницу в землю и потом продают за золото. Мы должны быть бдительны и зорко следить за врагом. Мы не забыли, как зимой банда Хал-Ходжи устроила расправу над мирными жителями старого города. От их рук погибли лучшие наши люди: Султанов, Касымбеков, Усманов и Бабажанов.

Володя слушал и чувствовал, как глубоко волнует его все, что говорил этот кареглазый комсомолец, он боялся упустить хотя бы одно слово.

— Это Владимир Земсков, секретарь нашей комсомольской ячейки, — шепнул Дмитрий Голубеву.

— Сотни детей остались сиротами, — продолжал Земсков. — Это наши младшие братья и сестры. Мы должны заботиться о них. Они плохо одеты, голодны. Нужны средства на их содержание. Подумайте, товарищи комсомольцы, как нам помочь детям?

Земсков замолчал. Ему стали аплодировать. Кто-то крикнул из рядов:

— Правильно, надо помочь сиротам!

Земсков сел с краю у стола. Глаза его еще горели от волнения. Поднялся Лебедев.

— Товарищи, какие будут предложения?

— Разрешите мне! — раздался звонкий голос из самого дальнего угла комнаты.

— Говори, Малышев.

К столу прошел ясноглазый, светловолосый паренек небольшого роста и, сияя глазами, заговорил:

— Мы можем организовать лотерею. Соберем вещи, сделаем билеты и распродадим их. Это раз. Устроим платный концерт. Миша Михайличенко стихи свои читает. Джура подготовит с хором новую программу. Это два.

И все посмотрели на скамейку у окна, где сидел Зайнабетдинов, кареглазый юноша с вихрами непокорных волос.

Необыкновенно сложилась судьба у Джуры. Мальчиком отец отдал его в медресе, мечтая сделать сына служителем аллаха. Но встретился на пути Джуры умный, образованный, прекрасной души человек, педагог Мырзапазил Касымбеков. Он спросил мальчика:

— Почему ты учишься в медресе? Ты хочешь быть муллой?

— Я хочу быть грамотным.

— Ты очень способный мальчик. Иди в русско-туземную школу, там получишь настоящее образование.

— Отец прогонит из дома меня за это.

— Хорошо, ты будешь жить в моем доме.

И Джура стал воспитанником Касымбекова. Он закончил русско-туземную школу и работал учителем...

— Ну, как, Джура, согласен? — спросил Малышев.

— Конечно, мои ученики с удовольствием выступят.

— Лотерею проведем, товарищи? — обратился к комсомольцам Земсков.

— Проведем! В этом нам девушки помогут.

— Я хочу сказать! — поднял руку Шамсутдинов.

— Говори, Хамид!

— Лотерея делать будем, концерт делать будем. Народ придет много. Зал военный собрания тесный. Куда пойдем?

— В парке гулянье устроим! — крикнул кто-то из рядов.

— Парк прибирать надо! Кругом старый листья. Как гулять будем? Никто не пойдет!

— Правильно, Хамид, — поддержал Земсков. — Давно пора навести в парке порядок. Проведем субботник по очистке парка. Как, товарищи, согласны?

— Согласны! — хором ответили комсомольцы.

— Садись, Ваня, — обратился Земсков к Малышеву. — Организацию лотереи предлагаю поручить Шуре Чураковой. Кто — за, прошу поднять руку. Единогласно. Слышишь, Шура? — сказал Земсков, повернувшись к сидевшей за столом тоненькой девушке. Та смущенно улыбнулась, и щеки ее медленно порозовели.

«Это, наверно, сестра Дмитрия», — подумал Голубев и вдруг услышал, что называют его фамилию. Говорил Лебедев.

— Сегодня на наше собрание пришли товарищи, которые решили рядом с нами бороться за власть Советов и просят принять их в ряды коммунистического союза молодежи. Один из них Владимир Голубев, боец Памирского отряда. Выйди сюда, Володя.

Голубев поднялся и прошел к столу. Десятки пытливых глаз устремились на него, обежали крепкую фигуру, заметили хорошую военную выправку и волнение на юном смуглом лице.

— Голубев гнал банды Дутова из-под Оренбурга, был ранен, лежал в госпитале в Ташкенте. Вступил в Памирский отряд. В Оше уже успел принять участие в одной стычке с басмачами, где проявил себя смелым бойцом. Я лично рекомендую его в комсомол. Кто еще скажет о Голубеве?

Поднялся Дмитрий.

— Мне привелось с Голубевым басмача в плен брать, надежный товарищ! Спину в бою не покажет! Голосу — за!

И сразу поднялся лес рук.

Володя чувствовал, как к лицу жарко прихлынула кровь и сердце гулко застучало. Ему было радостно, что эти боевые парни, веселые и озорные, верят ему и он станет с ними плечом к плечу в борьбе с врагами Советской власти.

— Итак, единогласно принимаем! Поздравляем тебя, Володя!

Земсков поднялся и крепко пожал ему руку.

— Обещаю оправдать доверие! — взволнованно сказал Володя.

Вслед за Голубевым перед комсомольцами встала красивая, похожая на гречанку девушка с черной косой и гордыми с поволокой глазами. О ней тепло говорила Шура Чуракова. Она рассказала, что Лиза Неупокоева во время налета Хал-Ходжи на старый город бесстрашно входила в горящие дома, выносила оттуда детей и метко стреляла в басмачей. Узнав все это, комсомольцы дружно проголосовали за принятие Лизы в свои ряды. Когда же зашла речь о вступлении в комсомол Мухамеда Арсланова, то его даже не вызывали к столу и в один голос заговорили, что о Мухамеде нечего рассказывать — все хорошо знают и любят девятнадцатилетнего учителя, смелого доброотрядца, с честью несущего военную службу, и давно считают его комсомольцем.

Как-то получилось, что все трио новичков сидело вместе. И если Володя и Мухамед были взволнованы радостным событием, то Лиза сидела молчаливо спокойная.

Собрание кончилось, но все остались на своих местах, никто не спешил уходить. Разговаривали вполголоса, шутили.

Дмитрий крикнул сестре:

— Шура, иди сюда!

Она подошла.

— Это сестра моя — Александра, — пояснил он Голубеву. — Познакомься, Шура.

У Шуры было тонкое задумчивое лицо и печальные глаза. Они глядели пристально и загадочно. Она протянула Володе маленькую узкую руку, пожатие ее было неожиданно крепким.

— Посиди с нами, — попросил ее Дмитрий. Шура откинула назад косу и молча села рядом с Володей. Вдруг чей-то голос звонко запел:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут.

И сразу, не сговариваясь, все подхватили:

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу!

Володя тоже пел и чувствовал, как песня сплотила всех воедино. Казалось, что они не сидят в плохо освещенной комнате, а идут строем по залитой солнцем улице. Когда же запели припев, то все поднялись.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Голоса звенели металлом, короткие призывные слова припева произносили торжественно, как клятву.

И когда смолкла песня, комсомольцы молча стали расходиться. Говорить не хотелось, чтобы не расплескать то прекрасное и священное, чем наполнила песня их сердца.

В темноте теплого вечера бесшумно исчезали фигуры комсомольцев. Было настолько темно, что Дмитрий и Володя, боясь потерять Шуру, вели ее, взявши за руки. Она шагала осторожно, будто выбирала тропку.

Жили Чураковы неподалеку от крепости на Училищной улице. Возле ограды росли высокие кусты акации, унизанные белыми гроздьями цветов. Аромат их теплой волной плыл по улице. Дойдя до ворот, Володя хотел попрощаться и уйти, но Митя не отпустил. Нет, ты должен к нам зайти. Шура, приглашай!

— Зайдемте. Чаю выпьете с нами. Вы, наверно, давно дома не были? — задушевно спросила она.

— Давно, — вздохнул Володя.

По кирпичному, полукругом сложенному крыльцу поднялись и вошли в небольшой белый дом.

В доме пахло печеным картофелем. В комнате стоял большой стол, покрытый серой в клеточку клеенкой, а вокруг приткнулись к нему старенькие стулья с гнутыми круглыми спинками.

Володя заметил, что в комнате нет ни икон, ни лампады. На Училищной улице так и звали Чураковых — безбожники.

В дверь с любопытством заглянула круглолицая, голубоглазая девчушка лет девяти и сразу исчезла. Вошла мать Евдокия Акинфиевна. Ее приветливое, улыбающееся лицо сразу располагало к себе. Под голубыми, живыми глазами легкой паутиной сплелись морщинки, на белый гладкий лоб выбилась прядка волос с серебристыми нитями седины. Володя с уважением смотрел на нее — вот она какая, жена сосланного революционера, о которой говорил Хамид.

— Садитесь к столу, — пригласила она. — Митя, неси самовар, он давно поспел.

На столе весело запыхтел самовар. Шура бесшумно расставила пиалы, принесла тарелку с печеной картошкой, хлебницу с ломтями киргизской лепешки и вазочку с золотистой курагой.

— Вы издалека сюда приехали? — спросила мать.

Володя рассказал о том, как скитался по кишлакам, об осаде в Чимбае, как воевал в Оренбурге. Валюшка так заслушалась, что чуть не опрокинула пиалу с чаем себе на колени. В глазах же Евдокии Акинфиевны заблестели слезы. Она по-матерински провела рукой по плечу Володи.

— Да, много вынес ты с малолетства... Девятнадцать тебе сейчас?

Володя утвердительно кивнул головой.

— Значит, ровесник моей Александре, — она тепло улыбнулась, сверкнув удивительно белыми зубами.

Поговорили о предстоящей лотерее, и Володя собрался уходить. Дмитрий и Шура проводили его за ворота. В темноте таинственно светились ее глаза и дурманил запах акации.

В памяти Володи облик этой девушки так и слился с ароматом цветущей акации. Засыпая, он долго думал о ней. Вспомнил мягкий, печальный взгляд, осторожные шаги и неожиданно крепкое пожатие руки. Что-то в ней было необыкновенное, чувствовался сильный характер. Первая вступила в комсомол — одно это о многом говорило.

День стоял жаркий. Сулейман-гора, накаленная солнцем, как печь, источала тепло.

Володя Голубев со свертком маты возвращался с базара. Алена писала, что в Андижане, куда она переехала со вторым своим мужем Игнатом, очень трудно купить мануфактуру, и Володя решил собрать для нее посылку. Купил он несколько аршин светло-голубой тонкой маты для маленьких сестреноч, которых еще не видел, и поглубже, темно-синей, на брюки Игнату. Шел он по Татарской улице. Любил он эту тихую тенистую улицу. Из-за высоких дувалов выползали светло-зеленые нежные усы виноградных лоз. Кудрявые карагачи и тутовник заслоняли пешеходов от знойных лучей солнца.

Володя подходил уже к парку, когда позади послышался конский топот. Он обернулся и увидел двух всадников в черных киргизских малахях. Один из них целился в него из карабина. В тот же миг пуля сбила фуражку с Володи. Он быстро поднял фуражку и хотел броситься в первый же проулок направо, но увидел, что впереди навстречу идет какая-то женщина. Убежать, бросив беззащитную женщину среди улицы, по которой мчались стреляющие всадники, — этого он не мог сделать. Володя поспешил к женщине.

Это была Нина Петровская. В одной руке она несла сумочку, другой прижимала к груди стопку ученических тетрадей.

Позади опять раздались выстрелы. Нина остановилась, беспомощно оглядываясь по сторонам. Володя подбежал к ней.

— Что же вы стоите? Вас могут убить, идемте!

Схватив девушку за руку, он потянул ее в переулок. Тетради выскользнули и рассыпались по земле. Она высвободила руку и стала собирать тетради.

— Вы с ума сошли! Бросьте к чертям эти бумажки! — закричал Володя.

— Это работы моих учеников. Я не могу их бросить! — упрямо возразила девушка.

— Работы! Вас пристрелят из-за этой дребедени. Бегите! Я сам соберу.

Довольно крепко подтолкнув Нину, он собрал тетра-

ди и побежал вслед за ней. В переулке сразу приметил длинный, высокий дувал, из-за которого тянулись густые ветви деревьев.

— Идемте сюда. Теперь становитесь мне на спину и прыгайте в сад,— говорил Володя, согнувшись возле дувала.

Опять слышались выстрелы и близкий топот. Нина оторопело смотрела на Володю.

— Быстрее!— разозлился он.

Нина неловко поднялась на его спину, взобралась на дувал и прыгнула в сад.

— Держите!— он подал ей тетради, сверток маты и вслед за ней перебрался сам. Только они успели скрыться, как мимо промчались всадники. Нина с испугом посмотрела на Володю, потом взгляд ее упал на тетради, и она тихо вскрикнула:

— Они все испачкались!

Володя погрозил ей пальцем, она замолчала и села на пенек срубленного дерева. Володя смотрел сверху на нежный изгиб белой шеи, на легкое облачко пушистых волос вокруг милого взволнованного лица.

Аккуратно разглаживая каждую тетрадь, она складывала их в стопку.

На улице была полная тишина. Володя осторожно выглянул и, убедившись, что опасность миновала, тихо сказал:

— Можно выходить.

— Я сама выберусь отсюда.

Нина умоляюще смотрела на него.

— Не капризничайте, ведь с той стороны арык, и вы поломаете ноги. Взабирайтесь на дувал и сидите, пока я не переберусь туда.

Он опять подставил ей спину, потом ловко перемахнул через дувал и подставил ей руки.

— Прыгайте!

На какое-то мгновение легкое облачко ее волос коснулось его лица, он ощутил на руках тяжесть ее тела, поставил на землю и, лихо козырнув, собрался уходить.

— Обождите. Я хочу вас поблагодарить и узнать... имя своего защитника,— остановила его Нина.

— Благодарить не за что. Моя обязанность охранять жителей города.

— Я вам очень признательна, товарищ... Ну вот, видите, без имени не обойтись.

Володя щелкнул каблуками и представился:

— Рядовой Памирского отряда Голубев.

Нина чуть заметно улыбнулась и в тон сказала:

— Учительница местной школы Нина Петровская.

Володя смутился.

— Вы уж извините, если я вел себя...

— По-рыцарски!— не дала договорить ему Нина.

— Совсем наоборот, грубо по-военному.

— Я остаюсь при своем мнении. До свидания!

— До свидания!

Нина, прижав тетрадки к груди, быстро пошла. Он смотрел ей вслед. Летел тополиный пух, щекал лицо, и Володя вспомнил прикосновение Нининых волос.

СУББОТНИК

Парк был старый, заросший травой, засыпанный сухими листьями. Широкой аллеей сбежал он к левому берегу Ак-Буры, где по круглому светло-серому галечнику, журча, катились прохладные струи воды. Аллея перекидывалась через реку небольшим деревянным мостом на сваях. Догадливые строители с обеих сторон его повесили террасы с резными перилами и скамейками, чтобы в летние вечера приходили сюда горожане дышать свежим, прохладным воздухом.

Мостик давно обветшал — доски его шатались, перила обрушились, и редкие смельчаки отваживались сидеть на подгнивших скамейках. Володя Земсков не раз собирался прийти с комсомольцами в парк и навести порядок. Но более важные дела отесняли заботы о парке. И вот теперь важное — помощь голодающему населению — невольно повлекло за собой и уборку парка.

День стоял светлый, умытый ночным дождем, и в парке пахло палыми листьями, дымились на солнце дорожки, испаряя влагу. словно на параде выстроились рядами высокие белоствольные тополи, нежились на солнышке гроздь акаций.

Первым пришел Володя Земсков. В руках у него была пила.

Он давно заметил несколько старых карагачей, одряхлевших от времени. «Надо спилить их, чтобы не рухнули когда-нибудь, а дрова отправить в больницу», — подумал Володя и, закатав повыше рукава рубахи, примерился пилой. Только начал пилить, как подошел Кудайберген, сбросил гимнастерку и, оставшись в синей тельняшке, подошел к Земскову.

— Давай на пару!

Работать с Ниязовым было просто приятно, он так вел пилу, что движения становились плавными, красивыми.

Между тем в аллеях было уже шумно. Пришло много молодежи города — не только комсомольцы. Застучали топоры, зашаркали рубанки. Это братья Михайличенко чинили скамейки. Ваня Малышев и Лиза сгребали старые листья. Почтальон Саша Приходько, часто выезжавший на линию для ремонта, по привычке взобрался на высоченный тополь и спиливал старые ветки. Лиза, смеясь, сказала:

— Тише, товарищи, Саша не слышит: гудят провода или нет.

Рубаха у Земскова взмокла от пота. Кудайберген заметил это и спросил:

— Отдохнем, Володя?

— Пожалуй, можно.

Они сели на поваленное дерево. Отсюда хорошо была видна центральная аллея. Земсков obeжал ее глазами. «Где же Шура? — подумал он. — Может быть, заболела? Надо у Мити спросить». Он видел, что Чураков прошел к мосту. И вдруг заметил вдали ее тоненькую, гибкую фигурку. Улыбнувшись, поднялся.

— Ну, Кудайберген-мерген, начнем?

— Хоп! — ответил Ниязов и пружинисто поднялся.

Шура шла по аллее, вглядываясь в лица. На голове у нее полыхала красная косынка, ситцевое платье с бруснично-алыми цветочками билось широким подолом по смуглым ногам. Какой-то парень окликнул ее, она молча кивнула ему головой, даже не узнав, кто это. Она боялась сама себе сознаться, что ждет встречи с Голубевым. Спустившись с пригорка к реке, она сразу узнала, что он здесь, так радостно забилося ее сердце, и тотчас увидела его. Наклонив черноволосую голову, прилаживал доску к перилам моста. Возле Володи сует-

тился маленький Асан. Этот мальчонка, как репей, прилип к нему с первого дня появления Памирского отряда в Оше. Круглолицый, с маленьким, пуговкой, носом и быстрыми, как у мышонка, глазами, он при всяком удобном случае увязывался вслед за Володей. И сейчас то подавал ему гвозди, то, присев на корточки, проверял, ровно ли легла доска. В больших, не по росту, стоптанных сапогах, в перешитой бойцами гимнастерке и домотканых ярко-синих штанах он выглядел довольно забавно.

Привязанность мальчика трогала Володю. Он знал, что Асана нашли среди развалин сгоревшего дома возле трупов родителей, убитых басмачами. Жил он в крепости уже несколько месяцев. Пробовали отправлять мальчика в детдом, но он убежал оттуда и упрямо твердил, что хочет быть бойцом. Возможно, душа ребенка ожесточилась, и он мечтал отомстить за смерть родителей. Бойцы уговорили начальника гарнизона оставить Асана в крепости. Они делились с ним своим скудным пайком и заботились о его одежде.

На мосту плотничали Борис Нестеренко и Дмитрий. Шура взбежала по шатким доскам и подошла к брату. На плече она легко несла тяпку.

— А, главный прораб явился! — весело воскликнул Чураков, увидев сестру. Володя подхватил шутку Дмитрия.

— Разрешите доложить — перила починены!

Шура улыбнулась. Удивительной была ее улыбка, она, словно светлый луч, освещала лицо, делая его совсем юным, как у девочки.

— Ну, хорошо. Уж если я прораб, то извольте подчиняться. Идите в парк и расчищайте аллею, — нарочито строго сказала она, а сама вся светилась: щеки порозовели, глаза мерцали золотыми озерками.

Дмитрий с удивлением смотрел на сестру, он впервые видел ее такой. «Что с ней?» — думал он.

— Товарищ башкарма, бери меня в парк, — выступил вперед Асан, щелкнув расхлябанными сапогами. Все засмеялись.

Володя взял у Шуры тяпку, и все, смеясь, гурьбой направился в парк.

Шура и Асан сметали в кучи старую, бумажно-шуршащую листву, а Володя с Борисом носилками сва-

ливали ее в дальнем углу парка. Дмитрий выравнивал лопатой дорожку аллеи.

Володе приятно было работать рядом с Шурой. Он любовался ее смуглыми проворными руками, тяжело падающей с плеч косой. Она держалась просто, без всякого кокетства. Иногда он ловил на себе пристальный взгляд ее золотисто-карих глаз и дружелюбно улыбался.

Косынка на голове Шуры сбилась, открывала белую дорожку пробора в блестящих черных волосах. Ресницы и брови припорошило пылью. Она, видимо, устала — над верхней губой появились бисеринки пота. Володя заметил это и шутливо спросил:

— Товарищ прораб, а перерыв нам полагается?

Шура поправила косынку и, вздохнув, тихо ответила.

— А ведь и правда, устали уже.

Отдыхали все вместе на широкой зеленой поляне среди тополей. Трава, высвобожденная из-под палых листьев, ярко зеленела, подняли к солнцу примятые головки цветы.

Шура расстелила клеенку, и на ней сложили узелки с лепешками, пластиками вяленой дыни, редиску, вареный картофель, перья зеленого лука. Ели, запивая холодной водой из Ак-Буры. Приносил её в ведерке Асан. По дороге он поймал черепаху и торжественно положил к ногам Шуры.

Черепаха пугливо спряталась в свой панцирь. Шура хотела отнести ее в кусты, но мальчик попросил разрешения взять ее с собой. Потом о черепахе забыли.

Кто-то принес балалайку, и Голубев стал играть на ней.

Митя затянул шуточную песню, подражая дьячку:

Как поп наш благочинный
Забрался в погреб винный,
Хлебнул на пятиалтынный

И все хором подхватили:

Приблизительно-о-о...

Земсков, изображая попу, забасил:

Дьякон, дьякон!
Посмотри-ка в окно,

Не идет ли кто,
Не несет ли чего?

Митя ответил дискантом:

Идет старушонка,
В руках у нее курчонка-а-а...
— Подай, господи,—

басил Земсков.

И опять хор подхватил:

Подай, господи-и-и...

Спели еще несколько куплетов и потом долго смеялись.

На аллее появилось несколько памирцев. Среди них были Геннадий Рах и Александр Мануйков. Памирцы шли мимо комсомольцев. Чураков окликнул их:

— Эй, важные господа, может быть, растрясете немного жирок, возьметесь за метлу и лопату? Гулять по парку охотников много, а вот заняться уборкой его желающих мало.

— Ну и убирайте себе на здоровье, если уж у вас так руки чешутся,— грубо ответил Геннадий.

— У меня давно руки чешутся походить по твоей спине,— отрезал Дмитрий и шагнул навстречу Раху. Вслед за ним подступили Володя и Кудайберген.

Неизвестно, чем бы кончилась эта перебранка, если бы совершенно неожиданно в парке не оказалась Нина Петровская. В белой блузке с глухим воротничком, в черной юбке, с волосами, собранными большим мягким узлом на затылке, она казалась выше и старше.

Нина, не замечая воинственного настроения юношей, подошла к Володе.

— Здравствуйте,— сказала она приветливо.— Я услышала, что здесь поют, и решила посмотреть, кто это.

Володя почему-то смутился и чувствовал себя неловко.

— Мы здесь субботник устроили, парк убирали, а теперь отдыхаем.

— Ах, как жалко, что я не знала о субботнике! Я бы с учениками пришла,— говорила она, обращаясь ко всем.— Познакомьте меня, Володя, со своими товарищами.

— Нас здесь слишком много, едва ли вы запомните всех, — сказал Дмитрий.

— У меня в классе двадцать пять учеников, и я всех знаю по именам, — улыбнулась Нина.

Володя познакомил ее с комсомольцами, даже Асана представил. Рядом стояли памирцы, и он не знал, как ему поступить. Не мог назвать он их своими товарищами и замолчал в замешательстве. На помощь пришла сама Нина.

— А это, судя по форме, бойцы Памирского отряда? Кстати, Геннадий, я не знала, что вы в отряде.

— Вас это удивляет? — спросил Рах.

Нина бросила на него быстрый взгляд.

— Откровенно говоря — да.

— Думаете, что сын крупного коммерсанта не может быть патриотом?

— Просто мне казалось, что вы будете держаться в стороне от всех событий.

— И дрожать за свою шкуру? Нет, вы ошиблись. Отец давно стал для меня чужим человеком. Я ушел из богатого дома и живу теперь в казарме, — говорил, немного рисуясь, Геннадий.

— Что ж, очень рада за вас. Мне кажется, что вы поступили правильно.

Ответ Нины, по-видимому, задел самое больное место Геннадия, и он решил чем-либо уязвить ее.

— А вы уже успели познакомиться с нашими бойцами? — он бросил пренебрежительный взгляд в сторону Голубева.

— О, это произошло в необычайных обстоятельствах, — и Нина озорно поглядела на Володю. — Он меня, как говорится, спас во время налета басмачей. И так был строг со мной... — она по-детски виновато улыбнулась. — За что я ему благодарна.

— Грудью встал на защиту хорошенькой девушки! — иронически воскликнул Геннадий.

Володя вспыхнул жарким румянцем.

— Я выполнял свой воинский долг и не вижу в этом повода для насмешки.

Нина решила отвести назревшую ссору и изменила тему разговора.

— Почему же вы перестали петь? Спойте еще, по-

жалуйста. Я с удовольствием к вам присоединюсь, если вы, конечно, примете меня.

— Запевай, Дмитрий, — попросил Кудайберген.

— Лучше давайте танцевать. Сыграй, Голубев, плясовую, — неожиданно предложил Геннадий.

— Вроде, не время сейчас для плясовой, — хмуро ответил Чураков.

— Что ж, и повеселиться теперь нельзя? — возразил Мануйков.

— Сыграй лезгинку, — попросил Рах.

И Володя, только что повздоровший с самодовольным памирцем, решил не омрачать светлой радости этого дня, он настроил балалайку и ударил по струнам.

Геннадий, одернув гимнастерку, выгнул грудь и плавно скользнул по кругу. Танцевал он красиво, движения его были стремительны, изящны. Все, забыв резкие его слова, дружно хлопали в такт в ладоши и кричали: «Асса! асса!»

Все стремительнее мчался танцор. Вдруг неожиданно задержался перед Ниной, вызывая ее в круг. Володя нахмурился. Все испытующе смотрели на Нину, а она в замешательстве, как бы прячась, подалась назад. Геннадий еще раз прошелся по кругу, опять направляясь к Нине, и вдруг поскользнулся и упал. Все засмеялись — под ногами была черепаха. Он быстро поднялся и повторил вызов.

Нина вышла вперед, сложила крест-накрест руки на груди и, чуть притопывая каблучками, гордо подняв голову, приняла вызов. Шура, не отрываясь, смотрела на Нину, на ее красивое оживленное лицо. Оно все время меняло свое выражение, то в нем сверкало озорство, то глаза подергивались дымкой задумчивости, и тогда нежность была во всех его чертах. Сердце Шуры тревожно билось. Она посмотрела на Голубева и прочла в его взгляде такое восхищение, что сразу все поняла. И, поняв это, словно померкла вся. Если утром Митя удивлялся свету, которым были полны ее глаза и улыбка, то теперь Земсков, следивший за Шурой, был поражен мгновенной переменой, произошедшей в ней. Он подошел и мягко спросил:

— Шура, ты, наверно, устала очень?

Она удивленно поглядела на него.

— Нет. Почему ты так подумал?

— Извини, мне показалось...

Шура улыбнулась, и от этого глаза казались особенно печальными.

— Хочешь, я провожу тебя домой? — предложил Земсков.

— Не беспокойся. Мне здесь очень хорошо. — И, взяв себя в руки, она стала обычной Шурой — спокойной и замкнутой.

Пройдясь дважды по кругу, Нина остановилась и, словно удивляясь, обвела всех взглядом.

— Джакши! — крикнул Хамид и захлопал в ладоши. Все поддержали его.

...Они молча шли по берегу Ак-Буры. О чем-то шептала в тишине живая трепетная вода.

— Я вас увела от товарищей, — как бы извиняясь, сказала Нина.

— Ну и что же, с ними я еще увижусь.

— Знаете, а я все время думала, где я раньше встречала вас?.. Помните: поезд, стоящий на станции, толпа недовольных пассажиров... Вы шли под конвоем...

Нина остановилась и подняла глаза на Володю. Тревожные строгие глаза, лицо в дымке задумчивости, все это сразу увидел он.

— Значит, я не ошибся — это были вы! — взволнованно вырвалось у Володи.

— Вы помните эту встречу?

— Да, как сейчас. Мы бежали с Андреем из Чимбая от басмачей. Шли через пески... голодали... умирали от жажды... Оказывается, здорово хочется жить! Жизни настоящей я еще не видел. С двенадцати лет — мальчик на побегушках. Хотелось учиться, а нужно было зарабатывать на хлеб... И вот революция! Кухаркин сын — полноправный человек! Вы не поймете этого, Нина! — говорил он с болью.

— Может быть, но я хочу, должна понять!

На белый чистый лоб ее набежали морщинки.

Молча пошли дальше. Возле большого, гладкого валуна, лежащего у самой воды, остановились. Она села на камень, подобрав маленькие ноги под юбку.

— Володя, хотите, я буду с вами заниматься?

— Спасибо, Нина. Сначала закончим войну.

— Я хочу помогать вам, вашей борьбе. Стрелять я не умею...

— Вы помогаете — учите детей. Это очень важно сейчас.

— Нет, я хочу делать что-нибудь еще не по долгу службы...

Володя задумался. Ему было радостно, что эта нежная, красивая девушка предлагает свою помощь. Что-то вспомнил и обрадовался.

— Есть одно дело, в котором вы будете полезны. Это лотерея, — сказал Володя.

— Я буду продавать билеты, да? — оживилась Нина.

— Вам все расскажут. Я познакомлю вас с Земсковым.

— Спасибо. Я ведь думала, что навсегда уронила себя в ваши глаза.

— Почему?

— Уж больно растяпой выглядела тогда... Вы даже прикрикнули на меня: «Бросьте к черту эти бумажки!» Володя улыбнулся.

— Вы же не слушались меня.

— Почему я должна была вас слушаться?

— Я солдат, охраняющий город, и по возрасту я старше вас.

— Сколько же вам лет?

— Скоро исполнится двадцать.

— И когда будет отмечаться это торжество?

— Честно говоря, никогда еще не праздновал свой день рождения, — горько сознался Володя.

— Вы разрешите мне испечь для вас пирог в этот день?

— Я, право, не заслужил его.

— Вы придете к нам и пригласите с собой друзей.

— Солдату сейчас не до праздников...

— Никаких отговорок я не принимаю. А теперь мне пора домой.

— Я вас провожу?

Нина утвердительно кивнула головой. Он помог ей соскочить с камня. И опять они шли рядом.

В ЛОГОВЕ БАСМАЧЕЙ

Столбы густой пыли медленно расплывались в безбрежной синеве неба. Чьи-то хриплые гортанные возгласы, тревожное мычание коров, фырканье лошадей, непонятная ружейная перестрелка — все сливалось в монотонный гул.

«Где я?» — соображал Митя, придя в сознание, и сразу же почувствовал тупую ноющую боль по всему телу. Во рту нестерпимо жгло, он пошевелил языком и ощутил солоноватый привкус крови. Приоткрыв тяжелые, будто свинцом налитые веки, разведчик понял, что лежит поперек седла со связанными руками. Сомневаться не приходилось: он в плену у басмачей. Куда его везут? Что ждет его? Как же это случилось?

...Два дня назад по заданию Лебедева Митя вместе с Кудайбергенем были направлены в село Япалак. Там, на месте, предстояло выявить басмаческих приспешников, которые искусно и скрытно вели агитацию против Советов, призывая к «священной войне» — газавату с неверными.

Прибыв под вечер в Япалак, разведчики остановились у знакомого старика Акрама, сын которого, Нуритдин, служил вестовым начальника уездной милиции Добрынина. Чекистам удалось выяснить, что за три дня до их появления в доме крупного бия-казия¹ Хамракулова, ночью состоялось тайное собрание «маслагат»², где присутствовала вся кишлачная знать вкупе с посланцами басмачей. По всему чувствовалось, что басмачи, войдя в сговор со своими приверженцами, затевают что-то недоброе. Что именно, этого разведчики пока не знали. Уточнив имена участников совещания, Митя предложил Кудайбергену остаться в кишлаке для наблюдения еще на день, а сам поспешил в город.

Едва первые лучи майского солнца окрасили багряным одетые в ледяные халаты вершины далекого хребта, как Митя уже шагал околицей кишлака. Не по годам рослый, худощавый, с острыми чертами лица, облаченный в полосатый халат, в сапогах, в черной с белыми разводами допе он меньше всего походил на разведчика-чекиста. Местным языком он владел безукориз-

¹ Духовный судья.

² Совещание.

ненно, знал национальные обычаи, даже умел при необходимости совершать намаз. Впрочем, удивительного в том ничего не было: Митя вырос в Оше, по натуре был наблюдательным, с детских лет дружил с мальчишками из старого города.

Большие серые с хитринкой глаза чекиста внимательно прощупывали окрестность. Басмачи частенько наведывались в пригородные кишлаки, поэтому ухо надо держать востро. Митя сознательно выбирал круглой путь — осторожность никогда не мешает.

Ночью прошел небольшой теплый дождик, следы которого сохранила трава. Дождевые капли на траве, не успев испариться, сверкали в первых лучах солнца прозрачными бусинками, словно слезы на девичьих ресницах.

Вот она, земля-кормилица! Серая, поросшая сорняками, не вспаханная, не засеянная трудолюбивой мозолистой рукой дехканина. Да и что мог посеять чайрик¹, у которого не было ни захудалой лошаденки, ни семян?

Острый глаз разведчика уже различал жилые строения на окраине города. Идти оставалось совсем немного, от силы километра полтора, и тогда можно считать себя в безопасности.

Перейдя проселочную дорогу, чекист зашагал по ровному полю. Невдалеке протекал глубокий арык. Митя, не торопясь, напился холодной, до ломоты в зубах, арычной воды, отряхнул с халата комочки прилипшей земли и круто свернул налево, намереваясь сократить путь. Правее, совсем недалеко, мирно паслось стадо коров, за ними тянулась гряда невысоких, слегка порывевших холмов.

Веда спалилась неожиданно-негаданно. Издали донесся лошадиный топот, и на гребне холмов показался всадник, за ним второй, третий, четвертый... Не задерживаясь, верховые спустились в ложбину и помчались к стаду. На холмах снова замаячили всадники, трое отделились и поскакали в сторону Мити. Послышались истошные вопли пастухов, шарахаясь из стороны в сторону, тревожно замычали коровы.

«Что это? — подумал разведчик. — Неужели... Так

¹ Издольщик.

и есть! Басмачи!» По спине пробежал противный озноб. Громче, быстрее привычного ритма забилося сердце. Руки сами потянулись за пистолетом.

«Что же делать? — соображал чекист. — Укрыться нигде. Сопротивляться? Что толку... Только выдам себя, тогда верная смерть — ухлопают без разговора. А может, выкручусь? Набрешу что-нибудь...» Митя достал записную книжку, завязал ее вместе с пистолетом в платок, нагнулся и поспешно зарыл узелок в землю.

Гикая, нахлестывая камчами коней, всадники приближались к разведчику. А он спокойно ждал с недоуменным выражением на лице. Осадив коней, басмачи взяли чекиста в полукольцо. Он твердо посмотрел в лицо одному из них и невольно вздрогнул. На разведчика в упор смотрели холодные, гадючьи глаза. Рот басмача очерился в злобной улыбке. Крючковатый нос, изъеденное оспой лицо бандита производило отталкивающее впечатление.

— Таксыр¹, — жалобно произнес Митя, — отпустите меня, я бедный сирота...

Договорить ему не дали. Словно раскаленная проволока, на голову со свистом обрушилась камча. Удары плетью следовали один за другим, плети ложились на плечи, спину, лицо чекиста... В глазах потемнело, солнце вдруг покачнулось, поплыло. Разведчик осел, повалился на землю, чувствуя, как теплая липкая кровь заливает лоб. Последним, что сохранило сознание, были слова, сказанные басмачом:

— Чекист... Я его сразу признал. Быстрее вяжите ему руки и увозите...

Очнулся Митя, когда Ош остался далеко позади: банда вместе с угнанным стадом коров уже миновала перевал Узун-Мурун. Твердое седло давило на грудь, трудно было дышать, все тело задеревенело. Облако пыли заволакивало и стадо животных, и всадников. Пыль назойливо лезла в глаза, в нос, в уши, скрипела на зубах. По долетавшим обрывистым фразам басмачей Митя догадался, что за ними по пятам гонится отряд красных бойцов. Оставив на перевале заслон, басмачи спешили уйти от погони. У разведчика вспыхнула слабая надежда на освобождение.

¹ Господин.

Однако лежать поперек седла подобно курджуну не очень-то удобно. Надо подняться. Напружинив тело, чекист приподнялся, подобрав правую ногу, и перекинул ее через седло, едва не свалившись с коня. Выпрямился, глубоко вздохнул, оглянулся. Позади стада тянулись на конях с десятков басмачей. Они пугливо озирались в сторону перевала, откуда по-прежнему, то нарастая, то утихая, доносились звуки боя.

Видимо, не выдержав натиска, басмаческий заслон, отстреливаясь, медленно отступал. Какой-то километр отделял Митю от своего отряда. Вот уже красноармейские пули с посвистом стали долетать до стада. «Чего доброго, от шальной пули своих можно погибнуть...» — подумал Митя, все еще не теряя надежды на избавление из плена. Но этой надежде не суждено было осуществиться: на помощь заслону невесть откуда подоспела группа басмачей. Бой у перевала закипел с новой силой, а стадо вместе с захваченным разведчиком удалялось все дальше и дальше.

Вскоре начался спуск. Узкая горная дорога пролежала между отвесными красно-бурыми скалами. Ущелье кончилось, впереди расстилалась широкая долина, окаймленная горами. Теперь Митя узнал эту местность. Сейчас дорога повернет направо, в Ятань, а прямо — Иски-Наукат. «Логово басмачей», — вспомнил он слова Лебедева, когда речь заходила про этот большой кишлак. Где-то здесь, поблизости, находилась экономическая база главаря басмаческих банд на юге Киргизии Муэтдина. В воззваниях к населению он громко именовал себя «Воинственным Шер-Магомет-Бек Газы». Но для братьев по разбою он был известен как закоренелый бандит Усман Алиев. Посулами вольготной жизни, обманом, а нередко и угрозами на вербовав около пяти сотен хорошо вооруженных басмачей, Муэтдин объявил себя беком Ошского уезда и стал производить опустошительные набеги на всю округу.

* * *

...Утром Саша Приходько, голубоглазый ошский почтальон, разбирал по адресам прибывшие письма и только собирался положить их в сумку, как прискакал нарочный от Лебедева.

— Слушай, Сашко, линия повреждена. Валерию Андреевичу позарез надо с Наукатом связаться.

— Я вот собрался письма разнести. Ну, ладно, пусть полежат. Говоришь, Наукат молчит?

— Да, еще ночью не отвечал.

— Хорошо, я сейчас выеду на линию.

Саша отложил сумку с письмами, достал из канцелярского шкафа моток провода, кошки для лазания по столбам, плоскогубцы и через минуту вместе с нарочным ехал по улице нового города. Возле больницы они расстались. Саша свернул на дорогу, ведущую к Наукату.

Выезжать на линии для ремонта было обычным для Саши делом. Он сам вызвался работать монтером. Многие же линейные ремонтники, боясь нападения басмачей, отказывались от выезда за пределы города. Тихий, неприметный юноша беспрекословно выполнял любое поручение.

Утро стояло светлое, солнечное. Дорога шла среди полей, где уже белели раскрывшиеся цветы хлопка. Высоко в небе пели жаворонки. Оглядывая тонкую нить проводов, Саша невольно любовался звонкоголосыми певцами. И радостная песня, и чистая синь неба, и тишина, выставшая покоем дорогу, — все это настраивало на лирический лад. Вспомнились стихи:

Между небом и землей
Песня раздается.
Неумолчно струей
Громче, громче льется...

Саша уже далеко отъехал от Оша, и никто не встретился ему на пути. Наконец он увидел порванные провода и остановил лошадь. Спешился. Привязал коня к столбу, надел на ноги кошки и, повесив моток провода на плечо, стал взбираться по столбу вверх. Соединив концы разорванного провода, услышав его живое гудение, он поглядел сверху на поля, на заснеженные вершины гор вдаль. Были бы крылья, взмахнул бы сейчас и полетел... Саша улыбнулся своим мечтам.

Впереди на дороге он увидел скачущих всадников. Они быстро приближались. Не успел он еще ступить на землю, как его окружили басмачи. Они били его камчой по лицу, плечам, издевались над его беспомощностью — с тяжелыми железными крючьями кошек на ногах. Он

не мог двигаться и они гоняли его ударами до тех пор, пока он не свалился без сознания. Один из басмачей длинной пикой вновь разорвал провода и, ткнув в грудь лежащего на земле Сашу, сказал:

— Подохо, собака!

Басмачи поскакали дальше.

Саша очнулся и с трудом открыл заплывшие глаза. Смутно вспомнилось, что с ним произошло. Приподнявшись на локтях, он пополз с дороги в кусты. Услышал журчанье воды в арыке, пробрался к нему, напился желтой глинистой воды и лег, закрыв глаза, еще раз перебирая в памяти подробности нападения басмачей. Он помнил, что несколько всадников избивали его, а другие сразу поскакали дальше. Среди них Саша заметил лошадь, к седлу которой был привязан лежащий ничком человек. Он не разглядел его лица, только запомнились светлорусые густые волосы. Кто-то еще попался в руки басмачей.

— Надо пробраться в Ош... Доложить обо всем Лебедеву, — думал Саша и, преодолевая боль, полз вдоль дороги.

Сколько времени он так продвигался, Саша не знал. Только солнце уже стало клониться к горизонту, и он понял, что день угасает. Ползти было тяжело, он изранил о камни и кусты руки, пот заливал глаза, но подняться на ноги не было сил — голова кружилась и подступала тошнота. Добравшись до высокого карагача, Саша заметил, что возле него земля сильно вытоптана конскими копытами и в некоторых местах покрыта бурыми пятнами. «Это кровь!» — сверкнула в голове догадка. Здесь кого-то избили, а может быть, даже убили... И как ни тяжело было Саше, он все же решил осмотреть все вокруг — вдруг где-нибудь лежит этот несчастный. Но пятен дальше нигде не оказалось, только наткнулся на какой-то странный бугорок и на нем вроде пометки крест-накрест воткнуты две веточки. Саша разгреб землю — в ямке лежал узелок, закопанный Митей.

* * *

...Подернутая голубой дымкой, дышала покоем долина Чачмасая. От созерцания вольного простора захватывало дух. И не верилось, что эти благодатные поля топчут басмаческие кони.

Они были наглы и трусливы, эти басмачи. Они жалели, как оводы, изматывали силы неокрепших красных отрядов, не давали спокойно жить и трудиться населению кишлаков. Бандиты совершали внезапные нападения, грабили, убивали, насиловали и тотчас же скрывались. Но долго ли они будут бесчинствовать? Горит, пылает земля под ногами басмачей, все чувствительнее становятся удары красных бойцов по этой оголенной своре.

— Что, чекист, живой? — вывел разведчика из раздумья чей-то голос. Слегка повернув голову, Митя увидел басмача с обезображенным оспой лицом.

— А я думал, что напрасно везу тебя, — продолжил с издевкой в голосе басмач. — Хотел по дороге в обрыв сбросить, решил, было, что ты подох. Благодарю аллаха, тебе повезло... — не договорив, бандит прищипорил коня и помчался вперед.

«Вспомнил! — вдруг озарило память разведчика. — Это же юзбаши¹ Кытанбек!...»

* * *

Иски-Наукат встретил басмачей залиvistым лаем дворовых псов. Громко хлопали калитки дежкан, прохожие спешили укрыться за дувалы, даже завсегдатаи улиц — мальчишки, и те скрылись. Какая-то сгорбленная старушка, внезапно застигнутая на дороге шумной ватагой басмачей, пугливо прижалась к дувалу. Приподняв чачван, она осуждающе смотрела на довольных удачным набегом грабителей. Увидев пленного разведчика, старушка едва слышно прошептала:

— Айланайн!² Несчастливая твоя мать. Что будет с тобой? Горе на вашу голову, собаки проклятые.

В центре кишлака, там, где дорога разветвлялась, басмачи остановились, о чем-то совещаясь. Часть из них отделилась и погнала скот на юг, в горы, остальные свернули в проулок. Распахнулись ворота. Басмачи въехали во двор с высоким дувалом.

Разведчика стащили с лошади, он сделал несколько шагов и упал на сено: затекли ноги. Страшно хотелось пить, запекшиеся губы горели, ныли раны на голове и спине.

¹ Сотник.

² Милый мой.

* * *

Под вечер, когда солнце стало клониться к закату, снова заскрипели ворота, затопали конские копыта, послышалась чья-то сбивчивая речь. Двор стал быстро заполняться басмачами. Митя вначале подумал, что еще привезли пленников, но вдруг горячая волна радости захватила дыхание.

С лошадей снимали трупы бандитов. «Двенадцать... — успел насчитать Митя. — Досталось, видать, на перевале».

Высокий чернобородый басмач, склонившись над одним из трупов, скупно всхлипывал и причитал:

— Бедный, бедный мой брат Кадырбай... Отняли кяфыры¹ у тебя жизнь... Клянусь пророком Магометом, я отомщу за твою смерть...

Внезапно взгляд басмача наткнулся на Митю. У чернобородого расширились глаза, взметнулись кверху кустистые брови.

— Кто это? — прохрипел он.

— Гяур, — ему пояснили.

— Зачем держать живым эту красную собаку? Пусть он первым ответит за смерть моего брата! — глаза басмача налились кровью, он встал и сделал шаг в сторону чекиста.

— Нельзя, Джаманкул, — загородил дорогу чернобородому другой басмач. — Юзбаши Кытанбек говорил, что этот русский ему очень нужен.

— Прочь! Отойди, говорю! — злобно прокричал чернобородый, оттолкнув басмача. — Я дал клятву! Так пусть же кяфыр умрет от моей руки, все равно ему не жить.

В два прыжка Джаманкул оказался около Мити, схватил его за шиворот и поволок на середину двора. Митя не дрогнул и, почувствовав, как напряглись мышцы, только сильнее стиснул зубы, готовый к смерти. А умирать не хотелось. Что он успел увидеть, сделать в свои восемнадцать лет? Настоящая жизнь только начиналась. Неужели он видит последний раз вот это бирюзовое небо в лучах заходящего солнца, деревья и новом ярко-зеленом наряде?

¹ Иноверец.

Басмач потянулся к поясу, судорожным рывком вытащил саблю. Взмахнулась, сверкнула острием холодная сталь, еще мгновение и... все. Инстинктивно, помимо воли, Митя втянул голову в плечи, зажмурил глаза: «Это смерть...»

Но что это? Звякнула о землю сабля, протяжно застонал от ярости чернородый. Митя широко раскрыл глаза. Занесенную над ним руку басмача цепко перехватил юзбаши Кытанбек. Откуда, когда он успел подойти, этого никто не заметил. Трясаясь, как в лихорадке, Кытанбек прошипел в лицо басмачу:

— Не понимаешь?.. Убить этого паршивца всегда можно. Он — чекист и нужен Сатыбаю. Очень нужен. Понимаешь?

— Выходит, жалеешь его... — отозвался чернородый. — Ну, зачем ты не появился на минуту позже? Брата моего убили... Вон лежит он мертвый. Разрешит, юзбаши, прикончить русского, на душе легче станет. Во имя аллаха и справедливости прошу: отдай мне кяфыра на расправу. Отдай!

— Я сказал! — гневно взвизгнул Кытанбек. — Сатыбай передал, что мы головой отвечаем за чекиста. Предупреждаю, если ты вздумаешь самовольничать, Сатыбай тебе этого не простит. Забыл, как он расправился с Мукашем? Смотри, Джаманкул, я тебе зла не желаю.

— Хорошо... — притих чернородый. — Только обещаю, что русский умрет от моей руки. Я клятву дал...

— Успокойся. Сатыбай сам решит, как поступить. Завтра утром надо предать земле погибших воинов ислама. Иди, распорядись, Джаманкул.

* * *

На ночь, освободив руки от пут, разведчика втокнули в темную без окон кибитушку, заперли, приставили для охраны басмача. Немного погодя услышал, как во дворе затрещал, запылал костер, отсветы которого, словно тонкие раскаленные иглы, проникали сквозь дверные щели. Вкусно запахло жареной бараниной. Запах мяса щекотал ноздри, вызывал слюну, раздражил. Митя только сейчас по-настоящему почувствовал голод. В разгар басмаческой трапезы охранник загре-

мел засовом, приоткрыл дверь и, просунув голову в сарай, пьяным голосом прогнусавил:

— Эй, где ты там? Юзбаши беспокоится, как бы ты от голода ноги не протянул. На, держи! — что-то мягкое шлепнулось рядом с Митей. Он в темноте нащупал рукой еще теплую лепешку и с жадностью стал жевать.

Эту ночь пленник провел в полузабытьи. Веки смыкались, перед глазами одно за другим, словно морские волны в часы прилива, накатывались видения, оживали воспоминания.

Вначале приснилась мать, высокая, статная, с красивым спокойным лицом, черты которого не исказили жизненные невзгоды. Она звала его: «Митенька, где ты? Сыночек, родной...» Потом он увидел отца, который ласково гладил его по голове. Отца Митя помнил смутно: когда тот умер, мальчику было пять лет. От матери же своей Евдокии Акинфиевны он узнал, что отец работал буровым мастером на Биби-Эйбатских нефтепромыслах в Баку, был большевиком. В 1906 году отца выслали в Ферганскую область, где он вначале работал на Чимионском нефтепромысле. Но и здесь он оказался опасным, и ему определили с семьей место поселения уездный городишко Ош. Здесь Дмитрий Егорович Чураков как политически неблагонадежный вскоре угодил в тюрьму, где и умер от чахотки.

Митя часто просыпался, осторожно принимался (в который раз!) ощупывать толстые стены, надеясь обнаружить какую-нибудь лазейку на волю. Подолгу прислушивался к храпу бандитов во дворе и думал, думал. Снова смыкались веки, снова лезли в глаза рожи басмачей, стадо коров, отталкивающее лицо юзбаши Кытанбека.

— Уйди, гадина! — простонал Митя и проснулся. Сквозь дверные щели скупно пробивался трепещущий свет, во дворе задорно прокричал петух, тотчас же откликнулся другой, тоненько заблеяли ягнята.

Но вот донеслись встревоженные возгласы, крики, топот ног. Митя прильнул к щели в дверях, стараясь понять причину переполоха. Басмачи торопливо седлали лошадей, вьючили на них курджуны.

— Быстрей, быстрей! — подгонял Кытанбек. — Через полчаса — час красные собаки могут быть уже здесь, их больше сотни. Боя принимать не будем. Джа-

манкул! Возьмешь к себе на лошадь русского, смотри за ним.

«Вот оно что...» — подумал Митя. В тот же миг брякнул засов, и дверь широко распахнулась. Джаманкул схватил пленника за руку, потащил к оседланной лошади.

— Попробуй только убежать, — предупредил он, — кишки выпущу! И спрашивать никого не стану.

Не мешкая, рысью басмачи поскакали на запад, в сторону Бель-Урюка. Миновав кишлак, свернули в горы. К полудню прибыли на какую-то зимовку. Шесть приземистых грязно-серых кибиток жались одна к другой, словно согреваясь, а вокруг, сколько хватает глаз, холмы, горы, покрытые зеленым ковром, по которому бродили овцы, издали похожие на букашек. Пахло прокисшей овчиной, прелым навозом, горьковатым кизячным дымом. Казалось, что зимовка вымерла, не видно ни одной живой души, даже не тявкали собаки.

Басмачи по-хозяйски забарабанили в калитки, стали располагаться, как у себя дома. Митю снова заперли в сарай, оставив наедине со своими невеселыми думами. Руки оставались связанными. «Боятся, что убегу. Хорошо еще, что не скрутили за спиной руки, хоть можно двигать ими», — рассуждал Митя.

Вскоре в кишлак нагрянула еще одна группа басмачей. Митя уловил, как его страж произнес имя Сатыбая.

— Показывай, Кытанбек, свою добычу, — услышал чекист незнакомый голос.

— Сатыбай-пансат¹, — отвечал Кытанбек, — это не простой аскер, а чекист, на лица у меня память хорошая. За него мы сможем выручить пять наших джигитов, захваченных большевиками. Вот, посмотрите сами.

Дверь распахнулась. Первым зашел Сатыбай. Одет он был в шелковый халат, на голове топорщилась отороченная лисьим мехом шапка, на боку свисал маузер в колодке. Глянув на Митю, он разочарованно хмыкнул.

— Ты смеешься, Кытанбек. Какой он чекист? Мальчишка, сопля... Ты, наверное, схватил первого русского, что попался тебе на глаза, а теперь думаешь обмануть меня?

¹ Пятисотник.

— Зачем так говорить? Я его хорошо запомнил, Сатыбай-пансат, прошу вас, давайте обменяем...

— Ладно, ладно, — нетерпеливо прервал сотника Сатыбай и снова пристально посмотрел на Митю. — Судьбу этого кяфыра решает сейчас аллах. Если только Алибек умрет, то... тогда я сам... сам буду резать на куски чекиста... Смотрите, не проморгайте его.

— Будьте спокойны, Сатыбай-пансат. Его будут сторожить всю ночь, не смыкая глаз.

ПО ВОЛЧЬЕМУ СЛЕДУ

Возвратившись из Япалака, Кудайберген сразу направился к Чуракову, чтобы вместе с ним пойти к Лебедеву. По дороге он встретил Голубева.

— Ты один возвратился, а где Митя? — спросил Володя.

— Как, разве он не дома? — удивился Кудайберген.

— Нет, я только что заходил к нему.

— Не может быть, он еще вчера ушел домой, — заволновался Ниязов и ускорил шаг.

Евдокия Акинфиевна развешивала во дворе белье. По расстроенному лицу Кудайбергена она поняла — что-то случилось недоброе, и побледнела.

— Здравствуйте, а Митя не приходил?

— Нет, а разве вы не вместе были?

Кудайберген рассказал, где они расстались. Ему тяжело было глядеть в глаза матери, словно он виноват в том, что Митя не вернулся. Большой, широкоплечий, стоял он перед ней, неловко теребя в руках фуражку. Подошла Шура.

— Не волнуйся, мама. Он где-нибудь задержался. Значит, так надо, — успокаивала она мать.

Евдокия Акинфиевна села на стул, устало опустил руки на колени. На лице ее была такая мука, что Володе и Кудайбергену до слез стало жалко ее.

— Мы сейчас пойдем и все узнаем, вы не расстраивайтесь, — уговаривали они.

Юноши вышли вместе с Шурой.

— Надо Лебедеву доложить, — сказала девушка.

Евдокия Акинфиевна сидела, и не было сил подняться. Она словно одеревенела вся — ничего не заме-

чала, никого не слышала. Одна мысль настойчиво билась в мозг: что-то случилось с Митей. Где он сейчас, жив ли? Возле нее вертелись Валюшка с Асаном. Мальчик учил подругу играть в альчики. Известие об исчезновении Мити глубоко взволновало мальчика. Чтобы чем-нибудь проявить свое участие Евдокии Акинфиевне, он взял ведра и принес воды. Обычно она ласково улыбалась и благодарила его, сейчас же даже не заметила и безучастно смотрела на него. Мальчик притих и молча сел рядом с Валею.

Возвратилась Шура, подошла к матери.

— Мама, ты отдохни. Я сама приготовлю обед.

Мать не слышала ее. Молча поднялась она, пошатнувшись, пересилила себя и вышла за ворота.

Шура шепнула Вале:

— Ты иди за мамой. Не оставляй ее одну.

Валюшка понимающе кивнула головой и шмыгнула за ворота.

Мать направилась к крепости — вдруг Митя уже там, думала она и шла, устремив горестный взгляд вперед. Из ворот выехали всадники. Она рванулась к ним и смотрела, смотрела до боли в глазах, жадно вглядываясь в лица, но среди них не было ее сына. Она прислонилась к тополю, оперлась о него рукой, земля плыла у нее из-под ног. Проводив всадников, пошла назад, ничего не видя. Каждый же боец, проезжая мимо, вспомнил свою мать, давшую ему жизнь, вскормившую своей грудью, помогавшую сделать первые шаги... Мать, чье сердце томилось в разлуке, из чьих глаз лились слезы радости и слезы горя. И каждый увез в своей памяти светлый и горестный образ страдающей матери.

...На стук в дверь Лебедев с недовольной миной на миг оторвался от чтения бумаг, но, увидев Ниязова, приветливо произнес:

— Проходи, проходи, джигит. Садись. Рассказывай, что узнал в кишлаке?

Выслушав обстоятельный доклад чекиста и записав фамилии выявленных пособников басмачей, Лебедев осторожно спросил:

— Как думаешь, о вашем посещении кишлака басмачам никто не мог сообщить?

— Нет, нет, товарищ начальник! Мы с Митей очень осторожно все сделали.

Валерий выложил из ящика на стол пистолет и записную книжку. Кудайберген лишь мельком глянул на них и, не скрывая изумления, воскликнул:

— Это Митин пистолет и книжка его!

— Нам вчера принес эту «посылочку» монтер Саша Приходько. Он ее случайно в земле обнаружил. От него мы узнали, что басмачи захватили и увезли в сторону Науката какого-то русского! По всем приметам это Чураков. Ну, а книжка... басмачам бы она ничего не сказала. Здесь у него все зашифровано.

Словно не замечая тревоги в глазах юноши, Валерий перевел разговор в другое русло:

— Ты хорошо говоришь по-русски. У кого научился?

— В русско-туземной школе. Владимир Федорович выучил.

— Это Баранов?

— Да.

— Куришь? — спросил Лебедев, вынимая портсигар.

— Не научился.

— А насвай употребляешь?

— Как говорят, мало-мало, — ответил Кудайберген и подумал: «С чего это он интересуется такими вещами? Товарищ в беду попал, причем тут насвай?»

Лебедев улыбнулся одними уголками губ, снова полез в ящик стола и достал насадку, желтую тыквинку, служащую табакеркой. На ней искусно была выжжена какая-то затейливая арабская вязь, а сверху красовалась ватычка с буро-зеленой кисточкой.

— Покажи, как надо с ней обращаться, — предложил Лебедев.

Недоуменно пожав плечами, Ниязов взял насадку, выдернул ватычку, вытряхнул на ладонь щепотку табака и ловко направил ее себе под язык. Лебедев, внимательно наблюдая за Кудайбергеном, облегченно выдохнул и, словно угадав его мысли, с расстановкой сказал:

— Эта табакерка поможет тебе найти Чуракова.

Кудайберген удивленно вскинул пушистые густые брови и застыл в изумлении.

— Слушай внимательно и запоминай. Мы решили поручить тебе серьезное, даже очень серьезное задание. Ты Дадаша Расулева помнишь? Приходилось с ним встречаться?

— С этим изменником? Попадись он мне, я тут же его пристрелю!

— Спокойнее, Кудайберген. Имей всегда выдержку, для чекиста это главное.

— Не удивляйся, Дадаш не изменник. Он по нашему заданию находится в шайке Муэтдина. Думаешь, ему легко там? Завтра утром ты поедешь на связь с ним. Как его найти, об этом в конце скажу. Увидишь, скажи, что ему привет шлет Кичикахун. Запомни — Кичикахун. Он в ответ достанет точно такую же наскладу, как у тебя в руках. Предложит угоститься. Откажись и скажи, что у тебя свой нас, узгенский. Запомни — узгенский. Тогда он поймет, кто ты, и поможет узнать, где Митя, что с ним. Подумайте вместе, как его выручить. Кое-что я тебе посоветую, но на месте вам виднее будет. Что будешь говорить басмачам, как себя держать у них — мы все продумали. Тебе нужно помнить обо всем и не ошибаться, ошибка может дорого обойтись. Но, может быть, ты колеблешься? Подумай...

— Нет, нет! Что вы!.. — протестующе замахал руками Кудайберген. — Я все сделаю так, как вы скажете.

— Отлично. Иного ответа я и не ожидал. Итак, ты идешь на связь с Дадашем, — и Лебедев стал объяснять Ниязову детали задания.

...На следующее утро Кудайберген скакал по той же дороге, по которой два дня назад везли Митю басмачи. В ушах звучал спокойный голос Лебедева: «Тебе поверили и отпустили на два-три дня на похороны близкого родственника. Да, ты боец красного отряда, но в душе всегда оставался мусульманином, в душе ты ненавидишь всех неверных. Тебя послал Кичикахун. Кто он, ты не знаешь, потому что не видел его лица. Ты разговаривал с ним в темноте, поздно вечером, в доме, втором слева от мечети на Шайтюпе. Кичикахун велел тебе встретиться с Дадашем и передать, что партия оружия и патроны для Сатыбай-пансата готова к отправке. Ждать больше нельзя, чекисты могут проно-

хоть об этом и изъять с таким трудом добытые винтовки. Вывезти удобнее всего в пятницу, в базарный день, под вечер. Под видом дехкан джигиты Сатыбай-пансата легко справятся с этим делом». Кудайберген невольно усмехнулся: «Ловко придумано, ничего не скажешь. А Дадаш каков? Кто мог подумать?»

Перед его глазами встал, как живой, Дадаш Расулев, плечистый, коренастый здоровяк, с большой круглой головой, крупным мясистым носом, остро светились карие дерзкие глаза. В борьбе на поясах — «куреш» — Дадаш не знал соперников, за силу и храбрость его не только уважали, но и побаивались. И многим жителям Оша так и осталось непонятным, что толкнуло Дадаша уйти к басмачам: то ли стремление к легкой жизни, полной в то же время опасностей, или какие-то личные мотивы. Злые языки утверждали, что чекисты его обидели, силой отняли чистокровного карабаирского скакуна и Дадаш дал клятву отомстить красным за нанесенную обиду. Доходили слухи, что у басмачей Муэтдина он в почете и состоит чуть ли не телохранителем главаря банды. Но как было на самом деле, никто определенного ничего сказать не мог.

Кудайберген теперь стал одним из тех немногих, кто знал правду про отважного разведчика Дадаша.

К полудню чекист уже въезжал в Иски-Наукат. Минувив кишлак, он свернул налево и направил коня вдоль говорливой речки Чачмасай, в горы. Он не удивился, когда в небольшом аиле его грубо стащили с коня, завязали глаза платком и повели неизвестно куда. Кудайберген ждал этого момента и поступил так, как советовал Лебедев, был послушным, сговорчивым, кротким.

Он думал о встрече с Дадашем, мысленно произносил слова, которые скажет ему, но когда Кудайбергена втолкнули в кибитку и развязали глаза, он едва не вскрикнул от удивления. Перед ним, широко расставив ноги, стоял Дадаш и сверлил взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. Он узнал Ниязова и на миг, всего лишь на короткий миг, зрачки глаз Дадаша расширились и снова сузились. Его широкие ноздри раздувались и с шумом выпускали воздух.

— Что скажешь, Кудайберген? Ведь я не ошибся,

тебя зовут Кудайберген? — нарушил первым молчание Дадаш.

— Ваша правда, таксыр, — подобострастно заговорил чекист. — Я сын бедного кузнеца — Нияза.

— Что же тебя привело к нам, сын устатемира?

— Я привез вам, храбрый из храбрейших Дадаш, привет от Кичикахуна. Он спрашивает о вашем здоровье и настроении и желает вам успехов и удачи в справедливой борьбе с кяфырами за веру Магомета. Бисмилля и рахман и рахим!¹ — Кудайберген быстро провел ладонями по лицу.

Ни один мускул не дрогнул на лице у Дадаша при упоминании имени Кичикахуна. Он криво усмехнулся и, прищурив правый глаз, спросил:

— Ты что же, был удостоен чести лицезреть Кичикахуна и разговаривать с ним?

— Я не видел его лица, потому что было темно, но зато слышал его голос, так же, как слышу ваш.

— Ха! Хе-хе-хе... — мелко рассмеялся Дадаш, и вдруг в его руке очутилась насаду. Бери, угощайся!

— Благодарение аллаху. Рахмат. У меня свой нас, узгенский, — и Кудайберген ловко достал из-за поясного платка тыквенную табакерку, точную копию насаду, что была в руках у Дадаша.

Глаза у того просияли и уже не кривая, а добрая улыбка осветила лицо Дадаша. Бросив быстрый взгляд в сторону двух басмачей, он приказал:

— Оставьте нас двоих. Это мой человек. Я уже давно его жду.

Когда за бандитами захлопнулась дверь, Дадаш подмигнул Ниязову, словно вызывая на откровенность, и спросил:

— Что велел еще передать Кичикахун?

Кудайберген добросовестно пересказал легенду, сочиненную для него Лебедевым.

— Та-ак! — удовлетворенно протянул Дадаш. — Ты привез добрую весть и заслуживаешь богатого угощения, сын устатемира. Обо всем я сообщу Джаныбаю. Он возглавляет разведку Муэтдинбека. А я всего лишь один из его помощников. Только сегодня мне сообщили,

¹ Именем бога.

что наши джигиты захватили одного кяфыра. Кто он, точно не установлено. Что тебе известно об этом, какие разговоры идут в Оше?

Кудайберген бросил недоверчивый взгляд на дверь, но Дадаш утвердительно кивнул головой и подбодрил:

— Можешь не опасаться. Здесь только мы.

Узнав, что к басмачам угодил Митя Чураков, Дадаш лишь скрипнул зубами и вполголоса проговорил:

— Пай-пай-пай... Не знал я, что это он. Та-ак... Надо что-то придумать. Времени терять нельзя. Сейчас же едем в Коджар! Он может быть только там. В дороге все обговорим.

По дороге Дадаш объяснил Кудайбергену:

— Сатыбай с нетерпением ждет известия из Оша об оружии. Он велел мне вместе со связным прибыть к нему. Будь с ним осторожен, он любит проверять тех, кого завербовали басмачи. Если Митька там и Сатыбай предложит опознать его, говори правду. Все равно не сегодня, так завтра он узнает через своих людей, кто попался ему в руки. Во что бы то ни стало нужно будет увидеть Митьку. Но я пока что должен оставаться в стороне. Так нужно.

— Послушай, Дадаш, — не вытерпел Кудайберген. — Я так и не понял, кто же такой Кичикахун? Что я буду говорить о нем Сатыбаю?

— То, что тебе велели говорить. То же самое, слово в слово, что ты сообщил мне. А кто он такой, не могу я тебе сказать и не спрашивай больше ничего о нем. Вот так...

Дадаш, не скрываясь от чекиста, тяжело вздохнул и при этом издал звук, похожий на стон.

— О-о, и надоело мне ходить по земле в басмаческой шкуре, — откровенно признался он. — Иной раз так хочется перестрелять с десятков этих взбесившихся собак и вернуться в родной Ош. Только не похвалят меня за это. Как там ребята наши Хамид, Умарали, Миша?

Он слушал Кудайбергена, стараясь не пропустить ни одного слова. В его глазах вспыхнул завистливый огонек.

— Думают, наверно, проданся Дадаш басмачам. Проклинают мое имя. Разве не так? Знаю, знаю, можешь не успокаивать... Но рано или поздно узнают люди правду.

...Через час разведчики прибыли в Коджар, логово Сатыбай. Предводитель одной из басмаческих шаек, правая рука Муэтдина, молча, с хмурым лицом выслушал рассказ Дадаша. Он подозрительно оглядел Кудайбергена и стал обстоятельно расспрашивать чекиста о красном отряде в Оше.

— Значит удобнее всего вывезти оружие в пятницу вечером? — переспросил Сатыбай.

— Так велели мне передать, — ответил Ниязов.

— Что ж, мы подумаем... — неопределенно произнес курбаши, занятый своими мыслями. — Тянуть с этим делом не будем, но и спешить не стоит. Говоришь, на два дня тебя отпустили? Задерживать не стану. Но перед отъездом ты поможешь мне в одном деле.

— Приказывайте, таксыр-пансат, — с готовностью отозвался Кудайберген.

— Зачем же приказывать... Я хочу, чтобы ты, сын Нияза, на этот раз действовал не по принуждению, а по велению своего сердца, по зову аллаха и Магомета. Скажи-ка, ты ошских чекистов хорошо знаешь?

— Не всех, но многих знаю, — не задумываясь, признался Кудайберген.

— А мы сейчас проверим. Приведите сюда этого щенка! — распорядился курбаши, и лицо его исказила злобная усмешка.

Сатыбай первым кошачьей походкой вышел из кибитки во двор, звучно сплюнул и уперся руками в бока.

В другом конце двора звякнул засов, послышалась ругань басмача. Кудайберген увидел, как тот волокет кого-то за собой. «Стисни зубы и ничем не выдавай себя!» — приказал он самому себе.

Да, это был его товарищ Митя. Но в каком виде! Избитый и осунувшийся, пленник бросил быстрый, полный ненависти взгляд на басмачей и остановил его на Кудайбергене.

Мите показалось, что он обознался. «Нет, это не Ниязов, — подумал он. — Как мог попасть сюда Кудайберген? Какое-то наваждение...»

Перехватив встречный взгляд Кудайбергена, Митя понял, что не ошибся, и сердце радостно встрепенулось. «Кудайберген здесь — значит, есть надежда на спасе-

ние! Может быть, он приехал, чтобы обменять меня на заложников? Но пока не выдавать себя, не показывать, что я его знаю...» И Митя спокойно встретил взгляд Кудайбергена. «Может быть, и его захватили так же, как меня», — с тревогой подумал он.

— Так знаешь ты его или нет? — прервал молчание Кудайбергена Сатыбай.

— Знаю, — глядя прямо в глаза Мите, твердым голосом ответил Ниязов. — Это Чураков Митька, он работает в ЧК у Лебедева.

Митя внутренне весь содрогнулся от этих слов. Что это — предательство? Нет, нет, страшно подумать... Его друг, с которым рядом сидел в школе, вместе ходил в разведку...

«Митька, Митька... — как бы отвечая на немой вопрос разведчика, думал в то же время Кудайберген. Неужели не догадаешься, что я хочу выручить тебя?»

— Ты меня обрадовал, сын Нияза, — продолжал курбаши. — Вот сейчас мы и узнаем, как ты ненавидишь кяфыров. Его судьбу, — указал он рукой на Митю, — решил сегодня сам аллах. Пусть душа его отправляется к предкам. И сделаешь это ты, сын Нияза! Сейчас! — почти прошипел Сатыбай, сверля взглядом Кудайбергена.

О, все, что угодно, ожидал Кудайберген, только не этого. Он готов был перенести самые страшные пытки, но чтобы самому убить лучшего товарища! Это было невероятным, чудовищным...

Митя с презрением смотрел в лицо друга.

Не спуская глаз с чекиста, курбаши похлопал рукой по колодке маузера, болтавшегося у него на поясе, и предложил:

— Что ты предпочитаешь? Маузер или воспользуешься саблей?

С каменным лицом, сжав губы, Кудайберген с достоинством ответил:

— Не посчитайте мои слова за дерзость, таксыр-пансат, но я привык сражаться с врагами в открытом бою. Убить неверного, у которого связаны руки — какой же это подвиг?

— Похвально, похвально... — со злоеющей ласковостью в голосе тихо проговорил бандит и, уже не сдерживая себя, закричал: — Из-за этого змееныша погиб-

ло двенадцать моих лучших джигитов и смертельно ранен мой брат Алибек. Я дал клятву: если Алибек умрет — этому кяфыру не жить. Сегодня на рассвете мы предали тело Алибека земле. Так что же ты думаешь, сын Нияза, я буду щадить этого щенка? Или ты трусишь? Боишься запачкать свои руки в крови нечестного?

— Нет, не боюсь! — с вызовом бросил Кудайберген. — Дайте маузер! — и про себя решил: «Сейчас, сейчас я вас всех угощу свинцом. Дадаш тоже не будет стоять сложа руки. У меня нет другого выхода».

Митя слушал все это как во сне. Его друг — подлый предатель! Это было страшнее плена.

— О-о! — удивленно протянул Сатыбай. — Вот ты какой! Только зачем тратить на нечестивца пулю! Пуля пригодится в бою. Я дам тебе саблю. Согласен?

— Давайте! Быстрее. Мне надоело ждать!

«Что ж, саблей тоже можно действовать. Ты узнаешь сейчас, умею ли я владеть ею!» — снова пронеслось в голове Кудайбергена. Он нетерпеливо протянул руку за оружием.

Сатыбай бросил взгляд на Митю, потом на Кудайбергена, выхватил до половины саблю из ножен, снова посмотрел на Митю и внезапно резко бросил саблю обратно в ножны.

— Уведите чекиста! — сурово приказал он, и когда Митю увели, Сатыбай хрипло рассмеялся:

— Нет, нет, джигит. Я не доставлю тебе этого удовольствия. Я верю теперь тебе, но этот русский — моя добыча. Я его буду резать на куски. Завтра... Утром... Ты хочешь сражений с врагами в открытом бою — мы тебе такую возможность предоставим. Нет, ты не пожалеешь, что перешел к нам. Но пока я хочу иметь своих людей в Оше. Мне такие люди очень нужны. А теперь, сын Нияза, иди отдыхай. Как действовать дальше узнаешь от Дадаша. Мы сейчас все обговорим, — Сатыбай кивком головы указал Дадашу на кибитку.

Кудайберген вышел во двор, мучительно размышляя: «Что же делать? Вон там в сарае закрыт избитый Митя... Я рядом хожу и беспомощен. Неужели все напрасно?..»

«ВАРИАНТ № 3»

С безразличным видом, не спеша Кудайберген прошел во вторую половину двора. Остановился. Бросил взгляд в сторону сарая, где был Митя. Увидел басмача-охранника. Тот сидел, поджав под себя ноги, сосредоточенно протирал платком винтовку и напевал себе под нос что-то невразумительное.

Лихорадочно работали мысли. «Действовать надо только наверняка, так чтобы ни на меня, ни на Дадаша не пало ни тени подозрения. Малейшая ошибка может обернуться бедой. Что же предпринять?»

И как бы отвечая на его вопрос, в ушах Кудайбергена вновь зазвучал голос Лебедева: «Басмачи трусливы, жадны и жестоки. Ничему не удивляйся, будь наблюдателем во всем. Если не предоставится удобного случая для освобождения Мити, тогда используй «вариант № 3...»

Из-за дувала потянуло дразнящим запахом жареной баранины и плова. Кудайберген потрянул головой и решил. Пройдя во внутренний двор, он вошел в большую комнату. Вдоль стены на курпачах — узких одеялах — сидело несколько басмачей. Они уставились настороженным взглядом на чекиста.

— Я забыл передать таксыру подарок из Оша, — небрежно пояснил Кудайберген и шагнул через порог в следующую комнату. В ней за низким круглым столом сидели Сатыбай и Дадаш. Курбаши удивленно вскинул брови.

— Извините, таксыр, но я... — начал Кудайберген и не закончил. В комнату с ляганом¹ плова в руках боком втиснулся здоровенный басмач, вслед за пловом появились касы² с дымящейся шурпой.

— Так что тебя привело ко мне? — нетерпеливо спросил Сатыбай.

— Я до сих пор не могу прийти в себя после того, что произошло. Память отшибло, поверьте мне, таксыр...

— Бывает, бывает... — снисходительно отозвался курбаши.

¹ Блюдо.

² Большая пиала.

— Мне наказали передать вам вот это, — Кудайберген сунул руку за голенище правого сапога, извлек солдатскую фляжку и передал Сатыбаю.

Сатыбай повертел ее в руках, потряс, открутил пробку и поднес фляжку к носу. Широкие крылья его ноздрей затрепетали, в глазах появились искорки. Он закрыл на мгновение глаза и с наслаждением еще раз приложил нос к фляжке.

— О-о-о! Русская водка! Весьма кстати. Ты преугадал мое желание, джигит. К сожалению, наши запасы иссякли и, кроме паршивой бузы, в этом кишлаке ничего не найдешь. Садись, джигит. Ты заслуживаешь хорошего угощения. Мы только что вели речь про тебя. Уверен, ты останешься доволен, когда услышишь новость. Но об этом говорить лучше всего на сытый желудок. Эй!

Снова появился верзила-басмач с кумганом и медным тазиком. Он трижды плеснул каждому из кумгана на ладони, неуклюже нагибаясь, подал кусок чистой маты вытереть руки.

Сатыбай стал наливать в пиалу водку, и Кудайберген заметил, как рука его слегка задрожала. Он уже было поднес ее ко рту, но вдруг, передумав, протянул пиалу Кудайбергену.

— Уважь меня, джигит, выпей первым. «Подозревает, не отравил ли», — догадался чекист.

— Пей, — потребовал курбаши.

— Но... Но я никогда в жизни не брал в рот этой гадости, — растерянно произнес Кудайберген.

— Привыкай...

— Но коран запрещает брать мусульманину в рот спиртное.

— Этот грех ты совершаешь во имя аллаха. Наш человек в стане врага должен все уметь. Ну, пей же! — с раздражением повторил Сатыбай.

Кудайберген не лукавил, он и в самом деле не знал вкуса водки. Пересилив себя, он опрокинул содержимое пиалы в рот. На миг зажмурил глаза, лицо его исказила гримаса отвращения, на глазах показались слезы.

— Молодец, джигит! — одобрительно воскликнул Сатыбай, быстро наполнил пиалу и большими глотками

выпил водку. Он даже не поморщился, только чуть-чуть выпучил глаза и потянул в себя воздух.

«Только бы не опьянеть», — думал Кудайберген, чувствуя, как по телу разливается горячая волна и голова становится тяжелой.

Несколько минут царил молчание. Каждый добросовестно уплетал за обе щеки ароматный плов. За пловом последовала шурпа, за шурпой — кок-чай.

Сыто отрыгнув и обтерев о сапоги пальцы, с которых сочился жир, Сатыбай с красным лицом и масляными глазами гордо подбоченился и поднял кверху указательный палец.

— Слушай, джигит! Для нас ты настоящий клад. Свой человек в ЧК это... это великолепно! Ты должен доставить мне живого начальника ЧК. Этот, как его, Лебедь. Говорят, есть у русских такая птица. Эта птица должна попасть в наши сети. Я все обдумал. Скажешь ему, что Сатыбай скоро будет в Тулейкене, поедет навестить свою жену. Один поедет. Когда он там будет, ты сейчас не знаешь, но верные люди тебе сообщат об этом. Эта птица Лебедь придет меня ловить и сама попадет в наши сети. Вот. После этого я назначу тебя сотником. Ты доволен?

— Благодарю вас, таксыр, за милость. Я все сделаю, как вы прикажете.

— Ты не должен у нас задерживаться. Сегодня же выезжай. Иди, немного отдохни и поедешь.

— Хоп, таксыр!

После трапезы басмачи расположились на отдых. Кудайберген послонялся по двору, накормил коня, прошел за дувал. Приблизился к сараю, осторожно прощупал кончиком сапога стену, подмоченную внизу дождями.

Вернувшись во двор, Кудайберген, словно не зная, куда девать себя, подошел к охраннику, уставился на него пьяными глазами, по его лицу расплылась глупая улыбка.

— Ты, наверное, оказал пансату важную услугу? — завистливо заговорил басмач. — От тебя пахнет водкой. Угощали?

— Угощали, — продолжая улыбаться, признался Кудайберген. — Только водку я сам из Оша привез. Что, надоело караулить этого оруса?

— Пропади он пропадом. Но завтра этому придет конец. Послушай, а у тебя случайно не осталось немного огненной водички?

— Ты разве пьешь? — притворно изумился Кудайберген.

— Дураки только не пьют. Так есть у тебя водка или нет?

— Для хорошего человека найдется, — подмигнул Кудайберген, — только если кто увидит и донесет пансату, мне не поздоровится.

— Давай быстрее!.. Отойдем за угол и...

Кудайберген нерешительно потоптался на месте, воровато оглянулся и, махнув рукой, скрылся за углом сарая. Он полез за голенище (теперь уже левого) сапога и достал плоский металлический флакончик. Басмач нетерпеливо выхватил его из рук чекиста, и жидкость забулькала в его горле. Обтерев губы рукавом халата, он крикнул от удовольствия и признался:

— Забыл уже, когда пробовал эту штуку. Последнее время нам что-то не везет.

Кудайберген бросил взгляд на пояс басмача. Из чехла выглядывала богато инкрустированная рукоятка ножа.

— Где ты такой достал? — поинтересовался Кудайберген.

— А, это? — поняв, о чем идет речь, ответил бандит. — Таких ножей у нас только два. У меня и у Сатыбай-пансаты. Он мне его сам подарил. Я ему тоже однажды оказал услугу.

— Послушай, дос, у меня к тебе есть серьезный разговор. Только об этом ни одна душа, кроме нас, не должна знать, — и, понизив голос, Кудайберген продолжал: — Скажи, ты не заметил случайно у этого оруса золота?

— Что? Золото?! — вытаращил глаза басмач. — Откуда оно у него возьмется? Ты шутишь?

— Ошибаешься, дос. Есть, есть у него золото. Колечко и цепочка. Сам видел сколько раз.

— Откуда оно у него?

— Ну... нам не раз приходилось щупать баев во время операций. Этот паршивец однажды умудрился стянуть золотишко и с тех пор никогда с ним не расстаётся, при себе таскает.

— Так, так... И что ты предлагаешь?

— Завтра Сатыбай пустит его в расход, и драгоценности все равно кто-то обнаружит. А не лучше ли их поделить между собой?

Кивнув на дверь сарая, басмач озабоченно произнес:

— Он по-киргизски не понимает? Услышит и перепрычет.

— Понимает столько же, сколько ты по-арабски. Я-то его знаю, как свои пять пальцев.

— Что же делать?

— Тебе к нему никак нельзя. Заметят, что тебя нет, и все пропало. А я быстренько найду. Недаром в ЧК работал, все их повадки изучил. Отпирай. Время не ждет.

— А ты... Ты не обманешь? Не обхитришь?

— Как тебе не стыдно! — деланно возмутился Кудайберген. — Я тебе полностью доверился, а ты...

— Ладно. Только не торчи там долго.

Прильнув к двери, Митя слушал весь разговор. Он сразу узнал голос Кудайбергена. Слушал и удивлялся: «Какое золото? Что он плетет? Зачем ему понадобилась эта грязная ложь? Нет, здесь что-то не то. Кудайберген скрыл от басмача, что я знаю киргизский язык... Значит? — вспыхнула надежда. — Не понимаю. Ничего не понимаю...»

Звякнул засов, слегка приоткрылась дверь. Кудайберген прищурился, увидел Митю и осторожно прикрыл дверь. Снова звякнул засов. Осторожно ступая, Кудайберген подошел к Мите, присел на корточки и еле слышно зашептал:

— Не удивляйся! Я здесь по заданию Лебедева. Возьми нож. Как стемнеет, сделай подкоп в стене, в правом углу, земля там мягкая. Это все, что я могу для тебя сделать.

Митя ощутил на своих руках прикосновение холодной стали ножа и выдохнул в ответ: «Спасибо, друг».

— Аа-а, паршивец! — негромко, но так, чтобы услышал басмач, воскликнул Кудайберген. — Кусаешься? Вот тебе!

Он повозился еще немного, подошел к двери, стукнул. Басмач выпустил Кудайбергена, закрыл дверь. Кудайберген улыбнулся, разжал кулак. На его ладони

поблескивали кольцо и цепочка. Басмач потянулся вперед, но Кудайберген отдернул руку.

— Знаешь, где я это обнаружил? Прятал во рту, за щекой. Однако, спокойно, дос. Мы договорились, что поделим поровну. Что возьмешь — кольцо или цепочку?

— Давай кольцо! — возбужденно потребовал басмач. Его била мелкая дрожь.

— Возьми, — вздохнув, согласился Кудайберген.

— Если бы не ты, мне бы ничего не досталось.

— Прощай. Мне нужно спешить, и помни наш уговор — никому ни слова. Поклянись.

— Именем аллаха, никому ни слова. Клянусь.

Спустя час, переговорив обо всем наедине с Дадашем, Кудайберген покинул логово басмачей и поскакал в сторону Науката.

* * *

На землю опустились сумерки. С гор подул прохладный ветерок. Небо стало затягиваться темными тучами. Тяжело ступая к сараю, где находился пленник, приблизился Дадаш. Охранник быстро вскочил и кашлянул.

— Не спишь? Молодец, — похвалил Дадаш и потрогал замок. — Меня послал Сатыбай-пансат. Велел передать, что ты головой отвечаешь за пленника. Я слышал, у тебя водится хороший нас. Угости.

Басмач молча передал Дадашу насаду.

Бросив под язык щепотку табака, Дадаш через минуту выплюнул его на землю.

— И ты называешь это хорошим насом? — разочарованно хмыкнул он. — Это не нас, а овечий помёт. Попробуй моего и тогда узнаешь вкус настоящего наса.

Басмач отсыпал на ладонь табак из насаду Дадаша. Зачмокав губами, он восхищенно повертел головой.

Прошла еще минута. Басмач стал медленно оседать на землю и засопел носом. Быстрым движением Дадаш вынул из его чехла нож, прислонил охранника к двери и удовлетворенно подумал: «Ну, теперь ты будешь дрыхнуть без просыпа до утра. Мой нас не то что человека, но и лошадь способен усыпить».

Утром Сатыбай проснулся с тяжелой головой.

Вспомнив про фляжку с водкой, он разыскал ее, потряс над ухом. Перевернув фляжку над пиалой, он даже постучал по доньшк. Совершив утренний намаз, курбаши велел привести пленника.

Вместо пленника притащили трясущегося от страха охранника. Он ошалело пялил глаза по сторонам, пытался что-то сказать, но вместо слов вылетали хриплые звуки.

— Таксыр, чекист подкопал стену и убежал, — объявил один из бандитов.

— Что-о-о? — взвизгнул Сатыбай и, схватив камчу, стал полосовать охранника.

— Как он мог убежать? Проклятие!

К сараю бросился Дадаш. Спустя немного времени он возвратился и протянул Сатыбаю нож.

— Узнаете, таксыр? Я нашел его по ту сторону сарая, рядом с отверстием, через которое бежал орус. Видимо, он торопился и выронил нож в темноте. Но этот нож я еще вчера видел у него! — Дадаш указал на охранника.

Сатыбай повертел нож в руках. Он узнал его. По губам зазмеилась улыбка.

— Так где твой нож, милейший?

Обретя способность говорить, басмач, стоя на коленях, с лицом, перекошенным от ужаса, быстро запричитал:

— Я ничего не знаю! Я не виноват! Я ничего не знаю...

— Таксыр, обратите внимание на золотое кольцо, что на левой руке у этого паршивца, — снова вставил Дадаш. — Вчера у него не было никакого кольца.

Сатыбай проворно кинулся на басмача, повалил его на землю, выхватил из чехла свой нож. Поднеся лезвие к горлу охранника, он со зловещей ласковостью проговорил:

— Скажешь правду, чье это кольцо — будешь жить, утаишь — прирежу, сейчас же, ну?

— Я... Оно было у этого... у чекиста. Я хотел...

— Молчи, собака! — взревел курбаши. — Ты продался за золото. Ты упустил оруса! Вместо него ты отправишься к аллаху!

Сатыбай достал из колодки маузер и медленно поднял ствол.

— Таксыр... не убивайте! Я не виноват! Выслушайте меня! — истопленно закричал басмач. — Я ничего не знал о золоте... Это не я. Это... А-а-а!!!

Крик басмача оборвали выстрелы из маузера.

НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

Маленькая комната, где висела карта России и стоял большой старый стол с потертым зеленым сукном, была похожа на учительскую.

Володя Земсков, склонив чубатую голову, пригнулся на углу стола и что-то писал. Столом завладели женщины — на нем лежали вороха мелких полос бумаги. Готовились билеты для лотереи. Лена Кириллова, Шура и Лиза проставляли номера, скатывали в узенькую трубочку каждый билет и надевали на трубочку жестяное кольцо.

На бледном лице Лены выделялись внимательные, очень живые глаза. Не глядя, сворачивала она билеты, и тонкие пальцы ее шевелились удивительно быстро. Приподняв небольшую голову с гладко причесанными и стянутыми позади тугим узлом волосами, она рассказывала:

— Помещение для артели нашли. Двадцать женщин уже записалось. Будем шить белье для красноармейцев, вязать носки, вышивать тушкисы, даже кошму собираются делать. Вы понимаете, девушки, впервые женщины-мусульманки будут участвовать в общественном труде

Лиза ласково поглядела на Лену агатово-черными продолговатыми, как у египтянки, глазами. И на удивительно белом лице проступил чуть заметный румянец.

— Ах, Лена, вы изумительный человек! — воскликнула она. — Вы всегда всего добиваетесь!

— Это не моя заслуга. Жены Сулеймана Дадабаева и Умаралы Юнусова изо дня в день ходили по кибиткам и рассказывали женщинам, как тяжело сейчас Советской власти, которая защищает права бедняков, права женщин, и что их обязанность помочь в этом.

Софья Степановна Баранова беседовала с матерями своих учеников, и многие из них обещали прийти. Но

пока артель еще не открыта, и рано говорить об успехе. Ведь муллы все уже пронюхали и не сидят сложа руки, пугают карой аллаха, сулят всякие беды и болезни. Конечно, некоторые женщины испугаются и со страхом будут следить из-под паранджи за смелыми подружками.

Шура, молча слушавшая Кириллову, тихо заговорила:

— Говорят, вчера на Сулейман-горе опять убили женщину. Муж столкнул ее. И все это по велению аллаха...

Володя перестал писать, прислушиваясь к разговору женщин, а потом присоединился к их беседе.

— Пока народ темен, неграмотен, нам очень трудно будет бороться с религиозным дурманом. Надо, чтобы люди сами узнали правду, читая газеты, книги. Поэтому в первую очередь мы должны бороться с неграмотностью. Каждый из нас обязан обучить хотя бы одного человека. И в женской артели, Лена, надо организовать занятия по ликбезу.

В это время в дверь постучали.

— Войдите! — крикнула Лена.

Дверь отворилась, на пороге стоял Голубев с Ниной. Отказырав, Володя улыбнулся.

— Я вам помощницу привел. Нина Петровская вызвалась участвовать в проведении лотереи.

Земсков поднялся и широким жестом руки приветливо пригласил:

— Что ж, очень рады. Проходите, садитесь.

Нина стояла у двери и с обезоруживающей улыбкой глядела на Земскова. В сером строгом платье с белой полоской воротника вокруг шеи она казалась гимназисткой. Пушистые волосы легким облачком обрамляли маленькую изящную голову. Взгляд ее был так открыт и доброжелателен, что невольно вызывал расположение к ней.

— Знакомьтесь — это Елена Кириллова, главная заступница женщин, — пошутил Земсков. — Шура и Лиза, наши комсомолки.

— Я, кажется, встречалась с вами на субботнике, — обратилась Нина к девушкам и тут же, смутившись, пояснила. — К сожалению, я в нем не участвовала, поздно узнала об этом.

— Да, да, я помню вас,— улыбнулась Лиза.— Вы даже, кажется, танцевали?

— Представьте, первый раз в жизни вышла в круг. И знаете, это, оказывается, очень волнует. Как бы вам пояснить... Ну, будто сразу сливаешься с коллективом, становишься ближе ко всем...

— А вы правы, Нина. Я ведь тоже танцор! — засмеялся Земсков.— Ну, теперь берегитесь! На вечере ждите моего вызова.

— Что ж, если располагаете временем, садитесь за работу,— приветливо пригласила Елена.

— Да, я останусь,— и Нина живо обернулась к Голубеву.

— Разрешите откланяться? — спросил он, обращаясь к Елене.

— Не хотите побыть с женщинами? — спросила Лена.

— С удовольствием, но я боюсь, что двум Владимирам в одной комнате будет тесно,— пошутил он.

— Ах ты, хитрец! Я думаю, нам обоим здесь делать нечего.

— Неволить вас не будем, идите. Ждем вас вечером. Помогите девушкам быстрее распродать билеты.

Володя Голубев вопросительно взглянул на Нину.

— Мы будем на улице проводить лотерею? — живо спросила Нина.

— Да, в парке и возле дома военного собрания,— ответила Лена, сразу поняв, что Нина хочет оповестить Володю, где он может встретить ее.

— Вечером мы в вашем распоряжении,— поклонился Земсков и потянул Голубева к двери.— Идем.

— Какой приятный юноша Володя Голубев. Вы давно его знаете, Нина? — спросила Кириллова.

Нина подняла голову и, чуть подумав, ответила:

— Второй год знаю.

— В Ош приехал он, кажется, весной? — вырвалось у Шуры.

— Да, весной. Я встретила с ним в прошлом году в Казалинске. Он пришел туда через Кызыл-Кумы. Какой он был тогда измученный!

И Нина рассказала все, что знала об этом переходе. Все молча слушали ее, только было слышно, как шелестели в руках листочки бумаги. Нина говорила о песча-

ной буре, о мучительной жажде, и голос ее прерывался от волнения, пальцы замирали без движения. Елена, Шура и Лиза смотрели на нее и вместе с ней видели Володю в песках. Он стал им ближе, роднее, как стала близка и сама Нина — бесхитростная, с открытым людям сердцем.

...Вечером в парке играл духовой оркестр Памирского отряда. В аллеях было светлее обычного — братья Бенш зажгли все фонари. Горожане в светлых летних одеждах пришли целыми семьями. Слышался смех, веселые голоса. Казалось, страх перед басмачами, лишения отступили куда-то далеко. Всем так хотелось жить спокойно.

Лиза и Нина в светлых платьях, с цветами в волосах расположились по обеим сторонам у входа в парк. Перед ними на невысоких деревянных подставках стояли маленькие железные урны с билетами.

Белое лицо Лизы на фоне темной зелени казалось изваянным из мрамора. Когда к ней обращались за билетами, то густые ресницы медленно поднимались, открывая черные, загадочные глаза. Она так при этом смотрела, что многие подходили еще и еще раз, чтобы вновь заглянуть в глубину ее темных глаз.

— Ну и глаза! — шептались юноши.— Подойди к той, что слева у входа. Заглянешь и потеряешь покой.

Те же, что подходили к Нине, долго не расставались с ней. Ее милая улыбка, чарующий нежный голос притягивали, как магнит. И молодые бойцы, и убеленные сединой горожане были покорены ею. Сияя глазами, она непринужденно щебетала.

— Купите билет. Вы обязательно выиграете!

— Только вы своими пальчиками достаньте,— упрасивали ее двое франтоватых памирцев.

— Ой, кажется, я набрала целую горсть! — смеялась Нина.

— Мы все возьмем.

— Не огорчайтесь, эти билеты счастливые!

Памирцы распилились, но не ушли, продолжая перебрасываться с Ниной репликами. Вдруг на их лицах появилось выражение неприязни, смешанное со страхом. Потеснив столпившихся памирцев, к Нине подошел Лебедев.

— Говорят, у вас самые дорогие выигрыши,— пошутил он.

— Так же, как и билеты! — живо ответила Нина.

— Может быть, я сумею расплатиться?

— Могу поверить и в долг! — лукаво взглянула она.

— Не люблю оставаться в долгу.

— На сей раз наши желания совпадают.

Лебедев подал несколько ассигнаций.

— Дайте, пожалуйста, сколько причитается.

— Ах, говорят, у меня счастливая рука! — воскликнула Нина, подавая билеты.

Валерий осторожно взял ее руку и, глядя в лицо, тихо сказал:

— Хотел бы я владеть этой ручкой.

— Такие слова не говорят шутя,— строго ответила Нина, отнимая руку.

Валерию понравился ее ответ. Правилась и сама Нина — умная, живая.

— Вы правы... Но не сердитесь. Иногда шутя высказывают самое сокровенное,— мягко сказал он.

— Предпочитаю веселые шутки,— сказала Нина и внезапно вся радостно засветилась. Позади Лебедева она увидела Володю Голубева.

— О, теперь я вижу, для кого припасены счастливые билеты! — воскликнул Валерий.

— Боюсь, что я опоздал. Все же один билет, наверное, найдется? — спросил Володя.

— Иногда выигрывает именно один билет! — сокрушенно вздохнул Валерий. — Благодарю вас, Нина, за нравоучение.

— А вы злой!

— На вас нельзя злиться.

Лебедев козырнул и отошел.

— О чем это он? — спросил Володя.

— Да так, пустяки... Вы знаете, у меня совсем плохо идут дела. Всего три билета осталось.

— Можно мне их взять?

— Ах, пожалуйста.

Танцевали на открытой площадке в парке. Оркестр играл вальс. Первыми вышли супруги Барановы. Высокая, изящная Софья Степановна танцевала по-девичьи легко. Владимир Федорович держал ее, слегка отодвинув от себя, словно любуясь. Во всех его движениях

чувствовалась военная выправка — он был строен и ловок.

За Барановыми закружились в вальсе Нина с Володей Голубевым, потом Лиза с Борисом. Шуру пригласил Володя Земсков. Завертелись еще десятки пар и среди них Елена с мужем.

Только отзвучал вальс, как заиграли польку, и Нину буквально подхватил Геннадий. Она не успела даже ответить ему на приглашение. Он сразу сбивчиво начал ей говорить:

— Извините, Нина, что я так дерзок. Но я не мог иначе... я хотел поговорить с вами. Нина, что вы задумали? Я видел вас продающей билеты лотереи... Зачем вы сближаетесь с этими людьми?

— О чем вы, Геннадий? — холодно спросила Нина.

— Вы прекрасно понимаете, я говорю о всяких Голубевых, Чураковых и других выскочках нашего смутного времени. Нина, Нина! Вам не место рядом с ними!

— Вы забываетесь, Геннадий! Какое вы имеете право скверно говорить о честных людях?

— Очнитесь, Нина, еще не поздно! Все эти Лебедевы, Нестеренко — авантюристы!

Нина остановилась.

— Я не хочу вас слушать! — резко сказала она.

— Умоляю вас, дайте мне все высказать вам.

Какое-то мгновение Нина колебалась, потом что-то подсказало ей — надо дослушать его, узнать все, о чем думает Геннадий. Сознание смутно говорило ей, что это важно. Зачем? Она не пыталась сейчас размышлять над этим и продолжала танцевать.

— Спасибо, Нина. Я знал, что вы меня поймете... Я предлагаю вам иную жизнь, среди людей вашего круга. Вы дочь адвоката. Я люблю вас, Нина. Да, да, не смотрите на меня так строго... Я богат. Деньги раздвигают границы — уедемте отсюда! Туда, где нет этого хаоса, этого хамства.

Вся дрожа от негодования, Нина слушала его. Так вот каков его патриотизм! А еще прикинулся оскорбленным, тогда, на субботнике.

— Скажите, Геннадий, сколько вам заплатили? — едва владея собой, спросила Нина.

— За что? — удивился он.

— За предательство, за продажу родины, за бесчестье офицера! — словно пощечины, бросала она обвинения.

Геннадий, побледнев, отшатнулся. Нина с презрением поглядела на него и мягким движением высвободилась из его рук. На счастье, полка кончилась, и со стороны не была так заметна их ссора. Геннадий с опущенной головой шел за ней следом. Она прошла в боковую аллею, обернулась и гневно приказала:

— Не смейте идти за мной!

— Простите, Нина, вы не поняли меня!

— Как вы ничтожны! — брезгливо бросила она и поспешно пошла в глубь аллеи. Слезы душили ее: «Какой подлец! Неужели он пойдет за мной?»

Геннадий остановился, глядя вслед Нине, потом медленно повернулся и направился к выходу.

Володя видел, что между Ниной и Геннадием что-то произошло. Он ревниво следил за ними. Увидев, что Геннадий остался один, он поспешил вслед за Ниной.

Она сидела на скамье в темной аллее и беззвучно плакала. Володя бросился к ней.

— Он оскорбил вас?

— Нет, нет, Володя. Это совсем другое. Это ужаснее... — Нина продолжала плакать.

— Скажите, скажите, что он сделал? Обещаю, что он дорого заплатит за все...

— Не надо, Володя, — сказала Нина, успокаиваясь. — Я сейчас все расскажу, — и, поднявшись, доверчиво взяла его под руку. — Идемте.

Они пришли к Ак-Буре, нашли большой валун. Нина опустилась на него и, подняв лицо, начала говорить:

— Геннадий — враг. Мне было страшно с ним... и оскорбительно, что он считал меня своей единомышленницей...

Она рассказала обо всем, что произошло во время танца.

— Нина, спасибо вам за откровенность. Все, что вы сказали мне, очень важно. Вы настоящий друг, Нина.

— Володя, я счастлива! Я так счастлива все эти последние дни. Мне кажется, у меня выросли крылья, и наконец-то я делаю что-то нужное людям.

Проводив Нину, Володя направился в крепость. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящих бойцов, тихо вошел он в казарму и вдруг заметил, что из-под двери, ведущей в каптерку, пробивается полоска света. «Странно, — подумал Володя, — что это не спится нашему каптенармусу?»

В это время из-за двери донеслись сдержанные голоса. Володя прислушался.

— Только наганы принес? — спросил чей-то знакомый голос.

— Вот еще патроны в коробках, — ответил второй.

— Когда же берданы получим? — недовольно говорил все тот же знакомый голос, и Володя узнал его — Геннадий!

— Нельзя пока, могут хватиться.

— Надо торопиться!

— Успеем еще. Не завтра же в поход.

— Алексей Николаевич обещает, что в ближайшие дни тронемся в путь. Хватит нам халуйничать перед всякой швалью. Так что действуйте, господа, — вмешался третий.

— Да я стараюсь, ваше благородие! Зря не хочется рисковать. Чекисты мигом накроют и к стенке поставят.

— Мы их раньше в расход пустим! Не трусь! Готовьтесь, господа! Главное — нам нужно золото.

«Да это же сам Плотников! — удивился Володя. — Так они все собрались бежать!»

— Спрячьте все в том же месте, — распорядился Геннадий. Будьте осторожны, чтоб никто не заметил. Помогите ему, Петр!

— Выйдем по одному, — сказал Плотников.

Слышно было, как щелкнули каблуками офицеры, по-видимому, откозыряв Плотникову.

— Тише! — недовольно шикнул он на не в меру ретивых вояк.

Володя едва успел отскочить от двери и шагнуть в тень за пирамиду винтовок, как в освещенном проеме распахнутой двери показалась сухопарая высокая фигура Плотникова. Потом выскользнул Геннадий, через минуту — двое памирцев. Володя не успел их разглядеть.

Последним, погасив свет, осторожно вышел капитан-нахмуренный Изотов. Голубоглазый тихоня! Внешне он казался честным, добродушным парнем. Всегда начищенный до блеска, готовый каждому услужить. «Рабская подлая услужливость!» — думал Володя.

Когда все ушли, Володя прошел к своей койке, лег и долго не мог уснуть, взволнованный всем происшедшим. В окно глядел острый, как лезвие ножа, серпик луны, где-то тревожно выла собака. Только к утру забылся сном Володя. Днем он украдкой поглядывал на Геннадия и державшихся возле него памирцев, стараясь угадать, кто из них участвовал в ночной беседе. После обеда он поспешил к Чуракову, рассчитывая встретить там Лебедева.

В доме Дмитрия Володя застал Бориса Нестеренко, Кудайбергена, Рашида и Володю Земскова. По выражению его лица комсомольцы сразу поняли, что он чем-то взволнован.

— Что-нибудь случилось? — спросил Дмитрий.

— Пока еще нет, но может случиться, — многозначительно ответил Володя. — Придет сегодня Валерий Андреевич?

— Обещал прийти. Кудайберген с Рашидом тоже принесли новости. Понимаешь, оружие продают, сволочи памирцы. Где они его берут? — кипятился Дмитрий.

— Я знаю где, — хмуро сказал Володя.

Все с интересом поглядели на него.

Во дворе стукнула калитка, и Борис, выглянув в окно, доложил:

— Идет Ваха.

Вахой Лебедева звали в детстве, и он, как-то, смеясь, рассказал об этом. С той поры комсомольцы, шутя, тоже стали так называть его.

Валерий вошел в комнату, отдал честь, звякнув шпорами, и положил фуражку на подоконник. Был он в кожаной коричневой куртке и таких же брюках, стройный, затянутый широким ремнем, в высоких узких сапогах с острыми, чуть отогнутыми на коленях мысками.

— Что ожидает меня сегодня в этом тихом доме? — улыбнулся он.

— О, дом полон самых бурных вестей. Здесь зреет заговор против памирцев, — в тон Лебедеву ответил Дмитрий.

— У нас пока еще зреет, а памирцы уже в заговоре. И вместе с ними командующий войсками Алексей Ситняковский, — выпалил Володя.

Лицо Лебедева омрачилось, веселый блеск в глазах померк.

— Я подозревал, что в Памирском отряде неблагополучно. Бойцов часто можно встретить пьяными, службу они несут плохо, затевают ссоры с бойцами отряда особого назначения. Но Ситняковский... Я слушаю тебя, Володя.

Голубев быстро поднялся и, отбросив сбившийся на лоб чуб, начал рассказывать о том, что произошло ночью в парке и в казарме. Дмитрий, Борис, Володя Земсков, Рашид и Кудайберген сидели вокруг. Лебедев молча выслушал его.

— Спасибо, Володя. Ты раскрыл нам их карты. Теперь наша задача поймать их с поличным. Они продают оружие за золото нашим врагам. Это золото поставляет английская разведка. Видите, как далеко тянутся нити заговора? Значит, они мечтают перебить нас всех и выбраться за кордон? Подлецы! — Лебедев поднялся и зашагал по комнате.

— Ну, чего еще можно было от них ожидать? Ведь Памирский отряд — это пристанище для бывших офицеров, кадетов, юнкеров! Разве им дорога родина? Отъявленные беляки! — взорвался Дмитрий.

И тут неожиданно поднялся Борис. Он стоял сильный, широкоплечий, лицо побледнело от волнения и губы дергались, когда он начал говорить.

— Ты не прав, Дмитрий! Нельзя всех стричь под одну гребенку! Настоящие русские офицеры — патриоты... Они любят свою родину и никогда не продадут ее. Я пришел в ряды Красной Армии в шинели своего отца, шинели русского офицера, павшего смертью храбрых, защищая свое отечество. Я горжусь именем своего отца и клянусь, что не посрамлю чести его мундира. Я буду счастлив повторить его подвиг — отдать жизнь за родину... Русские офицеры и солдаты испокон веков славились своей доблестью и героизмом. Они били шведов, били французов, били всех врагов, осмелившихся сту-

пить на нашу священную землю. Только трусы и подлецы предадут родину!

Борис смолк, руки его нервно сжимали спинку стула. Дмитрий виновато опустил голову. Он понял, что, погорячившись, незаслуженно обидел товарища. Всем было неловко перед Борисом. И тут поднялся Земсков, карие глаза его с теплотой глядели на Бориса.

— Успокойся, Боря! Мы все прекрасно знаем тебя, уважаем память о твоём отце и в его лице настоящих русских офицеров. Митя не сумел сформулировать свои мысли. Он говорил о тех золотопогонниках, которые из-за угла стреляли в русских рабочих, убивали революционеров, о тех, из-за кого умер в тюрьме бакинский большевик Дмитрий Чураков — отец Мити. Пойми его правильно.

— Извини меня, Боря... Не так я выразился. Ну, не сердись, дай руку. Кровь отца стучит в моё сердце, и поэтому я иногда, как говорится, рублю с плеча.

Борис смущенно глядел на товарищей.

— Да и я, наверно, погорячился... Давай, забудем это. — И друзья примиренно пожали друг другу руки.

— Время сейчас тревожное. Мы должны быть особенно сплоченными, чтобы дать отпор врагам. Я рад, что вы поняли свои ошибки, друзья. У комсомольцев должны быть горячие сердца, но светлые, холодные головы. Наша задача помочь особому отделу разоблачить врагов, Я думаю, никто из вас не останется в стороне.

— Правильно, Владимир! Наша жизнь принадлежит родине, и мы пойдем на самые трудные участки, чтобы помочь Советам строить новую жизнь, — горячо подхватил призыв Земскова Кудайберген.

— Говори, Валерий, что нужно делать? Мы твои руки, мы твои уши, твои глаза, — поднялся Рашид, и за ним поднялись все, будто встали в строй.

— Я знаю, друзья, что все мы едины в своих стремлениях. Будьте бдительны! Следите за каждым шагом врагов. На базаре, в чайхане, на улице — вы все должны видеть и слышать. Распределите между собой участки наблюдений. О памирцах я поговорю с Гостевым и Луценко. Заведующего складом оружия не вспугните — отсюда тянется ниточка. От нее распутаем весь клубок и Алексея Ситняковского выведем на чистую воду.

— С ним будет трудно бороться — он вошел в доверие командующего войсками Ферганского фронта Сафонова, — размышлял Голубев.

— Хорошо уже то, что мы об этом знаем, — успокоил Лебедев. — Они все из одной отары.

— Валерий, разреши и мне сказать, — попросил Рашид.

— Говори, Рашид!

— Мои агенты доносят, кулаки Куршаба любят ходить гости хозяину усадьбы, который стоит у кладбища. Сынка его с памирцами водка пьет.

— Кто там живет? — спросил Лебедев.

— Спекулянт Хватов, — сказал Борис. — Это новые жители города. Поживу учуяли — прилетели.

— Да, хорошо бы туда проникнуть... Кому-нибудь поручим это, — и Валерий записал себе в блокнот.

— А Нина умная девушка! Хорошая у тебя подруга, Володя!

УСАДЬБА НА ОКРАИНЕ ГОРОДА

Шура вошла в комнату, где находился секретарь городской комсомольской организации. Увидев ее, Земсков тепло улыбнулся и, поднявшись навстречу, поздоровался за руку. Поднялся и сидевший рядом с ним Лебедев.

— Я давно тебя не видел, как живешь? — спросил Володя.

— Спасибо, живу хорошо, — сдержанно ответила девушка.

Земсков ценил сдержанность Шуры и знал, что за ней кроется большая нравственная сила, глубина чувств. Знал он и то, что девушка всегда готова на самопожертвование, на подвиг во имя революции. Она словно светилась огнем своего прекрасного сердца. Иногда он с тревогой думал: сгорит она когда-нибудь. И, вызвав сегодня, спрашивал себя: неужели пришел ее час?

— Шуренок, комсомол дает тебе важное задание. Ты, конечно, знаешь, где находится старое кладбище?

— Знаю.

— Там неподалеку есть кирпичный завод. Рядом с ним стоит усадьба Хватова — большой дом в саду за

высоким забором. Место глухое, безлюдное, единственный подъезд к нему со стороны Науката. Поступили сведения, что усадьба Хватова — центр, через который осуществляется связь басмачей и кулаков с поставщиками оружия. Надо проникнуть в этот дом и разузнать, кто доставляет оружие, куда и как его переправляют. Решили поручить это тебе. Согласна?

— Согласна, — с загоревшимися глазами ответила Шура.

— Как лучше это сделать, посоветуйся с Валерием. Помни, что мы все твои помощники.

Валерий подсел ближе к Шуре и не спеша начал:

— Дополнительно могу тебе сообщить: Хватовы в Оше поселились недавно. Есть у них сын Сергей, чуть постарше тебя. Отчаянный гуляка и донжуан. Его часто можно встретить на пьяном базаре. Приходит он туда, по-видимому, не только для того, чтобы выпить пиялу бузы и сыграть партию в кости, там он встречается с поставщиками оружия. Все понятно?

— Понимаю. Значит, Хватовы извещают, когда придут скупщики?

— Да. Теперь давай подумаем с тобой, как действовать.

Шура задумалась.

— Ты не торопись. Я вечером буду у Дмитрия. К тому времени что-нибудь придумаем.

Шура поднялась, собираясь идти. Земсков сжал ее тонкую ладонь и, не отпуская, глядя в потемневшие от волнения глаза, тихо говорил:

— Я тебя очень прошу — береги себя, не горячись. Милая ты девушка... Помни, ты очень нужна, тебя любят...

Голос Володи дрогнул. Лебедев отвернулся к окну. Володя смутился, отпустил руку Шуры. Она, ничего не ответив, поспешила к двери, споткнулась о порог и, не оглядываясь, выбежала на улицу. Щеки полыхали жарким румянцем, и в груди щемило сердце. Что это он сказал? Она всегда смотрела на Земскова снизу вверх, видела в нем жожака, старшего. И вот сейчас он был совсем обыкновенным парнем... Шура замедлила шаги и постепенно успокоилась.

...Воскресенье выдалось жаркое, все небо залило чистой лазурью и на нем золотым жетоном сверкало

солнце. Ни ветерка, никакого движения воздуха — все замерло в теплом покое.

С утра было шумно на пьяном базаре. Продавцы вина, бузы, самогона и кумыса заполнили деревянные ряды. Они громко выкрикивали названия своего товара по-узбекски, киргизски, уйгурски и по-русски.

На земле грязно-серыми пузырями колыхались бурдюки, стояли бочонки, высокие бутылки, наполненные вином. На столах, облепленные мухами, стояли пиялы. Из них пили, не споласкивая, друг за дружкой несколько покупателей, и нередко, выпив пиялу кумыса, человек получал в придачу туберкулез, дизентерию или другую не менее тяжелую болезнь.

Охотников до спиртного было много: и жителей Оша, и приезжих из окрестных сел. Часто посещали пьяный базар бойцы Памирского и кавалерийского отрядов. Как нарочно, он располагался рядом с крепостью. Нередко эти посещения заканчивались довольно бурно: сначала пьяными песнями, потом шумной ссорой и подчас дракой.

Неподалеку от дороги, в первом ряду, расставила бутылки с квасом бойкая молодая торговка. И едва ли кто-нибудь узнал в ней сегодня Шуру Чуракову. Голубой платок с золотистыми турецкими разводами был низко повязан над глазами и, охватив шею, сходиллся концами позади, на голубой кофте, расшитой черными и желтыми узорами, поблескивали две нитки ярко-красных бус. Широкая черная юбка, туго стянутая корсажем у пояса, густыми складками спускалась до самых щиколоток.

— Кваску, кому кваску? Кислого, холодного кваску, — звонко выкрикивала Шура. И когда кто-нибудь протягивал ей монету, озорно улыбаясь, скороговоркой выпаливала, мягко выговаривая букву «г».

— Пейте, дорогой, такого квасу во всем городе не сыщете. А що ж вы мало? Еще плеснуть?

Внешне казалось, что, поглощенная одним стремлением побольше распродать своего товара, она ничего не замечает. На самом же деле она стояла в таком месте, откуда могла увидеть каждого, пришедшего на базар, и зорко следила за поведением торговцев и покупателей. Случайно зашедшие сюда неторопливо ходили между рядами, выбирая, у кого можно подешевле купить ви-

но, завсегдатаи сразу направлялись к уже знакомым торговцам, а те издали еще, приметив их, низко кланялись. Игроки в кости надолго располагались за низенькими столами и, зажав в кулаке кожаный мешочек с деньгами, неохотно доставали оттуда монеты.

Шура уже было огорчилась, думая, что напрасно проводит время. Солнце напекло ей голову, на зубах скрипела пыль, поднимаемая всадниками и повозками на дороге, донимали мухи, а тех, из-за кого она сюда пришла, не было. Только часа в четыре она увидела на дороге невысокого парня в плисовых брюках, заправленных в желтые сапожки, в чесучовой рубашке, подпоясанной узким черкесским ремешком, отделанным черненым серебром. Из-под парусинового картуза нахально глядели серые с черными зрачками глаза. Мясистый широкий нос был короток, и под ним топорщилась щеточка усов, прикрывая толстые красные губы.

Это был сын Хватова. Приметив его, Шура изо всех сил старалась привлечь его внимание.

— Кому квасу? Очень хорош с похмелья. Кислый, холодный. Выпейте кваску, — выкрикивала она, обращаясь к парню.

Стоявший рядом узбек заворчал, глядя на нее.

— Шибко кричал. Зачем шумел?

— А я тебе не мешаю. Не слушай, коли не нравится, — огрызнулась Шура, а сама зыркнула глазами на Хватова. — Выпейте моего кваску, такого еще не пили.

— Ну и девка! Никого не упустит, — засмеялся Хватов и остановился возле Шуры, а она, ловко обтерев распитым полотенцем пиалу, уже наливала ему квасу, без умолку приговаривая:

— Не похвалишь — не продашь. Да если б понапрасну хвалила, а то квас-то, брага настоящая. Пейте, пейте, красавец, на здоровье!

Хватов выпил пиалу и, обтирая пальцами усы, сказал:

— Чертовка, наварила зелье хорошее.

— Пейте, пейте, барин, — трещала Шура подливая квасу.

— Ишь ты — барин! За такие слова теперь можно в ЧК попасть.

— За що ж это, чи ругаюсь я?

— Да откуда ты такая?

— Из Рождественки я. Севертохиных племянница. Слышали таких? Сейчас в город до тетки приехала. Думала, куда на работу податься. Не укажете ли место хорошее? — доверительно обратилась к нему Шура.

Он поглядел на нее пристально и, встретив застенчивый взгляд, довольный улыбнулся.

— В прислуги пойдешь?

— По мне всякая работа хороша, лишь бы в городе пожить. Що ж у вас, поди, хозяйство большое?

— Большое. Испугалась?

— Нет. Я девка проворная.

— Как зовут-то тебя?

— Ольга.

— Хорошо, значит, договорились. Ты пока сбывай свой товар, я за тобой через час зайду.

— Квасу у меня осталось мало. Я пока за узелком сбегаю. Одежду свою заберу.

Но прежде чем уйти, Шура проследила, куда направился Хватов. Он подошел к играющим в кости. Хозяин сразу освободил ему место, бесцеремонно согнав со скамейки сидевшего там без дела, подвыпившего армейца. Мальчуган лет 13 вынес карты, и Хватов, небрежно бросив на стол монету, включился в игру.

Дольше Шуре нельзя было задерживаться, надо успеть известить Лебедева и взять узелок с вещами.

...Третий день жила Шура у Хватовых. Мыла полы, кормила свиней и коров, а сама приглядывалась к окружающим ее людям. Хозяин, хмурый худой старик с длинными расчесанными на прямой пробор густыми седыми волосами не приветливо встретил привезенную сыном, новую прислугу. И встречая ее в доме, смотрел мимо, будто не видел. Жена его, гладкая толстая старуха, ходила с палкой и все время была чем-нибудь недовольна.

— Ольга! — кричала она из комнаты, и Шура спешила на зов.

— Налей мне чаю, — приказывала Хватова, хотя сидела возле самовара и нужно было только руку протянуть, чтобы достать чашку.

— Почему такой жидкий чай? Налей крепче. Сама никогда не догадаешься, — ворчала она.

Шура молча терпела все придирки.

— Вынеси сегодня на вольный воздух перины и подушки.

— Сейчас несть, али позже?

— Ох, и лентяйка! Только бы без дела ей сидеть! Сейчас же неси!

И хрупкая Шура с трудом выносила пудовые перины, укладывая их во дворе на солнечном месте.

Вечером, когда она выбивала просушенные пуховики, во двор въехала подвода, запряженная парой лошадей. Возле туго набитых мешков сидели двое мужчин.

Коней распрягли и поставили в конюшню. Телегу закатали в сарай. Хватов провел гостей к себе в кабинет и долго с ними там разговаривал. Сергей куда-то ушел и возвратился, когда стемнело. Вся семья села с гостями ужинать в столовой. Не обошлось, видно, и без вина, потому что через полчаса голоса зазвучали громче, а вскоре кто-то лихо запел:

Ах вы, пташки-канашки мои,
Двадцати пятирублевенькие!

Послышался дробный перестук каблуков и визгливые выкрики: «И-и-их!»

Кухарка, подававшая на стол, вернулась раскрасневшаяся, с блестящими глазами—хозяева поднесли ей стопку водки.

— Родня, видать, приехала к хозяевам? — спросила Шура.

— Нет, это куршабские заправилы: Жуков и Киликеев. Они пшеницу привезли. Завтра же суббота, на базар повезут,— доверительно сообщила кухарка.

Шуру обеспокоило это сообщение. Как бы избежать встречи с куршабцами, думала она. Это грозило ей разоблачением.

— Ой, больно как! — схватилась она вдруг за щеку.— Зуб болит, окаянный!

— Тебе бы водочки сейчас немного глотнуть,— блаженно щурясь от приятного воспоминания, сказала кухарка.

Шура, морщась от мнимой боли, отрицательно мотнула головой и повязала щеку платком.

В это время из столовой позвали:

— Ольга!

Шура, держась за щеку рукой, поспешила на зов. Хозяйка, утираясь полотенцем, сидела совсем пьяная.

Она никак не могла поддеть вилкой огурец на тарелке. Руки не повиновались ей. Хватов был совершенно трезв, только правую щеку время от времени дергал нервный тик. Возле него, справа и слева, сидели гости. Оба красивые от выпитого вина, но глаза глядели остро. Пьяный Сергей что-то доказывал Жукову, а тот снисходительно слушал его.

— Ты чего это замуровалась? — спросил Хватов вошедшую Шуру.

— Зубы разболелись,— пожаловалась она.

— Меду, поди, объелась?

— А где его взять-то, мед?

— Врешь ведь. В погреб ходишь? Там бочонок с медом стоит, никогда не поверю, что не лакомишься на дармовщину. Чужое же, запомни, никогда впрок не пойдешь!

— Ей-богу, не брала я! — клялась Шура.

— Брось бога гневить! Я тебя вот для чего кликнул — поедешь завтра на базар, поможешь людям.

— А если зубы еще хуже разболются? — попробовала Шура отговориться от поездки.

— Надо, чтоб не болели! — почти прикрикнул старик.

— Олюшка,— заплетаясь языком, начал Сергей.— Краля ты моя! Иди, я тебя поцелую.

Шура сердито повела глазами в его сторону.

— Можно идти? — спросила она Хватова.

— Иди, занимайся своим делом.

Как только она вышла, Жуков спросил:

— Говоришь, с Рождественки она? Что-то не видал я ее раньше.

— Так она в городе, здесь у тетки приспособилась. С ней и сподручней вам будет — никто не заподозрит.

— Девка с норовом. На Сергея-то как зыркнула глазами,— заметил Киликеев.

Шура обдумывала неожиданное распоряжение хозяина. Это совсем не входило в ее планы и было рискованно для нее. Главное, надо известить своих о приезде куршабцев. Ночью, как было условлено, должен прийти Асан.

Она мыла на кухне посуду, а сама чутко прислушивалась к тому, что происходит в доме. Кухарка легла

спать, и вскоре богатырский ее храп сотрясал маленькую каморку, в которой жила с ней и Шура.

Грузно топая ногами, прошел по коридору к себе в комнату Сергей.

Шура заглянула в столовую. Там никого уже не было. Она убрала посуду и, сняв скатерть, вышла на крыльцо стряхнуть крошки. В спальне хозяйки было темно. Горел свет в кабинете Хватова.

Повязав голову темным платком и накинув черную кофточку, она вышла во двор. Вечер был тих и светел. Все звезды, какие только есть во вселенной, рассыпались по небу при полной луне.

Стараясь не шуметь, Шура проскользнула в сарай, ощупала в темноте мешки. Под пальцами катались тугие зерна пшеницы. «Добро-то какое! — подумала она. — Сколько б людей накормили!»

Выйдя из сарая, она направилась в сад. Когда нечаянно задевала ветви деревьев, то падали зрелые персики, мягко ударяя по голове и плечам. Пробравшись в дальний конец сада, Шура остановилась и прислушалась. Убедившись, что никто за ней не следит, она подошла к дувалу, отвела в сторону виноградную лозу и, вынув кирпич, выглянула. И сразу же перед ней оказалась круглая мордашка Асана.

Я сижу, сижу, ты не пришел, — зацептал он.

— Асанчик, дорогой, слушай и запоминай. Из Куршаба приехали Жуков и Киликеев. Завтра на базаре будут продавать пшеницу. Я буду с ними на базаре. Понял?

— Все понял.

— Сейчас же передай все Мите. Постой, это тебе гостинец.

Шура сунула в руки мальчика кусок жареного мяса и мягкую лепешку. Асан жадно потянул носом, рот его распылся в довольной улыбке.

— Ой, рахмат, Шура!

— Ну, беги!

Шура оглянувшись, положила на место кирпич, опустила лозу и поспешила в дом. Сердце тревожно замирало от каждого звука. Поднимаясь на крыльцо, она сняла туфли и босиком вошла в дом.

У ворот ходил сторож и время от времени стучал трещоткой.

В сенях Шура задела рукой и чуть не уронила лежавший на баке с водой ковш. Миновав кухню, она направилась по коридору к себе в комнату. И вдруг впереди скрипнула дверь. Шура, не раздумывая, юркнула в спальню Сергея. С ужасом переступила она порог — вдруг он не спит! Но Сергей, уткнувшись лицом в подушку, тихо похрапывал.

В лунном свете белел на полу таз и кувшин. На диване и стульях в беспорядке лежала одежда. Шаги в коридоре приблизились. Шура быстро сбросила платок, кофту и вздрогнула — дверь отворилась. На пороге со свечой в руке стоял Хватов в нижнем белье.

Шура, как бы стыдясь, закрыла лицо платком и проскочила мимо старика в дверь. Он стукнул ее кулаком по спине и зло бросил вслед:

— Ишь, блудня!

Шура улыбкалась в темноте и бегом кинулась к себе в комнату. Ах, как крепко спалось ей в эту ночь! Кухарка трясла ее за плечо и чуть не кричала над ухом.

— Вставай, ехай!

Шура вскочила, быстро заплела косу и вышла на улицу. Жуков запрягал лошадей. Киликеев, фыркая, умывался холодной водой, видимо, сгонял хмель. Хватов, поглаживая бороду, что-то говорил Жукову. Подошел Сергей. Лицо желтое, заспанное.

— Батя, я тоже поеду.

— Эк тебя поддела она! — ухмыльнулся отец.

— Кто? — удивился Сергей.

Отец хитро прищурился.

— Ты меня не проведешь. Весь вечер с ней провел и еще поманила? Смотри, присушит!

Сергей глаза вытаращил, ничего не понимая.

— Постой, отец. Ты что-то путаешь.

— Кто кого путает? Я ж ее в твоей комнате застал.

Сергей ничего не ответил. Слова отца озадачили его. Неужели он был так пьян, что ничего не помнит? Посмотрел на Ольгу. Она, замотав платком щеку, как ни в чем не бывало хлопотала, устраиваясь поудобнее на подводе.

— Никуда ты не поедешь! — твердо сказал сыну Хватов. — Знаю, опохмелиться хочешь. Совсем разболтался. Дома для тебя дело найдется — счета надо проверить. Сергей промолчал и не поехал.

Ехали по центральной дороге, связывавшей новый город со старым. Миновали крепость, тюрьму, больницу, оставили позади и Сулейман-гору. Всю дорогу Жуков и Киликеев молчали. Может быть, мешало им разговаривать Шурино общество или уж такие нелюдимые были по натуре. Хмуро поглядывая по сторонам, они курили самокрутки из какого-то крепкого табака, от которого у Шуры разболелась голова. Она сидела, привалившись спиной к мешку, и делала вид, что дремлет.

Не доезжая до моста через Ак-Буру, остановились. Напротив, по берегу реки, раскинулись чайханы, где на открытых террасах возле говорливой воды пили зеленый чай из расписных пиал. У входа толпился народ: совершались торговые сделки, передавались новости.

Неподалеку на пригорке виднелась кузница Нияза, и Шура украдкой глядела на нее, думая о том, что, возможно, сейчас там находится Митя и ее друзья.

Поставив подводу, Жуков куда-то ушел. Киликеев заметно нервничал. Он с тревогой вглядывался в каждого, кто направлялся к подводе. Мешки с пшеницей были прикрыты сеном, а сверху лежали вязки чеснока и лука. Продажа пшеницы строго контролировалась народной милицией. Все излишки зерна должны были сдаваться государству. Кулаки же утаивали его и из-под полы продавали на золото.

Вскоре возвратился Жуков. Он привел с собой покупателя — старого толстого узбека, украдкой показал ему пшеницу. Тот взял пригоршню зерна, потер его в ладонях, попробовал на вкус и, видимо, остался доволен, потому что, отсчитав несколько золотых монет, погрузил мешок на осла и ушел. Продали еще мешок. Взял его приказчик из магазина «Зингер». Увез он мешок на ручной тачке.

В полдень к подводе подошел памирец. Шура вспомнила, что не раз видела его. Худой, с бледным испитым лицом и серыми, глубоко посаженными маленькими глазками, он был вертляв и неряшливо одет: ворот гимнастерки расстегнут, мятые брюки и нечищенные сапоги. Памирец, ткнув пальцем в лук, сказал:

— Неходовой товар!

— Ничего, покупатель найдется, — ответил Жуков, подходя к нему ближе.

— Оптом продаете?

— Могу и оптом. Не хватит, еще привезу.

Шура заметила, что весь разговор, по-видимому, имеет для беседующих какой-то скрытый смысл, потому что Жуков и Киликеев сразу вдруг оживились и понимающе переглядывались с памирцем.

— А ну, идем, потолкуем. Есть у меня покупатель оптовый, — пригласил памирец.

Кулаки охотно приняли приглашение и приказали:

— Ты, Ольга, здесь посторожи. Без нас не продавай. Пусть обождут. Мы скоро вернемся.

Они перешли дорогу и исчезли в толпе возле чайханы. Шура соскочила с подводы и нетерпеливо оглядывалась. Что ж это никого нет? Неужели комсомольцы ничего не видят? Может быть, Асану не удалось известить Митю? Только она это подумала, как сзади раздался голос:

— Торговать приехал? Какой товар привез?

Шура даже вздрогнула от неожиданности. Быстро обернулась — перед ней стояли Рашид и Борис Нестеренко.

— Ой, напугали!

— Зачем бояться, девушка? Покажи товар, — продолжал игру Рашид.

— Лук продаю. Берите, дешево отдам, — протянула она вязку лука и зашептала. — Где вы все попрятались? Памирец приходил, белесый такой, вертлявый. Увел их налево к чайхане, — указала она глазами через дорогу.

— Значит, сейчас состоится сделка. Если они принесут что с собой, ты нам знак подай, — сказал Борис.

— Хорошо. Я кофту верхнюю сниму, останусь в белой блузке.

— Когда подойдем, ты будь вместе с ними заодно. Может, придется тебе в усадьбу еще возвращаться, — настаивал Борис.

Бросив связку лука, Рашид ворчал:

— Много деньга хочешь! Не надо твой лук!

— Ну и не бери! — огрызнулась Шура.

Недовольно бурча что-то под нос, комсомольцы ушли. Шура укладывала на место разворошенный лук.

Кулаки возвратились с тяжелыми сумками в ру-

ках. Завернув их в рванье, уложили на самый низ под мешки, хорошо прикрыв сверху сеном.

Шура сняла теплую кофту, повязала потуже платок и забралась на подводу.

— Ну, что ж, пожалуй, на сегодня хватит! — сказал Жуков. — Пора домой.

— Надо бы по маленькой пропустить, — хитро улыбаясь, предложил Киликеев.

— Дома, дома это успеем, — отмахнулся Жуков.

И в этот момент, словно из-под земли, появились возле подводы Лебедев, Голубев, Митя и Хамид.

Жуков побледнел и рванулся рукой к карману. Лебедев разко шагнул и схватил его за руку. Возле Киликеева встал Митя.

— Спокойно. В ваших интересах не шуметь! — предупредил Лебедев.

— Чего хватаешь? Что надо? — поднял было голос Жуков.

— Я вам сказал — не шумите, — жестко повторил Лебедев.

Шура ойкнула и прижалась к мешкам.

— Покажите, что вы привезли? — спросил Володя.

— Ну, пшеницу, — ответил грубо Киликеев.

— Еще что?

— Лук.

— А что под сеном?

— Ничего нет. Для девки постлали сено. Хворая она.

— Зубы у меня болят, — пролепетала Шура.

— Мы тебя не обидим. Встань-ка!

Шура сошла с подводы.

Володя и Хамид стали ворошить сено.

— Не трожь! — закричал Жуков.

— Спокойно! — Лебедев показал браунинг.

Кулак отшатнулся и сник.

В сумках под сеном были наганы и цинковые банки с патронами.

— Садитесь! — Лебедев указал кулакам на подводу. — Митя, вези их в дом Гречкина.

— Девку-то отпустите. Зачем ее тревожить? — вступился Киликеев.

— Это мы сами решим. Зря никого не тронем. Садись пока вместе с ними, — обратился Лебедев к Шуре.

— Вот как, Ольга. Придется и тебе ответ держать. Шура уткнулась головой в рукав, будто плача.

Подвода тронулась. Ехали по Татарской безлюдной улице. Позади шли Володя, Лебедев и Хамид. Они мирно беседовали, будто и не держали в карманах оружие наготове.

...В тот же вечер Лебедев решил допросить арестованных. Он сидел за письменным столом, перечитывая донесение Ишанханова, когда конвоир ввел Жукова.

В Куршабе жила целая семья Жуковых: старик-отец и двое сыновей. Этот Жуков — младший, лет двадцати пяти. Тщедушный, с жилистой шеей, узкими плечами и тяжелым взглядом мутных глаз. Сначала он храбрился. Охотно сел на предложенный стул, в упор поглядел на Лебедева и на вопрос, у кого купили они с Киликеевым оружие, возмущенно ответил:

— Ничего мы не покупали! Зря напраслину не возводите на нас. Никакого оружия мы не брали!

— Вы говорите, что не покупали оружия, как же оно оказалось у вас на подводе? При вас его изъяли: три нагана, двести штук патронов к ним и две цинковых банки с патронами для берданы. Вы помните? С вами вместе считали. Вот протокол и ваши с Киликеевым подписи.

Жуков потемнел от ненависти.

— Что ж, вы ехали на подводе и не знали, что везете?

— Как не знали, пшеницу везли!

— Не крути, Жуков! Лучше честно сознайся во всем. Иначе по законам революции за тайное приобретение оружия не сносить тебе головы. Полное признание облегчит твою участь. Если поможешь нам разоблачить преступников, снабжающих оружием врагов Советской власти, обещаем освобождение. Подумай.

Лебедев поднялся и зашагал по комнате. За окном полыхал багровый закат. От знойных красок заката и от присутствия Жукова на душе у Валерия было тревожно. Он подошел почти вплотную к кулаку и в упор спросил:

— Ну, скажи, зачем вы с Киликеевым покупали оружие?

Жуков трусливо отвел взгляд. Ему казалось, что

большие, правдивые глаза чекиста читали его затаенные мысли.

— По заданию штаба крестьянской армии покупали, — глухо заговорил он.

— Почему же штаб закупает оружие тайно?

— Ничего я не знаю. Мне дали деньги, сказали купи, я и сделал.

— Кто выдал деньги?

— Мозгунов наш.

— Сколько он дал?

— Сто пятьдесят рублей.

— Золотом?

— Да.

— Так. Этими деньгами вы расплатились за наганы — по пятьдесят рублей за наган. А патроны на какие средства покупали? Ведь они стоили двести рублей.

— Мы ж пшеницы два мешка продали.

— Вы говорили, что оружие брали для штаба, а расплачивались своими деньгами тоже для штаба?

— Ну, нам вернули бы те деньги.

— Вы уверены в этом?

— Конечно.

— Наверно, не в первый раз выполняли такое поручение?

— Не в первый.

— И кто ж вам поставлял оружие?

— Да разные люди, — уклонился от ответа Жуков.

— Все же припомните, кто именно?

— Образованные люди, интеллигентные. Одеты по офицерски, но без погонов.

— Таких немало в Оше. Как они выглядят, расскажите.

Жуков замаялся.

— Я вам сказал, что если вы нам поможете — обещаем вам свободу. Никто не узнает о том, что вы нам расскажете.

— Так сейчас в Куршабе, поди, переполошились все, как узнали, что нас в ЧК забрали. Попробуй, оправдайся потом.

— Там никто ничего не знает.

— Как не знает? Куда ж мы делись с базара?

— Вы поехали в Андижан, потому, что в Оше ничего не купили. Понимаете?

— Откуда это известно?

— Не беспокойтесь, по нашему указанию так известили ваших родственников в Куршабе.

— Чисто вы работаете.

— Работаем, как умеем.

Лебедев же с беспокойством подумал о Шуре, которой пришлось возвратиться к Хватовым и передать легенду о поездке куршабских кулаков в Андижан.

— Так как же выглядели поставщики оружия? — настойчиво повторил вопрос Лебедев.

Жуков молчал. Он понуро опустил голову.

— Ну что ж, видимо, вам не надоело пребывание в одиночной камере?

Медленно подняв голову, кулак заговорил, словно гири, выкладывая слова.

— Ладно, скажу все. Приносили оружие двое. Один высокий, холеный такой, бывший офицер царской армии, сын богача. Геннадием зовут его. Второй коренастый, с русыми волосами, глаза широко расставлены. По всему видно, купеческого сословия — ни одной копейки не передаст лишней. Известил их о нашем приезде пьянчужка, бывший кадет, кривляется, как уличная девица. Он с Сережкой Хватовым вместе пьянствует.

Жуков хмуро поглядел на Лебедева: хватит, мол. Тот спокойно выдержал взгляд и продолжал:

— Когда еще они принесут оружие?

Жуков даже крикнул от удивления: вот, бестия, все знает!

— В следующую субботу придут.

— На то же место?

— Туда же.

— Очень хорошо. Вот вы нам и поможете.

— Что еще от меня надо? — заволновался Жуков, чувствуя, что, как муха в паутине, запутался совсем.

— Сейчас идите отдыхайте. Времени у нас достаточно. Не беспокойтесь, все будет хорошо, — заверил Лебедев и вызвал конвоира.

Жуков тяжело поднялся и вышел вслед за конвоиром.

Киликеев, в противоположность своему другу Жукову, упорно отрицал свое участие в заговоре куршабцев.

— Ничего не знаю. Все по поручению штаба делал.

Откровенно говорю: позарились мы на барыш. Покупали винтовки за пятьдесят рублей, а говорили, что платили семьдесят пять. Вот, глядишь, лишнее золотишко в карман!

Он прикидывался жадным торгашом. Уверял, что сроду оружия не имел и не нуждается в нем. Подтвердил же, что доставляли оружие памирцы, о Хватовых умолчал.

Лебедев решил, что с Киликеевым больше говорить не о чем, достаточно было сведений, полученных от Жукова. Большая работа предстояла у Володи. Он должен был точно установить личности памирцев, доставлявших оружие. В последнее время командир отряда Гостев назначил Володю своим порученцем. Ему приходилось писать приказы, вести переписку со штабом Ферганского фронта. Благодаря своей работе он хорошо знал личный состав Памирского отряда. В его руках находились все документы бойцов, он быстро установил, кто именно торговал оружием. И не сомневался, что это были Геннадий Рах и Александр Мануйков. Связь с Хватовым держал опустившийся пьяница Петр Мо-нако.

...В субботу утром подвода с пшеницей стояла в условленном месте. Приехал на ней Жуков со своим «односельчанином» Даней Кордубом.

Даня был черноволос, черноглаз и смугл, как молдаванин. Весело поблескивая большими глазами, он балагурил с покупателями, а сам цепко держал в полев-рения Жукова, следя за каждым его жестом.

День выдался жаркий, шумный. Народу на базар съехалось, как в дни ярмарки. На пшеницу столько находилось покупателей, что Жуков сначала набавил цену, а потом просто спрятал мешки, испугавшись, что его вместе с подводой разнесут на части. «Сколько денег пропадет», — думал он и большим клетчатым платком вытирал со лба пот, с тревогой оглядывался, боясь встречи с куршабцами. Но, на его счастье, в таком многолюдье трудно было кого-либо увидеть.

На возвышении по соседству с подводой в чайхане за досторханом пили кок-чай трое друзей. Умаралы Юнусов, Сулейман Дадабаев и Валерий Лебедев. Спокойно текла беседа. Говорили они по-узбекски. И чайханщик ни на минуту не усомнился в том, что серог-

лазый высокий гость в полосатом халате, в сапогах и в расшитой тюбетейке, обмотанной голубым бельбоком, совсем не узбек, а русский чекист. Из чайханы хорошо была видна подвода и все, кто к ней подходил. Как бы невзначай гости поглядывали на нее.

...Еще издали увидел Дмитрий кузницу Нияза. Она стояла на пригорке как раз у въезда в старый город, на улице Андижан-Куча, буквально упираясь в спину мечети. Станным казалось такое соседство, но, по-видимому, веселый звон кузницы не мешал мусульманам молиться аллаху.

Дмитрий поднялся на пригорок, и его сразу захватил живой ритм звонкого труда. Под железным навесом жарко пылал горн. Крепкий, широкоплечий Нияз в длинном кожаном фартуке и больших сыромятных рукавицах ловко выхватил щипцами из огня раскаленный брус железа и положил его на наковальню, около которой стоял Кудайберген. Он, как и отец, был в фартуке.

Нияз держал щипцами пышущий жаром брус, а сын ковал его тяжелым молотом. Снопы золотых искр разлетались вокруг. Веселым звоном наполнилась кузница. Когда Кудайберген вздымал молот, то мышцы на его руках и на спине вздувались твердыми буграми. Стоял он, широко расставив ноги, словно врос в землю. На круглом лице с мягкой ямкой на подбородке сквозь матовую смуглость щек проступал румянец. Кольца густых волос металась вокруг лба.

Увидев Дмитрия, Кудайберген улыбнулся и между полными румяными губами влажно засверкали крепкие белые зубы. Вся фигура его дышала молодостью, силой и здоровьем. Играючи поднимал он тяжелый молот, и каждый удар, как тесто, расплющивал червонное от накала железо.

С детских лет бывал в этой кузнице Дмитрий. Он любил терпкий запах дыма, любил смотреть, как взбивается вверх фонтанчик воды, когда опускают в нее огненные подковы, но особенно любил веселый звон железа.

Раньше у наковальни стоял сам Нияз, а теперь его сменил Кудайберген. Отец гордился силой и сноровкой сына. Держа щипцами раскаленный брус, он любовался, как свободно ковал тяжелым молотом Кудайбер-

ген. «Хороший кузнец получился из моего сына!» — думал Нияз.

Когда железный брус превратился в тонкую пластину, старик опустил его в воду. Кудайберген снял рукавицы, обтер со лба пот и подошел к Дмитрию. Тот вполголоса сказал ему:

— Подвода уже прибыла.

— Хорошо, я готов. Отец, мне нужно идти.

— Иди, сынок. Я сам управлюсь здесь, — ответил Нияз, приветливо кивая головой Мите.

Юноши спустились с пригорка, прошли в отдалении мимо подводы — там заразительно чему-то смеялся Дания — и направились в торговые ряды.

Разворачивая радужно расцвеченный кусок шелка, Митя уговаривал торговца:

— Ой, ата, дорого просишь! Смотри, какой маленький кусок, его даже на косынку не хватит.

Торговец, немолодой узбек в полосатом халате и черной тюбетейке, сердито рванул шелк из рук Дмитрия.

— Деньга нет, клади на место!

— Уступи, отец, сестре подарок хочу сделать, — не сдавался Чураков.

И вдруг Кудайберген ловко выхватил шелк из рук торговца и, зажав под мышкой, весело сказал:

— Помни, ата, первого покупателя упустишь — не продашь! Получай деньги!

Узбек, сердито сверкая глазами, стал ругаться.

— Тебе что надо, ишак? Зачем пришел? Давай шелк, баранья голова!

Митя в это время посмотрел на пригорок, где стояла подвода — там появилось трое всадников. Чураков подтолкнул Кудайбергена: нам пора!

Ниязов бросил шелк на прилавок, и, ничего не сказав купцу, юноши ушли.

...Под утро, когда сон особенно крепок, Володя побывал в каптерке (ключ ему выдали в особом отделе), обыскал ее. За стопками сложенных гимнастеров он нашел две берданы и патроны. Положив все на место, Володя вышел.

Утром Гостев вызвал Володю и поручил ему писать докладные в штаб Ферганского фронта о том, что в Памирском отряде не все еще винтовки старого образца

заменены трехлинейными и что на складе совсем мало патронов.

В душе Володя удивлялся беспечности и близорукости командира. Из-под носа крадут оружие и патроны, а он ничего не замечает. Может быть, и он?.. Володя отогнал казавшуюся уж очень невероятной мысль об участии Гостева в заговоре. Думая об этом, он сидел за столом в маленькой комнате военной канцелярии, окно которой выходило во двор крепости. Там время от времени мелькала фигура Вани Малышева — он был связным между Голубевым и Лебедевым, находящимся в это время в чайхане на базаре.

Несколько раз Володя под всякими предложениями заходил в казарму. Как-то застал там Раха и Мануйкова. Гениадий с книгой в руках лежал на кровати. Александр, сидя на подоконнике, играл в карты с полным, толстогубым памирцем.

Шел одиннадцатый час. Володя начал беспокоиться: неужели кто-то предупредил памирцев о засаде и они не вынесут оружия на базар? Минут через двадцать мимо окна прошел Рах, неся в руке переметную сумку. Он явно не хотел, чтобы со стороны видели, как тяжело она нагружена, и нес якобы с легкостью, но сумка заметно оттягивала руку. Вслед за Рахом промелькнуло еще двое памирцев. Все прошли в конюшню.

Ваня тотчас был у Володи. Тот коротко написал: «Выехали трое. Вооружены наганами. Груз в переметных сумках», — и отдал записку Ване.

— Бери любую лошадь в конюшню. Если спросят, кто разрешил, скажи, едешь по распоряжению Гостева.

Ваня ехал по центральной дороге, памирцы же, избегая встреч, — по безлюдным, боковым улицам.

Ваня примчался значительно раньше. Возле чайханы спешился, и, пока привязывал коня, к нему подошел Лебедев, прочитал украдкой записку и вернулся к друзьям у досторхана. Расплатившись с чайханщиком, все вышли.

В это время с горки к Ак-Буре спускались три всадника с переметными сумами. Издали они оглядели местность у моста и направились к берегу Ак-Буры. Здесь неподалеку и увидели нужную подводу.

Подъехали, поздоровались с Жуковым, сошли с коней. Жуков познакомил их с Даней.

— Это мой односельчанин,— представил он его.

— Будем знакомы,— широко улыбаясь, Дания по-очередно пожал всем руки и, хитро подмигнув, спросил: — Пшеничку покупать?

— Ты сначала наш товар прими,— сухо сказал Рах.

— И купить, и продать могу,— балагурил Дания.

— Ну, как, берешь?— игнорируя Кордуба, обратился к Жукову Геннадий.

— Кладите быстрее,— указал тот на свободный край подводы.

Геннадий оглянулся. Поблизости никого не было. Он снял с лошади переметную суму, вынул оттуда сверток, то же самое проделал Мануйков и белокрысы памирец.

— Здесь патроны в цинковых коробках и два обре-за,— пояснил Рах.— Проверь.

— Не буду,— хмуро бросил Жуков.

— Тем лучше. Тогда рассчитывайся,— сказал Рах, заметив что Жуков почему-то топчется, не вынимая де-нег.

В это время позади раздался жесткий голос Лебе-дева:

— Рассчитываться с вами будем в особом отделе.

Рах резко обернулся и потянул руку к нагану, но железная хватка Кудайбергена сразу парализовала его.

— Ах черт! — выругался Рах.

Подвода была окружена. Дмитрий крепко держал за руки Мануйкова, Сулейман Дадабаев успокоил вертлявого Петра. Все произошло стремительно и в полной тишине. Жуков весь пожелтел от страха и еле держался на ногах. Дания же сидел, свесив ноги с подводы, и невозмутимо лущил семечки, будто его все это не касалось. Задержанных под конвоем повели в особый отдел.

Подводу оставили на прежнем месте: Рашид Ишан-ханов дал знать, что ее разыскивают двое басмачей.

Вечерело. Жар спал, только плотнее стало облако пыли над базаром. Народ расходился по домам.

— Что они нас держат здесь?— спросил Жуков у Дани.

— Я ничего не знаю. Прикажут и поедем,— живо ответил Дания, сладко потягиваясь.

— Хорошо тебе говорить — ты свой! — испытующе посмотрел на него Жуков.

— И тебе свой! — лукаво улыбнулся Дания.

— Ох, и хитер ты, парень! Знаешь, а нравишься ты мне,— подвинулся к нему Жуков, и Кордуб с издев-кой ответил:

— Вот и хорошо. Приятно время провели, верно?

Жуков зло сплюнул и ничего не сказал.

И вдруг совсем неожиданно возле подводы появился еще один всадник, полный, толстогубый. Судя по одежде, тоже боец Памирского отряда. Подъехав к подводе, оглядел Жукова и Кордуба. Дания улыбнулся.

— Не узнаешь?

— Не припоминаю что-то...

— Эх ты, вояка! Давай, выкладывай свой товар.

Памирец покосился на Кордуба.

— У меня для тебя ничего нет.

— Врешь! Давай, давай! А то нам пора домой воз-вращаться. Что у тебя: патроны или оружие?— шепотом спросил Дания.

— Да ну тебя! — отмахнулся памирец, гарцуя на коне. Из чайханы вышли двое в черных чапанах и тюбетейках с бельбоком. Они направились прямо к подво-де. Всадник увидел их, заулыбался и спешился.

— Подержи-ка моего коня лучше,— попросил он Данию.

— Чего его держать? Привяжи к телеге.

Памирец подумал и привязал. Потом все трое, ук-рывшись за лошадьми, начали торг. Толстогубый прода-вал обрез и патроны. Басмачи не хотели платить назна-ченную цену и упорно торговались. Памирец не усту-пал.

Никто не обратил внимания, как подошел Лебедев. Он все еще был в полосатом халате и тюбетейке.

— Я возьму. Вот деньги,— сказал он неожиданно, подавая золотые монеты.

Памирец поспешно протянул руку за деньгами. Бас-мачи, увидев, что оружие ускользает от них, ухватились за сумку памирца. Этого только и нужно было чекис-там. Мгновенно рядом оказались Умаралы с Рашидом. Они схватили басмачей за руки, те, не понимая еще, в чем дело, вырывали сумку из рук толстогубого. И толь-ко когда им скрутили руки за спину, поняли басмачи, что попались в капкан.

Лебедев крепко держал памирца, а тот, наконец

разглядев неожиданного покупателя, в ужасе пятился назад.

— Куда, куда собрался? — говорил Дания, связывая руки неудачливому торгашу. — Не хотел мне товар выдать, видишь, какой конфуз получился? — подтрунивал он.

Возле Жукова стоял Миша Михайличенко. Стоял спокойно, будто ничего не видел, но кулак чувствовал, как каждое его движение контролируется Мишей, и, конечно, нечего было думать о побеге. Со злостью время от времени он плевал сквозь зубы, громко цыря, словно хотел показать свое пренебрежение к Мише.

Миша поправил упряжь на лошадях, выдернул из сена длинную травинку и небрежно помахивал ею, не глядя на Жукова.

— Ну, что ж, мы пойдем всей компанией, — указал глазами на арестованных Лебедев, — а ты, Дания, возвращайся с хозяином на подводе.

Уже смеркалось. Базар опустел. На улицах зажигали фонари. Подвода, груженная оружием, возвращалась в ЧК.

РАЗОРУЖЕНИЕ

На следующий день Лебедев допрашивал арестованных бойцов Памирского отряда, и под тяжестью улик они вынуждены были сознаться, что участвовали в заговоре и снабжали краденым оружием кулаков и басмачей.

Было ясно, что и свое оружие памирцы при первом удобном случае пустят в ход против красногвардейцев и бойцов особого назначения. Лебедев немедленно доложил обо всем уездному комитету партии и ревкому, где было решено, что отряд памирцев необходимо разоружить и очистить от изменников. Согласился с таким решением и начальник особого отдела Ферганского фронта Новгородский. Зная об участии в заговоре Плотникова, с командирами отряда ни о чем не советовались.

...В казарме было шумно. За длинным столом обедали бойцы Памирского отряда. Ели они из алюминиевых, эмалированных или глиняных мисок. Хлеб, нарезан-

ный крупными ломтями, лежал горкой на столе, на котором не было даже клеенки. И посуда, и черный хлеб у некоторых памирцев вызывали чувство глухого раздражения, они хмуро подтрунивали друг над другом.

— Наполни мой серебряный судок, — говорил, протягивая дневному алюминиевую мятую миску, памирец с выпуклыми насмешливыми глазами и тонкой белой шеей.

— Я сегодня удостоился чести есть из фарфоровой чашки. Она так тонка, что насквозь светится, — иронизировал розовощекий, с золотистыми баками на щеках, ставя перед собой глиняную черепашку.

— Чашка или похлебка светится? — спросил тот, что ел из алюминиевой миски.

— К сожалению, ты прав. В этой похлебке всего две крупинки ячменя.

— Одну съешь, а вторую оставь для посевной, а то весной большевикам нечего будет сеять.

Сидящие поблизости от говоривших засмеялись. Смех звучал зло, не весело. После ареста Раха, Мануйкова и Монака памирцы явно нервничали, потому что многие из них чувствовали за собой грешки.

— Сами не умеют хозяйничать и все на врагов вают. Кричат, захлебываясь: враги хлеб прячут! Разоблачайте врагов! Сожрут сейчас все зерно, весной в поле не с чем будет выйти. Вот люди поумнее и припрятали зерно, а их врагами объявили, — рассуждал плотный, низкорослый памирец с тяжелой нижней челюстью, с почти квадратным лицом. Что-то кулацкое, хищное было в его облике.

— Они ищут врагов так же, как солдат Нечепуренко, — заметил боец с насмешливыми глазами.

— Какой Нечепуренко? — воскликнуло сразу несколько голосов.

— Разве вы не слышали эту историю?

— Нет.

— Расскажи! — попросил розовощекий.

— Хорошо, я сейчас вам расскажу, — начал он, чуть освободив ворот гимнастерки и близоруко щуря глаза. — Было это в семнадцатом году, в канун революции. Поддавшись влиянию новых веяний, некоторые женщины, утверждая свое равноправие и свободу

любви, начали с того, что остригли косы и стали вести весьма свободный образ жизни.

— Встречал таких красоток! — с двусмысленной улыбкой заметил розовощекий.

— И вот в восьмом Туркестанском батальоне после обеда бойцы так же сидели за столом, отхлебав щи. Собрали все чашки-плошки. Поднялся фельдфебель. Дядя он был внушительный, моего роста, плечи широкие — в старом городе не пройдет, между дувалами застрянет. Уши пышные, как два беличьих хвоста. Поднялся фельдфебель и говорит, голосище, как из бочки, гудит.

— Итак, начинаем занятие по словесности (у нас теперь это политчасом называется).

Все притихли. Фельдфебель оглядел солдат, погладил усы и уперся взглядом в курного большеголового парня.

— Нечепуренко, встать!

Парень поднялся и перепуганно захлопал белыми короткими ресницами.

— Скажи мне, — продолжал фельдфебель, — кто у нас есть внутренний враг?

Солдат мучительно начал думать, глаза выпучил, весь покраснел.

Молчали и памирцы. По их напряженным лицам рассказчик видел, что многие затруднились бы ответить на вопрос фельдфебеля. И, заранее предвкушая, какую разрядку внесет ответ, продолжал.

Солдат что-то вспомнил, вытянул руки по швам и хрипло отпартовал:

— Так стало быть, господин фельдфебель, у внутренних врагов в уставе у нас записаны: кохотки, чахотки и стриженные мадамы.

Дружный хохот покрыл последние слова рассказчика.

В это время отворилась дверь, и в казарму вошли Лебедев, Добрынин, Лашин, Чураков, Дадабаев и еще несколько человек из партийной дружины.

Хохот резко оборвался.

Лебедев с гранатами в руках встал около пирамиды с винтовками. Дадабаев и Чураков держали наготове наганы. Добрынин и Лашин подошли к столу. Памирцы повскакивали с мест, и кое-кто из них потянулся к оружию. Тогда Лебедев поднял гранаты и приказал:

— Положить всем оружие на стол и встать у стены.

— Сначала объясните, что это за вооруженное нападение? — заносчиво крикнул памирец с выпуклыми глазами, вскидывая голову на тонкой шее.

— Не волнуйтесь, сейчас все объясним, — сказал Добрынин. — В связи с тем, что в Памирский отряд пробрались враги Советской власти, партийное руководство уезда и начальник особого отдела Ферганского фронта решили бойцов этого отряда обезоружить!

— Это самоуправство!

— Вы применяете насилие! — неслись выкрики памирцев.

— Предлагаю прекратить разговоры и немедленно выполнить наше требование, — повысил голос Лебедев.

Нехотя, один за другим, памирцы складывали на столе оружие и отходили к стене, бросая злобные взгляды. Когда все до одного сдали оружие, Лашин, Чураков и Дадабаев с дружинниками стали выносить винтовки и стоявшие в казарме пулеметы.

Все оружие было сдано на хранение в особый отдел. Памирцы, понуро опустив головы, выходили из казармы.

Узнав обо всем происшедшем, прибежал комиссар Луценко.

— Что здесь происходит? — закричал он, и лицо его побагровело от возмущения.

Добрынин и Лебедев все объяснили ему. В душе, возможно, он и соглашался с принятыми мерами, но одержало верх уязвленное самолюбие: его обошли при решении такого важного вопроса. И он поднял шум. Побежал к Алексею Ситняковскому. Тот возмутился еще больше и начал орать:

— Это превышение власти! Самоуправство! Вас расстреляют, Лебедев, за это! Приказываю сейчас же возвратить оружие бойцам!

Крупно шагая по казарме, он звенел шпорами и нервно хрустел пальцами рук.

— Я не один решал, — спокойно возразил Лебедев, стоя у окна. — Мы все делали, согласовав с начальником особого отдела фронта. И оружие не возвратим, потому что считаем отряд неблагонадежным.

— Кто вы такой? Почему вы даже не сочли нужным поставить меня в известность! Вы дезинформиро-

вали Новгородского. Сейчас я буду говорить лично с Сафоновым. Идемте!

Ситняковский бросился через двор в свой кабинет. Лебедев и Добрынин направились за ним следом. Долго не могли дозвониться к командующему. Наконец их с трудом соединили со штабом. Главным доводом Ситняковский выставил самовольное решение особистов и полное игнорирование командования гарнизона и отряда. Сафонов, сделав выговор Лебедеву и Добрынину, приказал возвратить оружие Памирскому отряду. И сколько оба они ни доказывали командующему, что это сопряжено с большим риском, он заупрямился и не послушал их.

Пригласили к телефону Новгородского, и тот под давлением Сафонова и Ситняковского проявил недопустимую мягкотелость и отменил свое первое распоряжение.

Лебедев, Добрынин и Лашин были глубоко обеспокоены поведением и командующего, и Новгородского. Уже не впервые Сафонов брал под свою защиту Ситняковского. Все это заставляло предполагать, что имелись какие-то тайные, более глубокие причины такого покровительства.

Добрынин, Лебедев и Лашин были поставлены в унизительно-глупое положение. Памирцы торжествовали. Они нагло смеялись прямо в лицо всем, принимавшим участие в разоружении. Но в последующие дни немного притихли и открыто не высказывались против Советской власти. По-видимому, была дана тайная команда: до времени потерпеть!

ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ

Над садами струился аромат персиков и винограда. Деревья гнулись под тяжестью плодов. Сентябрь стоял знойный и душный. Дожди стороной обходили Ферганскую долину, и над городом Ош куполом вздымалась пыль. Узкие кривые улицы старого города морщинами прорезали иссохшее тело земли.

Город жил в постоянной тревоге. Кольцо белогвардейских отрядов и басмаческих банд с каждым днем плотнее охватывало его. Телеграфная связь со штабом

Ферганского фронта была прервана. Памирский отряд почти отказывался подчиняться командованию. Гарнизон держался на небольшой группе патриотов и храбрецов. Необходимо было подкрепление и людьми, и оружием.

В кабинете комиссара Памирского отряда Луценко шло совещание. Недавно назначенный комендантом крепости Добрынин и начальник особого отдела ЧК Ошского уезда Лебедев обсуждали с Луценко создавшееся положение. Они сидели возле стола, на котором лежала карта города и прилегающих к нему районов.

Медленно проведя рукой по лицу, словно стирая с него печать усталости, Добрынин откинулся на спинку стула и, пообеда всех взглядом, твердо сказал:

— Товарищи, я считаю — необходимо срочно связаться со штабом. Как это сделать, давайте подумаем.

— Надо послать гонца с донесением в штаб. Другого выхода нет, — предложил Лебедев, поочередно поглядев на собеседников.

— Кого пошлем? — спросил Луценко.

— Нужен человек смелый, находчивый, хорошо знающий дорогу. И главное — надежный, — размышлял Добрынин, и на полном лице с пухлыми губами явно читалась озабоченность.

Лебедев подался вперед и, положив большие красивые руки на стол, сказал:

— Знаю такого бойца. Комсомолец, смел, говорит по-киргизски.

— Кого ты имеешь в виду? — повернулся к нему Добрынин.

— Я предлагаю Голубева. Знаете, того парня, что через пески из Чимбая пришел. Он, как никто другой, лучше расскажет и о Памирском отряде в штабе.

— Правильно, этот подойдет. Сейчас пригласим, — охотно согласился Луценко. — Как я сам об этом не подумал?

Комиссар подошел к двери и, выглянув в нее, позвал дежурного. Вошел совсем молодой паренек Юнус Курбанов, козырнул и замер, ожидая указаний.

— Срочно вызвать бойца Голубева, — обратился к нему Луценко. Дежурный, щелкнув каблуками, вышел из кабинета.

— Сначала придется идти ему пешком, чтобы не

привлечь внимания басмачей, потом где-то сесть на коня, чтобы поспеть к бронепоезду в Карасу.

— До Кашгар-Кишлака дойдет, а оттуда — верхом. Вот здесь кривыми улочками, потом через поля проскочит, — размечал карандашом на карте маршрут Добрынин.

Через несколько минут вошел Володя, подтянутый, начищенный — залюбовались им командиры.

— Товарищ комиссар! По вашему приказанию рядовой Памирского отряда Голубев явился! — отчеканил он.

— Как зовут тебя? — мягко спросил Добрынин.

— Владимир.

— Сколько тебе лет? — одобрительно оглядывая крепкую, ладную его фигуру, поинтересовался Луценко.

— Сегодня стукнуло двадцать, — весело сверкнув глазами, ответил Володя.

— Поздравляем! — поднявшись со стула, пожал ему руку Луценко, и все последовали его примеру.

— Спасибо, — благодарил Володя, тронутый вниманием.

— Садись, Володя, — пригласил Лебедев, пододвигая ему стул рядом с собой.

Луценко посмотрел в лицо Володи и начал:

— Так вот, красноармеец Голубев. Тебе как комсомольцу, как преданному бойцу командование поручает ответственное задание: надо доставить пакет с донесением в штаб Ферганского фронта. В нем мы просим подкрепление и боеприпасы. Смотри сюда, — Луценко взял красный карандаш, придвинул карту к Володе и продолжал: — Обойдешь старый город с востока и выйдешь на восьмой версте на дорогу в Кашгар-Кишлак. Вот здесь! В Кашгар-Кишлаке возьмешь коня. Понятно?

— Понял, товарищ комиссар.

— Дальше на коне мчишь в Карасу. Оттуда в семь часов выедешь бронепоездом в Андижан и дальше — в Скобелев, в штаб Ферганского фронта. Лично передашь донесение и расскажешь о состоянии Памирского отряда. Вот так.

— Где рассчитываешь взять коня в Кашгар-Кишлаке? — спросил Добрынин у Луценко.

— Лучше от нас препроводить заранее туда лошадь. Может быть, кого-нибудь из девчат послать? Посадить на арбу, и пусть катит, — предложил Лебедев.

— Товарищ комиссар, разрешите мне сказать, — попросил Володя.

— Слушаем тебя, Голубев.

— Есть у нас в гарнизоне мальчонка Асан. Он спит и видит, как бы ему оказать услугу бойцам. Поручите ему доставить коня, — волнуясь, говорил Володя.

— А это идея! — оживленно воскликнул Лебедев. — Я знаю Асана, он мальчишка — огонь! Никто ведь и не заподозрит, что малец едет с поручением.

— Что ж, согласен! — заулыбался Луценко. — Даем тебе в помощники Асана. Через час получишь одежду и документы. Зашьешь их в полу халата. Как стемнеет — в путь!

Все встали, вышли из-за стола.

— Ну, счастливого тебе пути, Володя! — Лебедев крепко жжал ему руку, и большие глаза его засветились необыкновенно тепло.

— Спасибо.

Володя козырнул и, по-военному повернувшись, вышел.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В доме Петровских готовились к приему гостей. На столе сверкала белая парадная скатерть. Нина расставляла приборы. В светло-голубом платье, с белой хризантемой в волосах она выглядела празднично. Посчитав бокалы, Нина достала из буфета еще один и поставила на стол. Вошла Евдокия Петровна с пирогом.

— Ах, Нина, не вовремя ты все затеяла. В городе так тревожно, — сказала она, ставя на стол блюдо с пирогом.

— Двадцать лет человеку исполняется в любой обстановке! Какой красивый пирог! Мы поставим его посередине, — весело щебетала Нина.

В передней раздался звонок.

— Ага, первый гость! — воскликнула Нина и убежала в переднюю.

Евдокия Петровна раскладывала салфетки и с тревогой думала о дочери: уж очень она заботится об этом

юноше. Конечно, он мил, красив, но неужели это что-то серьезное?.. Ах, не о такой партии для дочери мечтала она!

Нина отворила дверь и улыбнулась: на крыльце стоял Джура Зайнабетдинов с большим букетом цветов.

— Джура, вы умница! — воскликнула девушка, глядя на цветы.

— Я, собственно, не знаю, кому преподнести... — начал он смущенно. — Прибежал Митя, сказал: мы сегодня празднуем юбилей. Приходи вечером к Петровским, а что за юбилей, не сказал.

— У нас сегодня день рождения, — уклончиво ответила Нина, лукаво глядя на молодого учителя. — Но что ж мы здесь стоим, проходите.

— Кому же я должен вручить цветы? — спросил Джура, входя в комнату.

— Имениннику, — улыбнулась Нина.

— Сегодня день рождения вашего отца?

— Нет.

— Не понимаю... Вы сказали имениннику... — совсем растерялся Джура.

— Да, да, вы не ошиблись, — еле сдерживая смех, отвечала девушка.

Он стоял, не зная, что делать с цветами.

Подошла Евдокия Петровна.

— Не ломайте голову, этот вопрос разрешится, — мягко успокоила она обескураженного гостя и поставила букет в вазу.

Вновь зазвенел звонок.

— Это Володя! — обрадовалась Нина.

— Я отворю дверь, — сказала Евдокия Петровна, направляясь в переднюю.

— Нет, нет, я сама! — и Нина опередила мать.

Джура проводил девушку взглядом — на лице его было раздумье. Евдокия Петровна, чтобы отвлечь гостя от волнующих его мыслей, заговорила:

— Скажите, когда же кончится война?

— Я думаю — скоро.

— Все очень устали, хочется покоя.

Из передней донеслись голоса, смех, и вошла Лена в сопровождении Дмитрия и Мухамеда Арсланова.

— Где же он может быть? — огорченно спрашивала Нина.

— Говорят, его вызвали в штаб, — сказал Митя.

— О ком это вы? — поинтересовался Джура.

— О Володе Голубеве, его нет в крепости, — ответила Лена.

— Какое-нибудь срочное задание... — предположил Джура.

— Ах, какой букет ты приготовила, Нина! А я не догадалась! — воскликнула Лена, любуясь цветами.

— Это не я, а Джура! — ласково посмотрела на юношу Нина.

— Да, к сожалению, виновника торжества нет, — сокрушенно заметил Митя.

— Кажется, я догадался — мы собрались, чтобы поздравить Володю Голубева? — улыбнулся Джура.

— Наконец-то тебя осенило! — засмеялся Мухамед.

Евдокия Петровна оглядела всех и предложила:

— Он подойдет, возможно, позже. Садитесь пока за стол.

Все согласились. Только Нина никак не могла успокоиться.

— Вдруг с ним что-нибудь случилось?

— Не беспокойтесь, Нина, он любую беду обойдет. И за себя постоит, и товарищей выручит, — утешал ее Митя.

— Лестно вы о нем отзываетесь, — заметила Евдокия Петровна. — Ну что же, Нина, у нас есть виноградное вино.

Нина передала бутылку Мухамеду. Тот открыл ее и, наполнив бокалы, сказал:

— Первый тост предлагаю за нашего друга, Володю Голубева. Пожелаем ему счастья!

Все подняли бокалы. В это время лампочка над столом мигнула, погасла, вновь зажглась, и так повторилось трижды.

— Опять тревога! — сказала Евдокия Петровна.

— Извините нас, нам надо идти, — сказал Мухамед, поднимаясь из-за стола.

— Опять басмачи? — спросила Нина.

— Они нас не забывают, — ответил Митя.

— Папа сегодня тоже дежурит в ополчении, — заметила Нина. — Останься, Лиза, — обернулась она к девушке.

— Нет, я должна как комсомолка явиться в штаб

дружников. Завтра увидимся.

Нина опечалилась и, проводив гостей, долго стояла у окна, вглядываясь в темноту. Прислушалась.

— Мама, слышишь, стреляют?

— Нина, отойди от окна. Ставни даже не закрыли.

— И не нужно закрывать...

— Я не узнаю тебя, Нина, что с тобой?

— Не знаю.

Она подошла к роялю, взяла несколько аккордов. Начала играть. И в музыке звучало смятение, охватившее ее. Евдокия Петровна зажгла свечи, поставила на рояль, остановилась, слушая игру дочери. Нина вдруг вскочила, прижалась головой к плечу матери. Мать поцеловала ее в лоб и тихо сказала:

— Ложись. Уснешь, успокоишься. Все будет хорошо.

— Я еще немного поиграю, — шепнула девушка.

И опять полилась музыка, взволнованная и печальная, как жалоба девичьей души.

Послышался осторожный стук в окно. Руки Нины замерли на клавиатуре. Стук повторился тихо, но настойчиво. Нина поднялась, подбежала к окну. Вглядываясь в темноту, смотрела в сад. Там кто-то стоял. Она распахнула окно и чуть не закричала — прямо перед ней стоял узбек в темном калате, с чалмой на голове. В тот же миг знакомый голос произнес:

— Ради бога, не пугайтесь! Это я — Володя.

— Володя? Почему вы в этой одежде? — справившись с волнением, заговорила Нина.

— Ни о чем не спрашивайте, так надо. Я не мог уйти, не простившись с вами...

— Вы уходите? Володя...

— Мы скоро увидимся. Пожелайте мне удачи.

— Я знала, что вы придете... Берегите себя...

— Если что случится, Нина, вспоминайте иногда...

— Обождите, Володя!

Нина бросилась к буфету, торопливо что-то завернула в салфетку.

— Возьмите вот это...

— Пирог? Вы все-таки испекли? — с улыбкой спросил он.

— Да.

— Спасибо. Пригодится в пути.

— Желаю вам успеха.

Володя пристально посмотрел на Нину. Вдруг склонился и поцеловал руку, лежащую на подоконнике. Потом резко отстранился и почти мгновенно исчез в кустах.

Нина, стаянув на груди концы белого шарфа, долго стояла, не шевелясь, и смотрела в тревожную тьму ночи.

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

— Ах, как счастлив был в этот день Асан! Как он гордился своим поручением и казался сам себе старше, значительнее. Володя помог оседлать ему коня, приладил к седлу мешки с сеном — едет, мол, парнишка с базара. Не спеша выехал он на дорогу.

На западе пылал закат. Большие белые облака, просвечиваемые багряными лучами уходящего солнца, причудливыми замками рисовались на темно-голубом вечернем небе. Асан в восторге смотрел на них и воображал, что едет на волшебном коне в сказочную страну, где нет ни одного басмача, мальчишки едят румяные боорсаки и читают книжки с яркими картинками.

Солнце исчезло за горизонтом, и только сиреневый отблеск заката хранило потемневшее небо. Весело мигнула маленькая звездочка, за ней другая, и рогатый месяц, как козел, вывел всю свою золотую отару. Опустилась ночь, тихая, светлая. Мальчик оглянулся. Пустынно было вокруг. Совсем близко где-то квакали лягушки.

«Сколько же верст еще до Кашгар-Кишлака?» — подумал Асан и хлестнул коня. Конь мотнул головой и резко побежал. Скоро замерцали впереди огни поселка. Мальчик обрадовался, что путешествие его подходит к концу и задание он успешно выполняет. Было еще рано, и, добравшись до моста, он спешился и залег в придорожных кустах.

В полночь на дороге появилась одинокая фигура пешехода. Асан тихо свистнул. В ответ раздалось два свиста, и к мосту подошел Голубев.

— Володька, ты? — кинулся к нему мальчик. — Ишь, как оделся!

Володя обнял Асана, прижал крепко к груди и заметил, как влажно блеснули у него глаза и дрогнула нижняя губенка. Истосковалась по ласке ребячья душа.

— Санька, милый! Ты мне как брат. Его тоже зовут Саня, Александр, — говорил Володя, обнимая мальчика.

— Вот тебе конь... — прятал за словами свое волнение Асан, а сам прижимался головой к плечу Володи и, как всегда, по-петушиному боком глядел на него.

— Спасибо, братишка!

Володя легонько отстранил мальчика, подошел к коню, погладил его и вскочил в седло. Махнув рукой, шепнул: «Прощай, малыш!»

И умчался в темноту.

Асан возвратился в кишлак, переночевал в чьей-то кошаре. Рано утром он уже толкался среди посетителей чайханы. В заплатанном чапане, в башмаках, одетых на босые ноги, в старом войлочном колпаке, он выглядел бездомным мальчишкой.

Асан приметил двух посетителей. Один в запыленном шелковом халате, видимо, только что с дороги. У него было рябое лицо с крючковатым носом. Второй полный, услужливо суетливый. Они сидели на кошке и не спеша пили чай. Вполголоса, с опаской, эти двое разговаривали.

Асан пристроился позади них и чутко ловил каждое слово.

— Какие новости привез, Кытанбек? — спросил толстый.

— Привел пополнение Муэтдину — двести джигитов, — ответил рябой, прихлебывая чай. — Кызыл-аскерам скоро конец.

— Давно пора. В Оше они стали укреплять старую крепость.

— Знаю. Мы их оттуда в два счета выбьем. У них всего две сотни бойцов. У нас тысячи. Да и в самом гарнизоне есть надежные люди... Они откроют, когда будет нужно, ворота крепости, — скрипуче засмеялся Кытанбек.

— Пусть сбудется наше желание! Где ты остановился, таксыр?

— Сейчас же еду в Ош.

— Ты всегда желанный гость в моем доме — отдохни с дороги.

— Нет, сейчас время дорого. Конь у меня хороший, через час буду в Оше. Джигиты придут к вечеру.

Асан внимательно следил за разговором басмачей, услышал о коне, у него появилась озорная мысль — похитить коня. Пусть пока пьет чай этот противный рябой. Где он оставил коня? Наверно, во дворе.

Асан выскользнул из чайханы, прошел во двор. Там у стойла были привязаны лошади. Одна гнедой масти, а вторая грязно-серого цвета. Рядом сидел седобородый старик, возле него лежали курджуны. С озабоченным видом Асан подошел к старику.

— Салам алейкум, уважаемый агай!

— Салам, сын мой.

— Не вас ли искал почтенный Кытанбек?

— Меня искал хозяин? — забеспокоился старик.

— Да, он послал за вами человека, но тот не нашел вас.

— Я все время был здесь. Разве вот только на минутку уходил к арыку умыться.

— Идите, он ждет вас.

— Сынок, ты посиди здесь, покарауль курджуны, пока я схожу.

— А вы дадите мне за это монету?

— Ай, ай, какой хитрый мальчик!

— Агай, я совсем не хитрый. Я голодный. Посмотрите, какой у меня тощий живот.

С этими словами Асан распахнул чапан и звонко стукнул ладонками по животу.

— Хорошо. Я заплачу тебе, когда вернусь. Так где, ты говоришь, Кытанбек?

— Он сидит в самом дальнем углу чайханы.

— Смотри, дождись меня.

— Я обожду, мне некуда торопиться, — успокоил старика Асан.

Слуга поспешил в чайхану.

Асан вынул из-за ворота чапана узелок, развернул его и, взяв оттуда монету, сказал:

— Ах, как жалко мне с тобой расставаться! Но я я должен заплатить ему за услугу.

Положив монету на курджун, он подошел к лошадам. Ну, конечно же, гнедой возит хозяина. Ишь, на

нем серебряная уздечка.

— Ну-ну, не сердись я тебя не обижу. Вот тебе кусочек лепешки.

Асан отвязал коня, легко вскочил на него и, как стрела, вылетел со двора.

Конь был на редкость хорош: бежал резво и был очень чуток к команде седока. Асан скакал, а сам думал, что вот если бы мать взглянула сейчас на него, она, пожалуй, не узнала бы своего сына. Он, как настоящий джигит, сидел на коне, слегка подавшись корпусом вперед, гордо поглядывая по сторонам.

Нет, никогда больше не увидит он свою ласковую мать! Она была маленькая, с круглым румяным лицом, и отец, смеясь, называл ее яблочком, а когда разговаривал с ней, всегда улыбался. Да и нельзя было без улыбки смотреть в ее милое лицо с черными, широко раскрытыми, будто чем-то удивленными глазами. Она никогда не сидела без дела. И мальчик помнил ее то перебирающей шерсть, то раскатывающей лепешки или раскладывающей на траве возле арыка постиранное белье... Только когда убили ее басмачи, она лежала на боку, прижав к груди головной платок, и на лице ее померк румянец... Гребень выпал из волос, и они рассыпались по спине. Какие красивые были у нее волосы! Черные-черные с блестящим отливом...

Избитый Асан с трудом подполз к ней, взял из холодных рук платок и покрыл им голову матери. Пусть никто не видит ее с непокрытой головой... К убитому отцу он боялся подойти, тот лежал весь в крови, и кровь пугала Асана.

Все это вспомнилось ему сейчас. И еще острее была ненависть к басмачам и радостнее от сознания, что он, как настоящий боец, возвращается, выполнив задание.

Солнце поднялось уже высоко. И над полями в голубой выси пели жаворонки. По краям дороги в траве приветливо качались васильки.

Сзади послышался конский топот. Асан посторонился, уступая дорогу. Всадники нагнали его, и мальчик с ужасом увидел Кытанбека со слугой. Кытанбек ударил Асана камчой и закричал:

— А ну, слазь, поганец!

— Агай, не бей меня! — умолял мальчик.

— Не кричи, щенок! — зашипел старик.

Со свистом разрежала воздух камча и падала на плечи мальчика. Он заслонился руками. Но вдруг хлестнул коня и рванулся вперед. Басмачи не ожидали этого. Рябой поднял наган. Старик остановил его.

— Не трать зря пулю. Мы его живым возьмем.

Асан мчался, нашептывая коню ласковые слова:

— Хороший мой, дружок! Скорее, скорее! Выручай меня!

Басмачи бросились в погоню. Асан далеко вырвался вперед. Ветер свистел у него в ушах. Конь буквально стлался по земле. Асан уже не слышал цокота копыт позади и радовался, что ускользнул от преследователей.

Что-то больно ударило в левую лопатку, и свет померк в глазах. Поводья выпали из рук, он свалился с коня. Конь по инерции пробежал еще вперед, потом вернулся и, тыкаясь теплой влажной мордой в лицо Асана, встал, ожидая, что он поднимется.

Мальчик лежал, раскинув руки, румянец не остыл еще на его круглом лице. Он будто спал. Басмачи подъехали, взяли коня и тронулись дальше, даже не взглянув на убитого.

Его подобрала дехкане. Чья-то мать поплакала над ним. Похоронили неподалеку, прямо в поле. И весной алые тюльпаны, как капельки крови маленького безвестного героя, пламенеют на одиноком холмике.

Сколько таких горячих юных сердец перестало биться от вражеских пуль! Война, ты сеешь зерна ненависти, ты отнимаешь у человека самое дорогое — жизнь! Но придет время, люди забудут вражду и исчезнет слово «война!»

ОСАДА

Не спалось в эту ночь Евдокии Акинфиевне. Она долго лежала в постели и смотрела в темноту. Рядом тихо посапывала Валюшка. Потом она поднялась, оделась и потихоньку, стараясь не скрипеть половицами, вышла на улицу. Ночь была теплая, светлая. Широкая луна, словно зацепившись за вершины тополей, недвижно висела в звездном небе. Неясный шум стлался по улицам города.

Вслед за матерью вышел Дмитрий.

— Мама, ты почему не спишь? Нездоровится?

— Нет, сынок, ничего не болит. На сердце тревожно у меня, — ответила Евдокия и испытующе заглянула в лицо сыну. Он отвел свой взгляд. И мать поняла, что сын тоже встревожен, но скрывает это.

— Ляг, мама, если что... я разбужу, — мягко сказал Митя.

Мать постояла во дворе и вернулась в дом. Шура сидела у открытого окна, заплетая косу. Увидев мать, подошла к ней и, обняв за плечи, повела в спальню, уговаривая:

— Ну, что ты беспокоишься? Мы все дома.

— Ой, чует сердце недоброе.

— Сейчас каждый день тревога, разве ты не привыкла? — ласково пошутила Шура. Она уложила мать в постель, а сама села возле кровати на низенькой скамеечке, положив голову на руку матери. И обе не заметили, как уснули. Разбудил их звон колокола в крепости. Он гудел глухо и грозно.

...По блеклому, пепельному небосводу разливался голубоватый трепещущий рассвет. Одна за другой гасли звезды. Перекликаясь между собой, в третий раз пропели петухи, возвещая о наступлении нового дня. В предрассветных, быстро редющих сумерках на Ош со всех сторон серой безликой стеной двигались конные и пешие повстанцы. Пять тысяч джигитов Мадамина Ахматбекова и три тысячи мятежников-крестьян из Куршаба, Узгена, Джилянды, Мирза-Аки, Рождественки под командой Монстрова на рассвете 7 сентября, подобно снежной лавине, обрушились на город. Сходу сбив Андижанскую, Кара-Суйскую и Наукатскую заставы, джигиты Мадаминбека ворвались в старый город и рассредоточились по узким извилистым улицам. Нарушая тишину, раздались требовательные удары в калитки домов и кибиток, слышались женские крики и плач перепуганных детей, залились в злобном лае дворовые псы. Резкие винтовочные выстрелы и довольный рев басмачей возвестили горожанам о начале повального грабежа, насилий и ничем не оправданных убийств.

В то время, как басмачи въезжали в старый город, «народная армия» Монстрова обрушивалась на Ош с востока и северо-востока. Основная часть мятежников двигалась на новый город со стороны Гульчинской дороги. Развертываясь флангами вправо и влево, повс-

танцы намеревались смять заставы на стыке дорог около моста через Ак-Буру и в районе электростанции. Затем, развивая наступление, они должны были переправиться через мелководную, но быструю речку, выйти на Скобелевский проспект и стремительно ворваться в крепость. Другая часть мятежного войска наносила удар со стороны Науката с задачей: отрезать пути отхода красновардейцам из крепости, разгромить заставы, занять тюрьму и ревком.

Под натиском превосходящих сил противника, после непродолжительной перестрелки защитники застав вынуждены были покинуть свои рубежи. С каждым часом кольцо повстанцев вокруг нового города сужалось. Встретив недружное сопротивление, понесся незначительные потери, враг теперь уже осторожнее, но упорно продвигался к сердцу обороны города — к крепости.

...На рассвете сквозь чуткий сон Добрынин, только вчера назначенный комендантом крепости, различил отдаленные выстрелы. Быстро накинув черкеску и прихватив «кольт», он выскочил из дома, прошел на Скобелевскую, хотел было завернуть на Татарскую и вдруг остановился. Навстречу ему, вдоль дувала, осторожно крались десятка два неизвестных с обрезам в руках. «Началось, — подумал комендант. В груди бешеными толчками забилося сердце. — Скорее в крепость!»

Не мешкая, напрямую, дворами, он поспешил в казармы. Во дворе особого отдела ЧК Добрынин увидел Валерия в узбекском халате, с намотанной на голове чалмой. Порученец Лебедева Сулейман Дадабаев подтягивал подпруги у оседланных лошадей.

— Валерий! — окликнул Лебедева Добрынин. — Ты что задумал? Басмачи рядом!

— Поздно думать, действовать надо, — спокойно ответил Лебедев, засовывая в карманы брюк гранаты. — Повстанцы перерезали телефонную линию, связи с Андижаном нет, но я попытаюсь пробиться туда за помощью. Шифры и секретные документы я уничтожил. Ну, Саша, прощай, мы еще встретимся. Поехали, Сулейман!

Спустя минуту со стороны тюрьмы раздался взрыв гранаты, за ним последовал еще взрыв.

— Это Валерий! — понял Добрынин и сердце тоскливо сжалось. — Сумел ли пробиться?

Крепость встретила Добрынина поразительным спокойствием — около раскрытых ворот клевал носом часовой-памирец, на плацу не было заметно никакого движения.

— Что за чертовщина! — изумился комендант. — Неужели здесь ничего не знают о нападении на город? Часовой! — сильно толкнул он в бок памирца.

Тот вскочил и растерянно заморгал глазами.

— А? Что? Смена?

— Закрывай немедленно ворота! Басмачи подходят! Раззява...

Добрынин бросился к крепостному колоколу и ожесточенно стал бить в него. В казармах зашевелились, на плац стали выбегать полусонные бойцы с карабинами. Появился Ситняковский. На ходу застегивая ремень, он подошел к Добрынину и раздраженно спросил:

— Что здесь происходит? Почему поднимаете панику?

Добрынин метнул в его сторону взгляд, не предвещавший ничего хорошего, и, уже не сдерживаясь, выпалил:

— Это я у вас должен спросить, что здесь происходит. Ворота распахнуты, часовой дрыхнет, а басмачи и повстанцы-крестьяне под носом. Как все это понимать, товарищ командующий?

— Какие басмачи? Какие повстанцы? — переспросил Ситняковский, меняясь в лице.

— Да что вы в самом деле... Слышите? — Добрынин ткнул пальцем в направление Ак-Буры, откуда доносилась перестрелка. — Я сам видел мятежников. Надо немедленно организовать оборону крепости. Но я вижу, вы расстроились, позвольте мне отдать нужные распоряжения?

— Да, да, пожалуйста, — поспешно согласился Ситняковский, для чего-то вынимая из кармана дрожащей рукой белоснежный платок.

В считанные минуты Александр распорядился установить возле центральных ворот горное орудие и пулемет. Увидев горниста Манзуренко, Добрынин приказал ему объехать ближайшие улицы, известить горожан о беде. Манзуренко вскочил на коня и выехал через южные ворота, раздались тревожные звуки горна.

В крепость спешили красногвардейцы и жители.

Группами и в одиночку прибывали защитники застав. Крепость оцетинилась, в бойницах показались стволы винтовок и карабинов. Замерли на барбетах пулеметчики, направленное на ворота, грозно смотрело жерло артиллерийского орудия.

Подтянувшись к центральным воротам и к стене со стороны военного собрания, противник в две шеренги, вразнобой крича «ура», ринулся на штурм крепости. Ахнуло орудие, дробно застрочил пулемет, захлопали винтовочные выстрелы, в воздухе запахло порохом. Первая атака мятежников захлебнулась. Крестьяне, показывая спины, поползли на исходные позиции.

На горке, выше пьяного базара, надежно прикрывала подступы к крепости с запада горстка храбрецов во главе с командиром взвода Иваном Бондаревым.

* * *

В полдень на пустыре, отделявшем офицерское собрание от крепостной стены, появился человек с белым флагом в руке. Был он широк в плечах, высокого роста, в рубаше, перехваченной крученым поясом. Его поддерживал под руку другой неизвестный в гимнастерке и сапогах.

— Смотри-ка! — взглядевшись в парламентаря, определил помощник Лебедева, Тимофей Лашин. — А ведь этот высокий — адвокат Орлов. Сдаваться, что ли, надумали?

Не доходя нескольких шагов до стены, парламентарь остановился, и Орлов стал громко говорить:

— Объединенное командование народной армии и мусульманского войска, руководствуясь гуманными соображениями, предлагает прекратить бессмысленное сопротивление и сдать крепость. Мы уполномочены для ведения переговоров, на время которых прекращаем огонь. Мы ждем ответа о согласии на переговоры.

Через полчаса на пустырь прибыли Добрынин, Лашин и Чеботарев. Сотни глаз внимательно следили с обеих сторон за тем, как парламентарь уселся за грубо сколоченный столик и стали о чем-то говорить между собой.

— Нам поручено объявить вам условия сдачи крепости, — с важным видом произнес адвокат Орлов, направляя темные очки в золотой оправе, которые прикрывали

вали его давно невидящие глаза. — Гарнизон, равно как и защитники крепости из числа гражданского населения, должны немедленно сложить оружие. Объединенное командование не отдает приказа о ведении активных действий исключительно в интересах гуманности. Между тем сломить ваше сопротивление при необходимости можно в течение нескольких часов. Оружие, боеприпасы, продовольствие, все ценности государственного банка, укрытые в крепости, должны быть переданы нашим представителям. Всему гарнизону крепости гарантируется свобода и неприкосновенность личности.

Добрынин нагнулся к Лашину и Чеботареву, перекинулся с ними двумя фразами, те в знак согласия кивнули головами.

— Мы внимательно выслушали вас, — начал Александр. — Ошский ревком и уездный комитет партии большевиков, а также командование боевого участка, по поручению которых мы здесь присутствуем, уполномочили заявить вашему командованию следующее...

Считаем нападение на город и вспыхнувший мятеж чистейшей авантюрой, обреченной на провал. В ближайшие дни, а возможно, и часы, на помощь советскому Ошу прибудет подкрепление, способное в короткий срок ликвидировать восстание. Во избежание напрасного кровопролития мы уполномочены требовать немедленного вывода из города басмачей Мадаминбека и роспуска повстанческой армии Монistroва. В противном случае крепость будет защищаться до последнего патрона, до последнего бойца.

— Господа, я более чем поражен подобным заявлением, — голос Орлова от волнения стал дребезжать. — Должен заявить, что я лицо сугубо гражданское. Мой долг — защита слабых. Я согласился быть парламентаром только из побуждений этого долга и гуманности. Меня просили передать, что в случае отклонения предложенных условий, все последствия вашего, я бы сказал, безрассудного сопротивления лягут на большевиков. Объединенное командование будет вынуждено, повторяю — вынуждено — принять более радикальные меры для быстрейшего окончания этого, я бы сказал, печального инцидента.

— Сами вы инцидент, — улыбнулся Добрынин, вставая. — Пойдемте в крепость, товарищи.

В ШТАБЕ ФРОНТА

Из Андижана в Скобелев Володя добрался поездом к вечеру следующего дня. Особый отдел ЧК находился в центре города в мужской гимназии, в одном здании со штабом Ферганского фронта. Напротив, через широкую улицу, распахнулась площадь с собором посередине, за ней тянулся молодой парк. Дежурному по штабу Голубев объяснил:

— Прибыл из Оша с донесением в особый отдел, — и украдкой (в который раз!) тронул пакет на груди.

Белобрысый паренек в выгоревшей гимнастерке не спеша стал крутить ручку телефона. На звонок долго никто не отзывался. Но вот в трубке что-то щелкнуло, дежурный подтянулся и скороговоркой произнес:

— Товарищ Новгородский? Докладывает Курочкин. К вам нарочный из Оша с донесением. Так... Понятно... Ясно...

Повесив трубку, красноармеец попросил предъявить документ, внимательно вчитался в него и, окинув еще раз Володю с головы до ног, стал объяснять:

— Значит, так... Поднимешься на второй этаж, повернешь направо и по коридору до конца. Последняя дверь направо. Постучись и заходи. Сейчас выпишу пропуск, на обороте сделаешь отметку, иначе не выйдешь. Порядок такой.

Через минуту Володя сидел, утопая в кресле, в кабинете начальника особого отдела Ферганской ЧК.

Александр Николаевич Новгородский, хмуря брови, не спеша читал донесение. По привычке взял в руки красный карандаш и сделал пометки на полях. Закончив читать, он откинулся на спинку стула, потрянул головой, словно прогоняя усталость, и доброжелательно посмотрел Володе в глаза.

— Расскажите-ка все, что вы знаете о Памирском отряде. Начните с того, как вам удалось узнать про заговор.

Он слушал Володю, слегка наклонив крупную голову, и еле постукивал тупым концом карандаша по столу. Казалось, Новгородский думает о чем-то своем, но когда Голубев закончил рассказ, в упор спросил:

— Вы сами-то как считаете, можно положиться на

памирцев в случае нападения на Ош? Ведь не все же там у вас чужаки, есть наверняка и наши, преданные Советской власти бойцы.

— Есть, конечно,— подумав немного, ответил Володя.— По правде говоря, немного таких, 20—30 бойцов. А остальные... Напрасно все же вернули тогда оружие памирцам.

— А, это вы прослучай с разоружением отряда? Согласен, ошибка вышла. Но ошские товарищи действовали правильно, и не их вина, что дело не довели до конца. Ясно одно — необходимы экстренные меры. Мы, кстати, думали уже об этом. А комиссар-то ваш не выдержал,— вдруг улыбнулся Новгородский.— Вас ко мне послал, а сам сегодня в Ташкент лыжи наострил.

Заметив недоумение на лице Володи, Александр Николаевич пояснил:

— Разговаривал я сегодня с Луценко утром по телефону. Положение в Оше весьма и весьма тревожное. Лебедев выезжал с отрядом в Куршаб для изъятия главарей мятежных крестьян и угодил к ним в лапы. Ему чудом удалось вырваться. В любой момент можно ожидать нападения на Ош. Вот Луценко и выехал просить помощи в Военный Совет республики. А у нас под рукой ни одной свободной воинской части. Не хватает оружия... Ну, что ж! Давайте-ка заходите ко мне завтра часикам к одиннадцати дня. Вместе пройдем к командующему фронтом, и вы сами расскажете о положении в Оше и в отряде. А сейчас — отдыхать! Кстати, где вы остановились? Я сейчас черкну записочку, переночуете в караульном взводе. Договорились?

Володя на миг смутился, но, поборов волнение, решительно произнес:

— Мама у меня здесь. Хотелось навестить ее. Два года не виделись...

— Мама...— мягко повторил Новгородский, и в голосе его проскользнула легкая грусть.— Что же вы сразу-то не сказали? Обязательно повидайте! Вот ваш пропуск. Спокойной ночи.

Володя взял под козырек, четко повернулся и, едва закрыв дверь, бросился вниз. Дежурный удивленно вскинул на него глаза, но, увидев протянутый пропуск с отметкой Новгородского, успокоился и дружески подмигнул.

Около часа плутал Володя по улицам незнакомого города и когда разыскал рядом с железной дорогой небольшой домик, где жила мать, было уже за полночь. Осторожно постучал в ставню, в груди быстрее забилося, затрепетало сердце.

— Кто там? — раздался родной голос.

— Мама... Это я, Володя.

— Господи... Сыночек. Сейчас, сейчас открою.

Тихо скрипнула дверь, показался силуэт матери, и Володя прижал к своей груди ее голову. Сквозь нахлынувшие слезы радости она прерывающимся голосом проговорила:

— Родненький мой... Как же ты разыскал меня?

— Сейчас, мама, сейчас все расскажу.

Вошли в комнату. Вспыхнул белый язычок керосиновой лампы. Володя огляделся и подумал: «Не сладко, видно, живется». В углу на кровати он разглядел под одеялом головки сестренок Настюшки, Клавды и Зины. На цыпочках подошел к ним, но будить не стал. Отойдя от кровати, он снял шинель и положил ее на сундук. Алена долгим пытливым взглядом смотрела в лицо сына.

— Какой ты стал...— шепотом произнесла она, и в голосе ее было восхищение.— Возмужал. Повзрослел. И вроде еще больше почернел. Как же ты в Скобелеве очутился?

— По служебным делам,— скупое ответил Володя.— Вы-то как здесь живете, мама?

— Всяко приходится. Нехватки да недостатки — время такое. Игнат машинистом на железной дороге, уголь из Кызыл-Кия до Горчаково возит, сейчас в рейсе. А ведь я каждый божий день тебя вспоминаю, Володенька. Ты еще не женился?

— Ну, что ты, мама! Сама говоришь, что время сейчас тревожное. Не до женитьбы.

— И то правда. Но когда полюбишь, сердцу-то не прикажешь. Может, кто уже и приглянулся тебе? Матери об этом можно сказать.

— Я ничего и не собираюсь скрывать. Встретил я в Оше девушку. Учительница. Ниной зовут.

— Ты ее любишь?

Володя смутился, но твердо произнес:

— Люблю... Если бы ты ее видела, мама! Чудесная девушка. И она, кажется, меня любит.

— Я рада за вас. Дай-то бог вам счастья, а мне внучонка. Уж так хочется понынчить. Ты уж извини, что я так говорю. К нам надолго?

— Не знаю. Вряд ли придется задержаться.

Володя снова бросил взгляд в сторону сестренки и увидел три пары глаз, в которых сверкало любопытство и настороженность. Старшая, Настенька, слегка приподнялась на постели и вдруг, узнав брата, громко вскрикнула:

— Володя! Володя приехал!

Она выпорхнула из-под одеяла и с зардевшимся, розовым от волнения лицом, в ночной белой рубашке до пят бросилась на шею брату. За ней выпрыгнула Клава и неловко обхватила Володю вокруг талии. И лишь младшая, Зинушка, продолжала сидеть на кровати и таращила голубые глазенки на незнакомого военного.

От прилива нежности к сестренкам у Володи больно защемило сердце. Он стал покрывать румяные личики сестер быстрыми поцелуями. Потом осторожно отстранил их, подошел к Зине, взял ее на руки и нежно прижал к себе. Она доверчиво прильнула к нему и неумело поцеловала его в щеку.

Вдруг, спохватившись, он кинулся к шинели, поспешно достал из кармана три куска иссиня-белого сахара и вложил каждой из сестер в руку.

Алена, глядя на своих детей, нервно комкала в руках кухонное полотенце и по ее изрезанному морщинами лицу одна за другой катились крупные слезы.

Утром Володю разбудила мать. Угостила оладьями, испеченными на хлопковом масле. И снова, перед разлукой, с затаенной тоской во взгляде прижалась к груди сына.

— Береги себя, сынок. Переживаю я за всех вас, а за тебя больше всех — все время ведь под пулями ходишь!

Алена провела рукой по смуглым щекам и до боли ясно ощутила, как он молод и хорош собой. Большие черные глаза в пушистых ресницах смотрели на нее ласково, полные губы чуть улыбались, сильные руки нежно обнимали ее худенькие, усталые плечи. Вдруг

острый страх сдавил ей сердце — не увидит она больше сына!

— Володе-енька, останься! Не уезжай, — заплакала она. — Не пущу я тебя...

— Ну, что ты, мама! Успокойся, все будет хорошо. Закончим войну и приеду, — бодро проговорил он и осторожно высвободился из ее объятий.

Ровно в 11 часов дня Володя и Новгородский вошли в кабинет командующего Ферганским фронтом Сафонова. С длинным скуластым лицом, темными усами и короткой прямоугольной бородкой Сафонов остервенело крутил ручку телефона. Бросив на рычаг трубку, он вперил на вошедших большие водянистые глаза.

— Нарочный из Оша, Михаил Владимирович, — начал было Новгородский, но Сафонов, не дослушав его, удивленно переспросил:

— Из Оша? Это вы когда же успели?

Заметив замешательство в лице Володи, Сафонов недовольно снова спросил:

— Когда прибыли в Скобелев?

— Вчера вечером, — быстро отозвался Володя.

— А-а-а, — разочарованно протянул командующий фронтом и, несколько успокоившись, резким жестом пригласил Новгородского и Голубева сесть.

— Значит, вы еще ничего не знаете, — не то спрашивая, не то рассуждая, продолжал он.

— Чего мы опасались, Александр Николаевич, свершилось сегодня утром. Мадамин и Монстров перешли в наступление и осадили Ош. Только что я разговаривал с Андижаном. Туда прибыл ваш особист Лебедев. Ему удалось прорваться сквозь вражеское окружение. Через 15 минут начнется экстренное заседание Военного Совета фронта. В два часа дня на помощь Ошу выступит прибывший вчера из Ташкента отряд в 300 сабель. Да-а. опередил нас враг. Всего лишь на сутки, но опередил. Мы телеграфировали в Ташкент о случившемся и просили перебросить в Фергану хотя бы один полк, освободившийся от боевых действий на Закаспийском фронте.

Вскинув голову, Сафонов несколько секунд смотрел на Володю.

— Значит, вы из Оша? Окрестности хорошо знаете?

— Так точно, товарищ командующий!

— Похвально. Поедете со мной. Сейчас я вас не задерживаю. А вы, Александр Николаевич, оставайтесь.

Володя вышел из кабинета Сафонова, потрясенный услышанной новостью. В голове настойчиво звучала одна и та же фраза: «Как же так?.. Нет, как же так?..»

АМИР ЛЯШКАР БАШИ

Солнце клонилось к закату, его косые оранжевые лучи щедро заливали отполированные столетиями сероватые каменные плиты Сулейман-горы. У подножия ее один из домов с балаханой, огороженный высоким дувалом, Мадаминбек облюбовал под свою резиденцию. В глубине двора, скрытого от посторонних глаз виноградником и фруктовыми деревьями, виднелась беседка. В ней на деревянной высокой тахте, устланной хотанскими коврами, подложив под бок курпачу, почивал амир ляшкар баши — главнокомандующий басмаческого войска.

Это был упитанный тридцатилетний брюнет с розовощеким безбородым лицом, на котором выделялись аккуратно подстриженные усы. Одет он был в шелковую цветную рубаху, поверх ее куртка из чесучи, узбекские шаровары из темно-коричневого бархата, на ногах легкие лаковые ичиги. На ремне, перекинутом через плечо, маузер в новой колодке, обитой позолоченным серебром. Рядом лежал небрежно брошенный халат из темно-голубого касторового сукна, а поверх него широкий бархатный пояс, покрытый золотой оправой. Мадаминбек ждал «крестьянского вождя» Константина Ивановича Монстрова, с которым он волею судьбы заключил военный союз. Красивое лицо Мадамина было сурово, густые, черные вразлет брови нахмурены. Нервными движениями пальцев он перебирал на серебряном подносе румянощекие, с бархатистой кожей персики, янтарно-желтые груши, отщипывал по штучке прозрачный бледно-зеленый виноград и ловко посылал его в рот.

За калиткой послышался цокот копыт, джигиты бросились встречать гостя. Монстров не спеша вошел во двор и вперевалку направился к беседке, стараясь сохранять на лице важный вид. Он был облачен во френч военного покроя, галифе и хромовые сапоги со шпора-

ми. Зайдя в беседку, он снял фуражку, вытер со лба платком пот и деланно улыбнулся Мадаминбеку, который поднялся ему навстречу. Поприветствовав друг друга, спросив о здоровье, они уселись на тахту. Амир ляшкар баши дал знак джигитам удалиться: этот разговор не предназначался для других ушей. Приняв из рук Мадамина пиалу с чаем, Монстров отхлебнул маленький глоточек, почмокал губами, выражая удовлетворение качеством душистого напитка, и стал ждать, когда первым заговорит хозяин. Но Мадамин не спешил с разговором и медленно, с присвистом потягивал из пиалы чай. Умный, проницательный взгляд главаря басмачей оценивающе изучал Монстрова. «Что мне принесет союз с тобой? — думал Мадамин. — Победу? Или поражение? Долговечен ли наш договор? Для поднятия престижа я сам подал идею о присвоении этому мужику звания полковника. Полковник! А кто ты на самом деле — искренний друг или временный попутчик?»

Монстрову был неприятен пристальный взгляд Мадамина. Он снова достал платок.

— Надеюсь, полковник, вы привезли хорошие вести, — вполголоса заговорил по-русски Мадамин. — Чем окончились переговоры с крепостью?

Монстров гадался, что его союзнику уже все известно наперед, но не подал виду.

— Представьте, дорогой бек, они отклонили наш ультиматум и... и даже набрались дерзости предлагать и мне, и вам убраться из города.

— Вот как? — глаза Мадамина сверкнули недобрым огоньком. — А вы не забыли, дорогой полковник, свое обещание овладеть крепостью в течение одного-двух часов. — Из-за вашей неповоротливости мы вынуждены задерживаться и теряем драгоценное время. Придется двинуть на крепость моих джигитов. Три сотни сделают то, что не способны сделать три тысячи вашей армии.

У Монстрова кровь отлила от лица, на котором отчетливо проступили бледные пятна. Быстро проведя ладонью по седеющим усам и стараясь не глядеть в глаза Мадамину, он процедил сквозь зубы:

— Уважаемый ляшкар баши...

— Амир ляшкар баши — уточнил Мадамин.

— Извините, бек. Вы слишком неодобрительно отзывались о народной армии, я отношу это за счет собственной вам горячности и постараюсь на деле доказать, на что способны русские крестьяне. Не в порядке оправдания, но считаю нужным довести до вашего сведения, что противник располагает мощными огневыми средствами: 8 пулеметов, 3 бомбомета и 3 орудия. У нас же, как вы знаете, лишь одно исправное орудие с 10 снарядами и ни одного пулемета. Мы и так понесли большие потери: около сотни убитыми и ранеными...

Мадамин еле улыбнулся уголками губ и, сделав удивленное лицо, перебил Монстрова:

— Вы или плохо осведомлены, или намеренно преувеличиваете, полковник. Крепость располагает тремя пулеметами, двумя бомбометами, не причинившими никому вреда, и всего лишь одним орудием. Да и ваши потери явно преувеличены.

— Я уточню данные о противнике, — досадуя на самого себя, залился краской Монстров.

— Суть, конечно, не в данных, — снова перебил Мадамин. — Я хочу знать точно: когда вы покончите с крепостью?

— Я ожидал этого вопроса и все обдумал, прежде чем ехать к вам. Мы приготовили для красной сволочи один сюрприз. Мои люди сейчас заняты осуществлением этой операции. — И хотя поблизости никого не было, Монстров наклонился к уху Мадамина и стал доверительно что-то шептать.

— Прекрасно! — одобрительно отозвался Мадаминбек, потирая ладони.

— И это еще не все, — оживился Монстров, почувствовав, что гроза миновала. — Вы знаете командующего Ошским боевым участком Алексея Николаевича Ситняковского?

— Если не ошибаюсь, бывший казачий есаул? — уточнил Мадаминбек.

— И к тому же бывший помещик. Владелец большого участка в Каратае. Так вот, это наш человек!

— Не может быть! — умело разыграл изумление Мадамин. — Не верю!

— Скоро поверите! — убежденно произнес Монстров.

— Сегодня после переговоров Алексей Николаевич через надежного человека сумел переправить из крепости на мое имя весьма оригинальный документик. Читайте! — Монстров достал из нагрудного кармана пакет и передал Мадамину.

«Лично полковнику К. И. Монстрову», — прочитал Мадамин. — Интересно, очень интересно, что же сообщает есаул? «Извините, что пишу наспех, обстановка не позволяет мне подробно изложить все то, что крайне волнует меня сейчас, поэтому буду лаконичен. Отклонение вполне приемлемых условий сдачи крепости обанкротившимся большевистским руководством Оша до глубины души возмутило меня. И не только меня. Весь Памирский отряд, в командование которым вступил штабс-капитан Константин Михайлович Плотников, решительно требует нашей капитуляции. Я хорошо понимаю всю бессмысленность и неразумность дальнейшей обороны крепости и постараюсь сделать все, что зависит от меня для быстреего прекращения никому не нужного кровопролития. Я верю в вашу честность и порядочность и убедительно прошу после падения крепости не применять, как вы и обещали, никаких репрессий к ее защитникам. Это было бы на первых порах нежелательным. Сегодня ночью ждите от меня посланца, который передаст мои соображения по поводу падения крепости.

Искренне уважающий вас А. Ситняковский.

Сообщая, что интересующий вас бывший начальник особого отдела ЧК Лебедев в крепости отсутствует. Некоторые компетентные лица считают, что он скрывается где-то в городе».

— Превосходно, полковник! — дочитав, радостно воскликнул Мадаминбек. — Скажите, эта личность заслуживает нашего доверия?

— Безусловно. Я имел не одну возможность убедиться в его добропорядочности.

— Следовательно, мы сможем через день-два выступить на Андижан. Но там предстоят жаркие бои. По данным моей разведки, гарнизон этого города составляет полторы тысячи бойцов. Это, как говорят русские, не фунт изюма. Впрочем, я не сомневаюсь в нашем успехе. Вслед за Андижаном — Наманган, мой родной Маргилан, Фергана, Коканд, Ходжент и Ташкент! На-

ши успехи позволят увеличить численный состав армии. Вот увидите, народ сам пойдет в ряды мусульманского войска. Вы согласны с моим мнением?

— Вполне разделяю вашу точку зрения, мой дорогой бек,— поспешно согласился Монстров.

— А теперь я хочу вам доверить одну тайну, полковник.

— Слушаю вас, амир ляшкар баши.

— Мы уже сейчас должны подумать об одном щекотливом предложении, которое я неделю назад получил от английского консула в Кашгаре подполковника Эссертон. Между прочим, он человек слова, я ему вполне доверяю. Дело в том, что почти половина оружия, с помощью которого мы воюем, получено через него, и мы должны как-то компенсировать этот должок. Эссертон обещает мне после падения Андижана прислать вторую группу опытных военных инструкторов из числа знающих свое дело английских офицеров. Не удивляйтесь, полковник, английский консул в курсе наших планов. Эссертон предлагает покровительство Великобритании будущей Туркестанской республике, свободной от Советов. Как вы смотрите на это?

— М-м...— неопределенно протянул Монстров.— Признаюсь, я ничего об этом не знал и ваш вопрос застал меня врасплох. Англичане — не дураки, они себе на уме и, думается, будут требовать большего, чем сейчас предлагают. Чего доброго, они приберут к рукам завоеванный нашей кровью весь Туркестан, а мы можем оказаться где-нибудь на задворках. Следует подумать... Разве мы хуже их? Я хотел сказать, разве вы, храбрый из храбрейших, умный и талантливый военачальник, не сможете сами возглавить туркестанское правительство?

Монстров явно льстил Мадаминбеку, однако мысль о том, что англичане со временем постараются оттеснить басмаческую верхушку на задний план, обеспокоила курбаши.

— Мы еще вернемся к этому вопросу,— подумав ответил Мадамин.— После Андижана сама обстановка подскажет, как нам быть. А сейчас... Эй, джигиты! Давайте плов. И побольше вина! Черт возьми, я проголодался. Сегодня я угощаю моего друга, полковника Монстрова, пусть об этом знает все войско!

Невдалеке от беседки вдруг послышались удары в бубен, зазвучал дутар, протяжно и громко задребезжал карнай.

— Яшаг! Дост!— послышались возбужденные возгласы воинов ислама.

ОБОРОНА

В этот день Митю можно было видеть в разных концах крепости. Вместе с красногвардейцами он отражал первую атаку мятежников, вел огонь из карабина через бойницы. Потом заменил раненого второго номера у пулемета на центральном барберте. В полдень его сменил Хамид Шамсутдинов, и Митя поступил в распоряжение Добрынина.

По-летнему жаркое солнце припекало, и Митя потный, разгоряченный, сосредоточенный бегал по казармам, находил нужных людей, передавал им распоряжения коменданта, мимоходом прислушивался к разговорам бойцов-памирцев. «Заперли нас, как в мышеловке. Ну, а что дальше делать?» — «Нет братцы, я в русского мужика стрелять не буду». — «Кому нужна вся эта свистопляска?»

«Шкуры барабанные...— глядя на них, думал Митя. — Выжидают, надеются, что нас вот-вот сломят».

У восточных ворот Митя повстречал Володю Земскова. Поздоровались. Посмотрели друг другу в глаза, которые выражали озабоченность.

— Я дежурил на заставе у электростанции,— рассказал Володя.— Чуть свет слышу топот... Навалились на нас со всех сторон. Хорошо, что гранаты были, еле отбились и через Ак-Буру—в крепость.

— Что же будет, Володя? Памирцы хоть сейчас готовы поднять руки. Если б подоспела помощь...

— Трудно, Митя, я это понимаю. В таком переплете нам еще не приходилось бывать. Ты думаешь под Ашхабадом или на Оренбургском фронте легче? В несколько раз тяжелее. Только одно могу посоветовать: стисни зубы, сожми пальцы в кулаки и ничем не выдавай своего настроения. Признаюсь, у самого на душе кошке скребут. Один из памирцев мне в лицо смотрит и ухмыляется, а потом и говорит: «Эй ты, комсомол, штаны еще сухие? Это тебе не лотерея, не танцы-манцы в пар-

ке. Скоро узнаешь кузькину мать». Знаешь, я не сдержался и заехал ему в ухо. Вот такие дела...

Митя понимающе кивнул головой.

Под вечер в одной из казарм собрались члены ревкома и укома партии. О сложившейся обстановке докладывал Александр Добрынин.

— На территории крепости, — звучал его бас, — находится около 300 защитников и столько же гражданского населения. Мы располагаем тремя пулеметами, двумя бомбометами и одним орудием. Впрочем, бомбометы больше для модели, толку от них мало. Имеется в наличии 84 ящика патронов, 5 боекомплектов снарядов и гранат сотни две. На горке держат оборону человек 20-30, точных сведений не имею, им придан пулемет.

— Как обстоит дело с питанием гарнизона и сколько времени, по-вашему, мы сможем продержаться? — осторожно спросил председатель укома партии Николай Кондратьев.

Добрынин полистал блокнот, нашел нужную страницу, подумал, что-то подсчитывая в уме, и произнес:

— В продскладе имеется 42 мешка муки, если растянуть, то на полмесяца должно хватить. Хлеб будем выпекать в гарнизонной пекарне, здесь же. Есть немного овощей, картошки, лук и прочая петрушка, еще имеется 2 бочки хлопкового масла. То, что из продуктов захватили с собой жители, — не в счет.

— А с фуражом как? Ведь у нас около сотни коней, — снова поинтересовался Кондратьев.

— Здесь дело хуже, — покрутил головой комендант. — Фураж есть, но не на территории крепости, а около военного собрания.

— Что предлагаете?

— Предлагаю после двенадцати ночи сделать вылазку за фуражом. В случае чего прикроем ружейным и пулеметным огнем.

— А как нам быть с водой? — подал голос председатель ЧК Алексей Румянцев.

— Вы сами знаете, — спокойно объяснил Добрынин. — В крепости всего один колодец. При таком стечении народа воду придется экономить. Правда, арык рядом, но вся эта площадь с флангов простреливается противником.

— Все ясно, — поднялся Кондратьев. — Положение, товарищи, нелегкое, это вы и сами хорошо понимаете. Вот почему нужны стойкость, мужество и... бдительность! Да, бдительность, я подчеркиваю это. Нет надобности напоминать о том, что из себя представляют памирцы, а ведь их половина гарнизона. Они могут в любую минуту пойти на предательство. Потолкуйте с коммунистами, поставьте перед всем гарнизоном задачу — держаться до подхода помощи. Авантюра мятежников, как вы понимаете, носит временный характер. А сейчас давайте-ка по местам.

В десятом часу вечера с горки в крепость пробрался Иван Бондарев. С пышной шевелюрой и подкрученными кончиками усов, всегда подтянутый, он сейчас выглядел усталым, злым.

— Подкрепление нужно, — обратился он к Добрынину. — Все запасы вышли: ни еды, ни патронов, да и бойцов маловато. Курам на смех — тридцать два человека! А ведь горка, сам знаешь, сверху всю крепость прикрывает.

— Сейчас сообразим, — подумав, осторожно ответил Добрынин. — Похлебка есть, патроны сейчас получишь. Только как понесешь?

— Сам понимаешь, одному не справиться. Давай в помощь пяток бойцов.

— Ну, и хитер ты, — усмехнулся Добрынин. — Ладно, что с тобой делать, так уж и быть, пойдут с тобой Ваня Малышев, Кудайберген Ниязов и Умарали Юнусов. Согласен?

— Боевые ребята. Знаю, — повеселел Бондарев. — Я их на горке сразу к делу пристрою.

Ночь выдалась темная, как по заказу, начал накрапывать мелкий дождик. Бондарев с ребятами перелезли через крепостную стену и бесшумно стали пробираться на пригорок. Там, окруженная высоким глинобитным дувалом, находилась застава.

— Товарищ командир! Вы? — окликнул кто-то Бондарева, когда они оказались во дворе.

— В чем дело?

— Пока вас не было, басмач какой-то к нам пожаловал. Сам пришел. Говорит, Лебедева ему нужно. До выяснения личности мы связали ему руки и заперли во времянке.

— Что же это за басмач такой? Не пойму. Давай-те-ка взглянем на него,— предложил Бондарев.

Они прошли к небольшому домику в глубине двора. Бондарев чиркнул спичкой, вспыхнуло слабое пламя копилки. Бошли в комнатку с низким потолком. Навстречу им поднялся неизвестный здоровяк.

— Немедленно, слышите? Немедленно доставьте меня к Лебедеву!— потребовал он.

— Спокойно! Сейчас разберемся,— оборвал его Бондарев и приподнял над головой копилку.

— Дадаш!— вырвалось у Кудайбергена.— Товарищ командир, это наш человек, я его знаю.

— И в самом деле Дадаш!— изумился Бондарев, вглядываясь в мужчину.— Зачем же ты к нам пожаловал? Сначала к басмачам переметнулся, теперь снова к нам?

— Нет, он не басмач!— разволновался Кудайберген.— Я не обманываю, товарищ командир. Разве вы мне не верите?

— Гм... Вот задача,— в нерешительности замялся Бондарев.— Зачем ты все же к нам пожаловал?

— Хорошо! Я скажу,— решился Дадаш.— Крепость хотят затопить водой. Я сам видал, как перепружали Кыярму и Янгиарык. Надо предупредить... Я сам пришел, сам!

— Когда собираются пустить воду?

— Не знаю. Могут сегодня ночью. Могут завтра.

— Ладно. Ты до утра побудешь здесь. А в крепость мы сейчас сообщим.

Бондарев посмотрел на Кудайбергена:

— Сумеешь в крепость пробраться?

— Конечно, товарищ командир.

— Сообщишь и сразу же возвращайся.

— Хоп!

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТИ

Когда ночные сумерки опустились на город и крепость погрузилась в темноту, со стороны лазарета стал различим какой-то непонятный глухой шум, который с каждой минутой нарастал. Вдруг раздались тревожные голоса красногвардейцев:

— Вода-а-а!

Со стороны русского кладбища на крепость стремительно неслись мутные потоки арычной воды. Натолкнувшись на крепостную стену, вода стала подмывать глину и проникала на крепостной плац. Памирцы в растерянности отхлынули от бойниц и метнулись к казармам.

— Назад! Спокойно, без паники!— раздался в темноте знакомый бас Добрынина.

— Всем оставаться на местах!

«Вот она, гуманность Монстрова,— успел подумать он.— Перепрудили верхние арыки и пустили воду на крепость. В лоб взять не могут, решили утопить. Так, что ли? Ладно, посмотрим, кто кого!»

— А ну, ребята,— остановил Добрынин группу бойцов,— тащите быстрее к стене все, что попадется под руки: доски, бревна, столы, скамейки, ящики, сетки от кроватей. Там где промыло — баррикадируйте стены. Веселей за работу!

А вода все прибывала. По колено, а местами по пояс в воде красногвардейцы укрепляли стену и заделывали промоины.

— Эй, вы! Голодранцы красные!— слышались пьяные голоса кулаков.— Сдавайтесь, пока не утопили!

В ответ звучали злые короткие пулеметные очереди с барберта.

...Утром 8 сентября командующий боеучастком Ситняковский в сопровождении политкомиссара Баранова и следователя ЧК Петросьяна обошел всю крепость. Под ногами противно чавкала жидкая грязь. Ситняковский недовольно морщился, словно у него болели зубы.

— Я думаю,— обратился он к Баранову,— усилить охрану центральных ворот. На мой взгляд, это самый уязвимый участок. У противника есть два орудия, этого нельзя не учитывать. Ворота могут подвергнуться штурму в первую очередь. Позовите сейчас же Плотникова!— приказал он одному из проходивших мимо памирцев.

Шлепая сапогами по лужам, Плотников рысцой приблизился к Ситняковскому.

— Константин Михайлович, мы решили на ночь усилить пост у центральных ворот. Выделите надежных бойцов. Надеюсь, вы меня поняли?

— Так точно, товарищ командующий. Будет испол-

нено. — Они выразительно посмотрели друг на друга. Ситняковский сославшись на приступ невралгии, удалился в штаб. Днем противник по-прежнему бездействовал. Казалось, что Монстров примирился с мыслью о невозможности овладеть крепостью штурмом. Но так только казалось. С наступлением темноты повстанцы бесшумно стали подтягиваться к северным воротам. Кромешная тьма была союзником мятежников. Треснул негромкий выстрел, в черное небо взвилась зеленая ракета. В ту же минуту заскрипели, распахнулись ворота крепости, и в них рванулась кулацкая орда. Крики во тьме, толчея у ворот, беспорядочные выстрелы.

— Измена-а-! — пронеслось по крепости.

А в ворота уже въезжали на лошадях, с пылающими факелами в руках мятежные крестьяне. Так пала Ошская крепость. Алексей Ситняковский с благодарностью принял предложение Монстрова и занялся вместе с Плотниковым формированием отряда для похода на Андижан.

13 сентября на стенах домов города появились написанные от руки объявления. Они возвещали: «Объединенное командование мусульманской и народной армиями назначает денежное вознаграждение в сумме 100 тысяч рублей за поимку опасного преступника, бывшего начальника особого отдела ЧК Лебедева Валерия Андреевича. Приметы чекиста: высокого роста, худощавый, шатен, глаза голубые, на груди наколка, изображающая змею. Знающим его местонахождение немедленно сообщить штабу армии. Виновные в укрывательстве преступника будут расстреляны.

Комендант города Оша Г. Жуков».

В ту же ночь начались повальные аресты остававшихся на свободе большевиков и сотрудников ЧК. Мятежникам удалось арестовать почти все руководство уездного и городского комитетов партии, ревкома и ЧК. В тюрьму были брошены председатель укома партии Николай Кондратьев, секретарь городской большевистской ячейки Яков Лысенко, политкомиссар Георгий Баранов, уездный военком Николай Чеботарев, председатель ЧК Алексей Румянцев, комендант города Александр Добрынин, сотрудники ЧК и ревкома Тимофей Лашин, Арамаис Петросьян, Елена Кириллова, Турсун Абдрасулов и Алим Ходжаев.

Арестованных Лебедевым памирцев во главе с Геннадием Рахом освободили. По непонятным причинам на воле оставались сотрудники ЧК Михаил Тырсин и Николай Миляев.

ВРАГ НАСТУПАЕТ

Отряд командующего фронтом Сафонова в 350 человек с одним орудием и двумя пулеметами затемно 7 сентября выгрузился на станции Федченко. К вечеру следующего дня отряд прибыл в Араван и расположился на ночлег. Сафонов был настроен оптимистически. В черной кожаной фуражке и такой же тужурке, перехваченной ремнями, он обошел бойцов, шутил с ними, лично проверил выставленные дозоры по дороге, ведущей на Ош. Тем временем в штабе мятежников стало известно о продвижении красного отряда. Решив, что это авангард, Монстров и Мадаминбек бросили против него тысячу басмачей и 500 крестьян.

Утром 9 сентября Сафонов с разъездом в 12 сабель выехал на разведку. Напоровшись на сильное головное охранение противника, Сафонов отошел и отдал приказ занять и удержать господствующие над Таньгинским ущельем высоты.

Позиции отряда растянулись на восемь верст. Это было грубейшей ошибкой Сафонова, пагубно сказавшейся на исходе всей операции. Противник направил триста басмачей в обход ущелья и бросил значительные силы через Булак-баши в тыл красным. Утром 10 сентября враг повел наступление со всех сторон.

Пять суток отряд Сафонова с трудом сдерживал натиск противника, а на шестые, потеряв около 70 бойцов убитыми и ранеными, сумел прорваться к станции Федченко.

Все эти дни Володя был рядом с Сафоновым. Еще в Араване, увидев Володю, командующий узнал его, вспомнил, что он из Оша, и велел неотлучно находиться с ним. Про себя Володя расценил такой шаг Сафонова как признак скорого освобождения Оша, но последующие события не оправдали этой надежды. Володя осунулся, щеки заросли жесткой щетиной, под глазами появились темные круги, в глазах спряталась тревога.

Ночью, когда противник не решался вести боевые действия, Володя забывался в беспокойном сне. Едва он успевал заснуть, как перед глазами появлялись орущие басмачи с клинками в руках, облепленные белогвардейцами склоны гор, стремительные контратаки красноармейцев. Володя вскакивал, прислушивался. Откуда-то доносился рев карнаев и перестук барабанов. Эти звуки настораживали и рождали смутную тревогу.

Его память с фотографической точностью запечатлела бой, который разгорелся под вечер 12 сентября. В тот день артиллеристам отряда удалось подбить выехавшее на открытую позицию орудие «народной армии». И тогда, словно в отместку, на отряд навалилась толпа басмачей. Володя тут же поскакал на левый фланг и передал приказ Сафонова перебросить пулемет в центр занимаемых позиций. Едва пулемет был установлен в указанном месте, как противник перешел в пешую атаку. Володя лежал рядом с Сафоновым и ощущал невольный холодок в плечах и на спине: прямо на них бежали густые цепи басмачей. 30, 20 и вот уже каких-то 10 метров отделяло атакующих от бойцов. И тогда пулемет открыл губительный огонь. Цепь басмачей нарушилась, падали убитые, в сторону отползали раненые. Три ленты подряд было выпущено в толпу. Атака противника захлебнулась.

На станции Федченко, поредевший, потрепанный в боях, отряд разделился на две части. По распоряжению Сафонова около сотни бойцов были направлены на помощь Андижану, остальные вместе с командующим возвратились в Скобелев. Володя сам напросился в Андижан, Сафонов не стал его удерживать. На прощание он положил тяжелую руку на плечо Володи и глухо сказал: «Спасибо за службу».

Белогвардейцы подошли к Андижану 18 сентября. Не дожидаясь прибытия басмачей, они обложили город со всех сторон и отрезали от него воду. Андижанцы выставили против врага около тысячи штыков, опоясали город окопами, забаррикадировали перекрестки центральных улиц десятипудовыми кипами хлопка.

Попытки «народной армии» и басмачей с ходу овладеть городом провалились одна за другой. Чтобы выиграть хотя бы несколько дней, штаб обороны Андижана согласился на ведение переговоров с Монстровым. А

тем временем на помощь осажденным спешил Казанский полк имени Гинцбурга.

Володя вместе с бойцами отряда влился в рабочую дружину, которой поручили оборону одного из ответственных участков — линию Скобелевского и Абрамовского проспектов.

На третий день после прибытия в Андижан Володя совершенно случайно увидел, как к зданию, где размещался штаб дружины, на конях приблизились два всадника. Поначалу Володя не обратил на них внимания, но, взглядевшись в одного из них, вдруг узнал Лебедева. Он не выдержал, подбежал к нему:

— Здравствуйте, товарищ Лебедев! Не узнаете?

— Володя! Какими судьбами? Признаться, не ожидал тебя здесь встретить, думал, ты в штабе фронта, чего доброго, застрял. А ты изменился. Ну, рассказывай же, — торопил его Валерий. — Ведь мы ненадолго к вам.

— Особенно и рассказывать-то нечего, — грустно произнес Володя. — Поручение выполнил. Потом с отрядом Сафонова был под Араваном. Теперь вот здесь...

— Что же ты не спрашиваешь про своих сослуживцев? Или слышал? Почти все памирцы перешли на сторону беляков. Теперь придется против них воевать. Тебя это не коробит?

— Ничуть, — спокойно ответил Володя. — Во всяком случае все стало понятным: кто с нами, а кто против нас. Скажите, Валерий Андреевич, вы ничего не знаете о Мите, Кудайбергене, Хамиде... Что с ними?

— К сожалению, Володя, мне пришлось покинуть Ош внезапно. Знаю лишь, что многих коммунистов арестовали. Но теперь недолго осталось ждать. Скоро, очень скоро и на нашей улице будет праздник. Да, вот еще что, если я понадобится, то знай, что нахожусь в городском штабе обороны. Забот и хлопот — хоть отбавляй. Ну... прощай. Надеюсь, мы еще встретимся.

По ту сторону баррикад противник открыл бестолковый ружейный огонь.

— По места-а-м! — раздался зычный голос командира дружины.

Володя подбежал к баррикаде и, крепко сжав карабин в руках, стал напряженно всматриваться в просвет между тюками хлопка. Почему-то подумал: «А что,

если в атаку сейчас пойдут памирцы? Те, с кем совсем недавно вместе ел за одним столом, спал в одной казарме, собиравшись служить на границе?» Но белогвардейцы уклонялись от лобовых атак. Они упрямо надеялись на то, что ни сегодня-завтра андижанцы прекратят сопротивление, сдадутся на милость «победителей» Оша.

О предстоящем наступлении защитникам города никто открыто не говорил, но по всему чувствовалось, что оно вот-вот должно начаться. Каждый день ряды защитников Андижана пополнялись добровольцами из числа горожан. Прибыла группа добровольцев и в рабочую дружину, оборонявшую маслозавод Бешбош. Каждый раз, когда Володя видел новых людей, он всматривался в их лица. Он твердо уверовал, что встретит среди них брата. И предчувствие не обмануло его. Они встретились в канун наступления.

По траншее, отделявшей южную часть города от нового Андижана, с тяжелой четырехлинейной винтовкой за спиной и котелком в руке шел, пригнувшись, высокий человек в гимнастерке, брюках галифе и обмотках на ногах. Володя не узнал брата. Он показался ему старше и выше, но Александр еще издали крикнул:

— Голубев!

Услышав знакомый голос, Володя бросился навстречу, и братья обнялись.

Александр рассказал, что он женился.

— Жена очень красивая у меня. Мама даже недовольна, что Мария так хороша. Не пара она тебе, говорит, — с горечью вспоминал Александр. — А мы очень любим друг друга.

— Хотел бы я познакомиться с твоей женой! — воскликнул Володя.

— Ты сейчас ее не увидишь. Недавно Мария получила известие из Тифлиса (она у меня грузинка), что родители ее умерли. И она выехала туда. Я очень беспокоюсь. Давно нет от нее писем...

— Не волнуйся, сейчас почта работает с перебоями. Сам видишь, какое время. А я как прибыл в Андижан, все время думал о тебе, Саня.

— Соскучился?

— Очень. Знаешь, кончится война, давай все съедемся в один город и маму заберем. Я виделся с ней. Очень она состарилась...

— Да, в детстве не привелось пожить нам вместе, — вздохнул Александр.

— Я рад, что ты счастлив теперь, Саня. Может быть, и мне судьба улыбнется, — задумчиво сказал Володя, вспомнив Нину.

Разлучила братьев боевая тревога. Они расстались, унося в сердце тепло неожиданной встречи.

КРАХ АВАНТЮРЫ

Сквозь небольшое окошко тюремной камеры проглядывал кусочек голубого неба. В камере находились ошские коммунисты.

— Что ж, дорогие друзья, — звучал приглушенный спокойный голос Николая Кондратьева, — падать духом нам не к лицу, да и нет для этого оснований. Мне думается, что на расправу эти «герои» сейчас вряд ли решатся. Нас, конечно, будут допрашивать, возможно, даже пытаться. Надо показать им наше моральное превосходство. Пусть почувствуют, что победители не они, а мы. Ну, а если придется... то умрем, как умирают большевики...

У окованной железом камеры кто-то остановился, приоткрылся глазок, и к ногам Кондратьева упал свернутый бумажный комочек. Кондратьев быстро нагнулся, поднял его, развернул и вполголоса прочитал:

«Мужайтесь, товарищи! Мадамин и Монстров ушли в поход на Андижан. В городе осталось около сотни мятежников. Принимаем меры для вашего освобождения. Среди тюремной охраны есть наши люди. Тырсин и Миляев — предатели, будьте осторожны. Не теряйте надежды.

Вл. Баранов».

— Итак, друзья, — заключил Кондратьев, — не падать духом!

На дверях звякнул замок. Охранник из крестьян громко выкрикнул:

— Кондратьев и Бардынин на допрос!

— Наверное, мою фамилию перепутали, — поднялся Добрынин.

Арестованных коммунистов допрашивал кулак Хорев, которому Монстров поручил возглавить контр-

разведку своей армии. Напустив на себя важный вид, Хорев устал на Добрынина рыбы глаза, с минуту смотрел, не мигая, и вдруг закричал тонким голоском:

— Отвечайте! На какие цели вы израсходовали полученные недавно деньги в Госбанке? Предупреждаю: запирайтесь бесполезно, нам все известно.

— Раз известно, нечего и спрашивать, — парировал Добрынин. — Деньги мне выдала Советская власть и отчитываться буду только перед ней.

— Значит, не хотите говорить? Напрасно кичитесь. Песенка ваша спета. Но чистосердечное признание может облегчить вашу участь. Скажите, кого расстреливал Лебедев?

— На такие вопросы я отвечать вам не буду. И вообще, напрасно стараетесь.

— Значит, отказываетесь отвечать?

— Значит, отказываюсь.

— Так и запишем. Советую подумать на досуге. Конвойный! — зло крикнул Хорев. — Уведите арестованного! И дайте мне этих... как их... — он заглянул в список. — Лашина и эту большевичку Кириллову.

...22 сентября Владимир Баранов сообщил в переданной записке: «Мятежники под Андижаном успеха не имеют. Над вами готовится расправа. Охрана тюрьмы для спасения своей шкуры согласна освободить вас. Для сведения сообщаю действующий в городе пароль: затвор-златоуст. Ждите нашего сигнала».

...24 сентября Добрынин, возвращаясь с допроса, уловил на лицах конвойных растерянность и тревогу.

— Слышь, комиссар, — негромко произнес один из них. — Под Андижаном-то наших разбили в пух и прах. Плотников только что прискакал. Сообщи своим, к расстрелу вас всех приговорили. Хорев бахвалился. Но мы вас в обиду не дадим. Будете на воле, замолвите за нас словечко. Договорились?

— Цыплят по осени считают, — неопределенно ответил Добрынин. — Не нас, а себя вы спасаете этим шагом, запомните это.

Вечером, как только на город спустились сумерки, к тюрьме подъехал на коне Плотников. Вслед за ним затарахтела по булыжникам крестьянская арба.

— А ну, открывай ворота! — приказал он тюремной охране.

— Пароль? — потребовал охранник.

— Боек. Да что вы там, белены объелись? Не узнаете? Я командир памирского отряда Плотников.

— Сейчас пароль другой, — отозвался тот же голос. — Без письменного разрешения коменданта ворота открывать не будем.

— Ну, подождите же... — скрипнув зубами, зло выругался Плотников и, хлестнув коня нагайкой, поскакал в крепость.

Не теряя времени, тюремная охрана открыла камеру. Заключенные по одному выскользнули во двор и скрылись за воротами.

...Дом Зинаиды Петровны Волковой стоял на самой окраине Оша в густо заросшем саду в конце Кладбищенской улицы. Хозяева, пожилые люди, не ухаживали за садом, и деревья так густо разрослись, что переплелись кроны, и если бы даже не было высокого кирпичного забора, с улицы ничего нельзя было увидеть во дворе. Здесь всегда было прохладно и необыкновенно тихо. В глубине сада возле колодца с деревянным срубом стояла маленькая, чисто побеленная банька. В этой баньке укрывала Зинаида Петровна в тревожные дни осады Шуру, Лизу и Нину. Девушек томило вынужденное безделье, и старая женщина придумала для них занятие — поручила им перебирать шерсть. Расстелив большое полотнище маты, они разложили на нем шерсть и перебирали ее, очищая от колючек.

Часто по вечерам Лиза одевала узбекское платье из цветастого шелка, закрывала лицо паранджой и, выскользнув за ворота, спешила к дому, где жили Барановы. От них она узнавала обо всем, что происходило в городе. Владимир Федорович нервничал — город все время был под ударом. Особенно волновала его судьба арестованных. Мятежники охотились за коммунистами и жестоко расправлялись с ними. Миша Михайличенко, Володя Земсков, Ваня Малышев, Хамид Шамсутдинов, Умаралы Юнусов и десятки других активистов вынуждены были скрываться в подполье.

Владимир Федорович журил Лизу, что она напрасно рискует, выходя из дому на Кладбищенской. Лиза молча слушала его, но через два-три вечера вновь появлялась у Барановых.

24 сентября Лиза возвратилась необычно взволно-

ванной. Сбросив паранджу, она встала у стены и начала рассказывать:

— Сегодня рано утром я встретила Софью Степановну, жену Баранова. Она сказала, что к побегу все готово. Но главное не это. Под Андижаном Монстров и Мадаминбек потерпели поражение. И завтра... — у Лизы от волнения перехватило голос. Шура и Нина жадно ловили каждое ее слово и в тревоге подступили к ней.

— Завтра должны выпустить на свободу всех арестованных большевиков. Все они живы... Здорова ли Лена Кириллова, неизвестно... ее били на допросе... Она кричала... — и Лиза зажала рот рукой, чтобы не разрыдаться.

Нина опустила голову и заплакала. Шура рванулась к двери и, ухватившись за косяк, стояла там с горящими сухими глазами.

Лиза сидела такая бледная, что казалось, она сейчас упадет.

— Негодяи... — прошептала Шура.

— Не надо, девочки, — срывающимся голосом сказала Лиза. — Пока все хорошо. Дожить бы им до утра... Тюремные надзиратели Рыбачук и Санкин обещали завтра отворить ворота тюрьмы.

— Мы пойдем их встречать! — воскликнула Нина.

— Если это можно будет, Софья Степановна известит нас, — сказала Лиза.

Всю ночь девушки не спали. На рассвете пришла Баранова. Бледное и красивое лицо ее отражало сильное волнение. Ласково поцеловав девушек, она нервно сбросила тонкие перчатки и, опустившись на деревянный пол, прошептала:

— Собирайтесь, девушки. Их уже ждут. Даже комсомолцы из района приехали.

— Мы готовы! — накидывая на голову шарф, воскликнула Шура.

— Идемте, — позвала Баранова. И четыре женские фигуры канули в предрассветные сумерки.

25 сентября в полдень к заставе у въезда в город по Андижанской дороге подъехали на конях Александр Добрынин, Митя Чураков, Кудайберген Ниязов и Хамид Шамсутдинов.

— Только что восстановили телефонную связь с Андижаном, — сообщил бойцам на заставе Добрынин. —

К нам идет передовой отряд Казанского полка Красной Армии.

— Ура-а-а! — не сдержал восторга кто-то из бойцов и подкинул в воздух фуражку.

Добрынин поднес к глазам бинокль, внимательно всмотрелся вдаль и увидел конный отряд, над которым развивалось кумачовое полотнище.

— Едут! — закричал он и пришпорил коня. За ним поскакали Митя, Кудайберген и Хамид.

От отряда, скакавшего навстречу, отделились два всадника. Добрынин вновь вскинул бинокль и безошибочно определил:

— Валька! Лебедев! Живой!!

Поравнявшись, они соскочили с коней и заключили друг друга в крепкие объятия. На глазах у друзей невольно выступили слезы радости.

— Митя! Хамид! Кудайберген! Вот встреча!! — неожиданно раздался голос второго всадника.

— Володька! Вот черт! Ух, ты! — стал тискать его Митя. — Ну рассказывай, где ты пропадал? Нет, это надо же...

— Дайте в себя прийти... — взмолился Володя. — Самое главное — все хорошо обошлось и все мы живы и здоровы.

...Весь день 24 сентября Нина не находила себе места. Утром, расставшись с Шурой и Лизой у тюрьмы, где они встретили освобожденных, она пришла домой. Ее встретила постаревшая и осунувшаяся мать. Евдокия Петровна, жившая в тревоге все дни сентября, увидев дочь, долго плакала от радости и умоляла ее не выходить из дому.

Нина ждала Володю. Минутами ее охватывало отчаянье, что она больше не увидит его, или вдруг бежала на почту, уверенная, что там ее ждет письмо. Евдокия Петровна уговаривала дочь:

— Какие сейчас могут быть письма? Пути разобраны, поезда не ходят. Умоляю тебя, Нина, никуда не ходи! Все может случиться.

Ночью Нина не спала, бродила в темноте по комнате и, пугая мать, отворяла окно, прислушиваясь к каждому шороху. Лицо ее побледнело, вокруг глаз залегли тени. Она забылась тревожным сном только на рассвете.

Днем с улицы донесся шум голосов и конский топот.

Нина бросилась к окну, растворила его. Евдокия Петровна испугалась:

— Что ты делаешь? Сейчас же затвори окно!

— Мама, мама! Красные войска вошли в город!

Нина набросила на голову шарф, устремилась к двери. Евдокия Петровна встала перед ней.

— Не пущу!

— Я только взгляну! Может быть, Володя вернулся! — умоляла Нина и, отстранив мать, выбежала на улицу.

На углу толпился народ. Нина бросилась туда. По улице мчался кавалерийский отряд. Нина пробилась сквозь толпу вперед и жадно оглядывала каждого всадника. Вдруг увидела и закричала:

— Володя-а! Володя-а-а!

Он услышал ее крик, обернулся и помахал рукой. Она стояла, счастливо улыбаясь, держа высоко в руке шелковый шарф.

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Остатки разбитых под Андижаном памирцев и маминовцев бежали на восток и окопались в Гульче, недалеко от границы. Они надеялись на помощь извне и еще мечтали о новом походе против Советов, но это была уже агония загнанного в горы врага.

А вокруг Оша продолжали рыскать банды Муэтдина и Хал-Ходжи. Они, как голодные шакалы, налетали на беззащитные кишлаки и айлы, грабили и насиловали, угоняли скот, забирали последние скудные запасы продовольствия у дехкан и скотоводов-киргизов.

Басмачам красный Ош мог противопоставить лишь отряд особого назначения и роту красноармейцев. Опять ожидали прибытия отряда Казанского полка, и тогда объединенными силами предстояло окончательно подавить сопротивление противника на границе.

Жизнь бойца особого отряда изменчива и беспокойна. Среди ночи или на рассвете внезапно звучит пронзительный голос дневального: «Трево-о-о-га!» Сон улетает. Стремглав бежишь на конюшню, седлаешь коня и с клинком в руке и карабином за плечом мчишься в неизвестность.

Изматывающие рейды по выжженным солнцем адырам, по горным склонам, десятки айлов на пути, названия которых не всегда остаются в памяти. И всюду бедность, стоны и рыдания осиротевших детишек, вдов и матерей, трупы замученных басмачами дехкан.

Но с каждым боем закалялась воля бойцов, на молодых безусых лицах появились первые морщинки, в груди все ярче полыхало пламя гнева и жажды мести.

Для Володи такая жизнь уже стала привычной. В душе он гордился тем, что ему доверили служить в отряде особого назначения. От памирского отряда осталось лишь неприятное воспоминание.

Жизнь в освобожденном городе постепенно налаживалась. Красногвардейцы несли караульную службу на заставах, возобновились занятия в начальном училище, по-прежнему шумно и многолюдно было на базаре старого города. В ближайшее воскресенье, 5 октября, комсомольцы решили выехать на поля бедняков-дехкан и помочь им в уборке урожая. Но событие, которое произошло в пятницу, 3 октября, перечеркнуло эти планы.

В тот день ожидали возвращения с операции партийной дружины, выезжавшей в Мады. В полдень в крепость на коне прискакал Митя Чураков и поднял тревогу. Не в силах перебороть волнение, он рассказывал командиру взвода Ивану Бондареву:

— Добрынин прислал за помощью... Едем из Мадов, уже в город въехали... Одним словом, басмачи там орудуют. Это за мостом, по Карасуйской дороге, возле мечети. Окружили их, и бой сейчас идет. Меня — к вам... Одним словом, спешить надо...

Бондарев подкрутил кончики темных усов и мигом распорядился:

— Дневальный! Объявляй тревогу!

Через пять минут взвод поскакал в старый город. Миновав мост через Ак-Буру, всадники свернули налево. До слуха чекистов донеслась перестрелка. За дугами что-то кричали перепуганные жители, заливались в зловонном лае дворовые псы. Свернув направо в проулок, Бондарев увидел купол мечети и заметил на крышах кибиток и за деревьями фигуры дружинников. К спешившимся чекистам подбежал Александр Добрынин и, не здороваясь, пояснил командиру взвода:

—Значит, такие дела... Басмачи укрылись во дворе мечети, там их с полсотни будет, остальные по кибиткам попрятались. Я сейчас пошлю часть своих бойцов перерезать дороги на Кашгар-Кишлак и Гульчу, а ты со своими хлопцами заходи с тыла, через дворы. В кольцо возьмем мечеть. А мы отсюда будем нажимать. Никуда они не денутся. А потом кибитки прочешем. Давай, действуй! Ведь надо же, выбрали базарный день и нагрянули. Ну, мы им сейчас всыплем!

Чекисты рассыпались по дворам и через дувалы стали пробираться к мечети. Володя первым достиг высокой стены, отделявшей мечеть от кибиток жителей. За стеной была слышна какая-то возня, отрывисто хлопнули выстрелы из винтовок, раздавались тревожные возгласы бандитов.

«Что же делать? — мучительно думал командир взвода Бондарев. — Лезть через забор? Заметят и перестреляют, как куропаток. Торчат у дувала и ждать, когда их погонят дружинники? Тоже не годится, басмачи могут прорваться в другом месте. Выход, пожалуй, один: отвлечь внимание басмачей, в это время напасть на них с тыла.

Подозвав знаками бойцов, Бондарев объяснил свой замысел. Быстро бежав взглядом лица чекистов, негромко спросил:

— Дело серьезное. Кто из вас добровольно пойдет в тыл басмачам?

— Разрешите мне, — словно опасаясь, что его кто-то опередит, отрывисто бросил Володя.

Бондарев одобрительно глянул на него.

— Хорошо, Голубев. Задача такая: вдоль дувала проберись до конца двора. Потом сразу — через дувал и немедленно открывай огонь. Басмачи всполошатся, а ты держись. Вот тебе граната. Взрыв гранаты будет для нас сигналом к атаке. Ну... ни пуха, ни пера.

Володя сунул гранату за пазуху, для чего-то поправил на голове фуражку и, не оглядываясь, пошел вперед. Свернул направо. Остановился и прислушался. Осторожно стал пробираться дальше.

«Вот здесь, пожалуй, и перемахну», — примериваясь к дувалу, решил Володя. В этом месте ветви деревьев, растущих во дворе мечети, густо переплетались и могли укрыть его от глаз басмачей.

Закинув за спину карабин, он ухватился руками за зубчатый выступ дувала, подтянулся и заглянул во двор. Впереди на расстоянии тридцати-сорока шагов спиной к нему залегли басмачи и, видимо, экономя патроны, вели недружный огонь.

Володя под прикрытием ветвей осторожно соскользнул во двор. Метрах в десяти от него стояла супа. Он подполз и укрылся за ней, потом прицелился и плавно спустил курок. Один из басмачей рванулся было, пытаясь встать, но неуклюже повалился на спину, раскинув руки. Двое подхватили его и поволокли к мечети. Не теряя времени, Володя перезарядил карабин и послал вдогонку басмачам еще две пули. Словно подкошенные, они рухнули на землю.

Басмачи поняли, что кто-то пробрался во двор, и наугад стреляли туда, где, по их предположениям, могли укрыться. Над ухом Володи с тонким свистом пролетела пуля и ткнулась в супу, отколов кусочек глины.

Володя притаился. Это ободрило басмачей, они поднялись и, перебегая от тополя к тополи, стали брать Володю в кольцо. Обманутые мнимым бездействием чекистов и дружинников, они решили покончить со смельчаком, а потом уйти, раствориться в лабиринте улочек и переулков.

Все ближе и ближе подходили они. Вот он уже стал различать их лица. Но что это? Среди окружавших его врагов он ясно увидел бойца Памирского отряда. Да, никакого сомнения — это был Александр Мануйков! Кровь ударила в лицо Володи. Вот какого змееныша выходила его мать! Ах, если бы знала Алена, кого спасла она от справедливой кары в тот зимний вечер в Петро-Александровске!

Рядом с Мануйковым двигался басмач, лицо которого тоже было удивительно знакомо. «Где я видел эти бегающие буравчики-глаза, изрытое оспой лицо?» — думал Володя. И вдруг вспомнил: первый день в Оше, Хамид водит его по солнечным улицам города, вереница паломников на Сулейман-горе, бегущий по улице человек... Кытанбек! Это он! Оказывается, они друзья по оружию — сын миллионера и бывший уголовный преступник. Вот они идут, чтобы убить его... Как мало он еще жил! Жизнь началась только в Чимбае, когда

впервые он услышал слово «товарищ»... «Нет, я буду жить!»

Враги были совсем близко, он стрелял почти в упор и наповал убил басмача, ближе других подошедшего к нему. Кытанбек, посылая проклятия, прыгнул в сторону и опустился в траву. Мануйков замешкался, но Володя не тронул его, а подстрелил второго басмача, подбиравшегося слева. Странное чувство владело Володи — ему хотелось лицом к лицу встретиться с Мануйковым, чтобы тот видел, кого он идет убивать.

Как гадюки, ползли в траве басмачи. Справа, слева, впереди — колыхались стебли полыни, будто ветер шевелил их. Володя стрелял по этим качающимся стеблям. Все ближе и ближе подползали враги. Он приник к облупившимся кирпичам супы и ждал. Рядом цвела дикая мальва. Алые цветы ее пылали на стройном стебле. Когда пули пролетали слишком близко, она слегка вздрагивала. И Володя загадал: если пули не срежут мальву, он останется жив...

Басмачи решили, что раз он молчит, значит, кончились патроны, и совсем осмелели, стали подыматься. Этого только и нужно было Володе, пулю за пулей выпускал он из обоймы. И вот случилось то, чего он хотел — Мануйков увидел его и как-то сразу съежился, трусливо попытался... и вдруг выстрелил из пистолета. Володя схватился за грудь и медленно осел, рядом упала срезанная веточка мальвы... Басмачи торжественно закричали, ринулись к нему. Кытанбек поднял винтовку... В какое-то мгновение Володя ясно увидел орущих басмачей, бледное лицо Мануйкова, дымок из дула винтовки Кытанбека, срезанный стебель мальвы... Он приподнялся и метнул гранату под ноги подступившим врагам. Раздался оглушительный взрыв и дикий предсмертный крик басмачей.

Володя хотел встать, но небо неожиданно полетело к глазам, знойное солнце обожгло грудь, придавило его к земле. И свет померк...

Сразу же после взрыва гранаты красные бойцы ринулись в атаку. В панике заматались басмачи, ища спасения, но было уже поздно — со всех сторон их окружили. Тогда они стали бросать винтовки на землю и с поднятыми руками становились на колени. Уйти

удалось немногим, в их числе был и Кытанбек, чья пуля довершила выстрел Мануйкова в Володю.

Первым подбежал к Володе Чураков. В глаза бросилось большое темное пятно на гимнастерке друга. Из рта по подбородку струилась алая кровь, глаза были плотно закрыты.

— Володю убили! — не узнавая своего голоса, закричал Митя.

Подоспевший командир взвода опустился на колени, взял Володину руку и уловил слабые, медленные удары пульса.

— Он жив... — не отрывая взгляда от бледного лица Володи, произнес Бондарев. — Митя, сейчас же разыщи извозчика. Хоть из-под земли, а найди! Еще можно спасти. Голубев! Голубев! Ты меня слышишь?..

Но Володя не подавал признаков жизни. Бондарев поднялся, его глаза повлажнели.

* * *

О том, что Володя тяжело ранен, Нине сообщил Миша Михайличенко, вызвав ее с урока. Она громко вскрикнула, ухватила Мишу за руку:

— Где он? — изменившимся голосом спросила она.

— В больнице. Я только что оттуда.

— Идемте, я должна его видеть.

Больница располагалась в одноэтажном кирпичном здании, сразу же за тюрьмой. Когда Нина подошла к палате, навстречу ей вышел фельдшер Котов. Он бросил быстрый взгляд на девушку и хотел было пройти мимо, но Нина сама обратилась к нему:

— Ради бога, скажите правду: он будет жить?

Котов поджал губы и слегка развел руки.

— Мы сделали все, что было в наших силах. Большая потеря крови. Пуля пробила плевру, легкое и задела артерию. Извините, но обнадеживать не могу.

Медленно переступила она порог палаты и сразу же увидела около окна на койке Володю. Медленно прошла вперед. Бледное, как больничная простыня, лицо Володи было сурово и неподвижно, бескровные губы плотно сжаты, брови строго нахмурены, на лбу темная прядь волос. Нина смотрела на Володю пристально, не мигая, слезы катились по ее лицу. Взяв

себя в руки, она опустилась на колени перед койкой и голосом, в котором звучали боль и надежда, позвала:

— Володя!.. Это я, Нина... Володенька...

Володя медленно открыл глаза, обвел палату затуманенным взглядом, задержался на заплаканном лице Нины. Видимо, поняв, где он и что с ним, внятно, с расстановкой произнес:

— Спасибо тебе, Нина, что пришла... Я любил тебя, Нина... Передай маме, брату Александру мой предсмертный привет... Похороните меня в парке, на берегу Ак-Буры, там, где три тополя... Прощайте...

Володю хоронили в ясный солнечный день 5 октября 1919 года. Возле могилы замер в строю почетный караул. В руках у бойцов зажаты карабины. Стояли плечом к плечу. Лица не по возрасту суровы.

Толпы горожан заполнили залитые солнцем аллеи. А рядом, в двух десятках шагов, неумолчно шумела на перекатах Ак-Бура. Стремительный поток ее вод переворачивал камни, нес гальку, бросал на прибрежные валуны кружево пены.

— Товарищи! — зазвучал взволнованный голос Валерия Лебедева. — Мы собрались на траурный митинг... чтобы проститься у могилы со своим боевым другом, добрым товарищем, бойцом особого отряда Володи Голубевым...

Он хотел что-то еще сказать, но вдруг опустил голову и замолчал. Рядом встал Александр Добрынин, на его полном добром лице застыла скорбь. Ветер шевелил его волнистые волосы, он стоял, понуро опустив плечи. Но вот сверкнули его глаза, и голос зазвучал властно и громко.

— Шайка подлых убийц и грабителей пыталась совершить нападение на город, на мирных жителей, и красные бойцы преградили им путь, дали бой на подступах к городу. Успех этого боя решил смелый поступок комсомольца, бойца Голубева! Он принял огонь на себя, а в это время наш отряд окружил басмачей. Память о подвиге отважного бойца вечно будет жить в народе! И пусть помнят враги — на смену Голубеву встанут сотни, тысячи новых героев, готовых отдать свою жизнь, но не пустить врага на священную землю.

И казалось, смолкла Ак-Бура, остановила свой бег, чтобы почтить молчанием память юного героя.

Миша Михайличенко был бледен, глаза его сверкали. Мгновение он молчал, будто не в силах говорить. И вдруг поднял голову, и звонкий голос его разнесся по всему парку:

Вечная память товарищу нашему,
В схватке жестокой с бандитами павшему.
Нет, не будет пощады врагу —
Мы, комсомольцы, всегда начеку!

И сразу один за другим вспороли тишину три винтовочных залпа. Это была последняя воинская почесть бойцу особого отряда, комсомольцу двадцатых годов.

Под молодыми тополями в новгородском парке, неподалеку от моста через Ак-Буру, поднялся свежий могильный холм. На маленькой дощечке рукой Нины была аккуратно выведена красной краской надпись в траурной рамке:

Владимир Денисович
Голубев
1899—1919 г.г.

Вечная память комсомольцу, павшему от рук подлых басмачей.

М. В. ФРУНЗЕ В ОШЕ

Весна 1920 года выдалась на юге Киргизии ранняя. Бурные потоки с ледников Памира-Алая несли в долины живительную влагу и прохладу заоблачных снегов. В яркий зеленый наряд оделись адыры. Среди пышного ковра зарослей гульхайры и щавеля огненными всплесками алели островки тюльпанов. Еще не успел сбросить бело-розовое кружево урюк, а над землей пушистой поволокой зашелестела тополиная метель. На хлопковых полях засверкали на солнце кетмени дехкан.

Обновлялась не только природа, не только земля, обновлялась жизнь народов советского Туркестана. Шла к концу гражданская война. Части Красной Армии под командованием талантливого полководца Михаила Васильевича Фрунзе успешно громили басмачей и белогвардейцев.

В середине января в районе Гульчи-Иркиштама были ликвидированы остатки «народной армии», а ее главарь Монстров взят в плен. Как загнанный зверь, метался в междуречье Кара-Дарьи и Нарына Мадаминбек. Части второй Туркестанской дивизии в феврале нанесли его бандам чувствительные удары. Поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, Мадаминбек 6 марта капитулировал и подписал соглашение о признании Советской власти. На сторону Красной Армии перешли и другие курбаши.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе дважды лично выезжал в Фергану. Он инспектировал воинские части, разрабатывал планы военных операций, интересовался работой органов Советской власти на местах. Прибыв в Андижан, Михаил Васильевич 25 мая мастерски разоружил кавалерийский полк Ахунджина, который собирался перейти на сторону басмачей.

Из Андижана, посадив почти всю команду бронепоезда на коней, Фрунзе проследовал в Ош. Весть о его прибытии с поразительной быстротой облетела и старый и новый город.

В крепость на митинг группами и в одиночку шли дехкане из окрестных айлов и городские ремесленники, спешили жители близлежащих кварталов, торопились вездесущие босоногие мальчишки.

Митя в тот день дежурил в особом отделе ЧК. Одним из первых он узнал о приезде командующего фронтом, узнал и не находил себе места. Распахнув окно, он смотрел на людей, что шли на митинг, и завидовал им. Дежурство Мити заканчивалось в 12 часов, но его сменщик явно запаздывал. Несколько раз Митя выскакивал на крыльцо, бросал по сторонам беспокойные взгляды, нервным движением одергивал гимнастерку. Когда, наконец, сменщик появился, Митя, передав дежурство, бросился в крепость.словно потревоженный улей, гудел крепостной плац. Ловко работая локтями и не обращая внимания на недовольные окрики горожан, Митя пробрался вперед и увидел перед собой шеренги красноармейцев, застывших в четком строю.

Над крепостным плацем прошла легкая рябь, смолкли голоса и тысячи пар глаз устремились в сто-

рону западной казармы. К строю частей Ошского гарнизона в сопровождении командиров слегка прихрамывающей походкой шел человек в военной фуражке, в гимнастерке с алыми петлицами. Плотный, приземистый, с крутыми украинскими усами и темной небольшой бородкой, он с интересом поглядывал на горожан, на красноармейцев и улыбался.

Из конца в конец крепости, словно сильный порыв ветра, пронеслось мощное красноармейское «ура». Митя видел, как, обойдя строй бойцов, Михаил Васильевич остановился, огляделся по сторонам и смущенно развел руками. Никто сразу так и не понял причины мимолетной растерянности Фрунзе. Но вскоре все разъяснилось. Из конюшни быстрым шагом на середину плаца шел боец, ведя под уздцы оседланного рослого коня. Подойдя к Михаилу Васильевичу, боец передал ему поводья, отступил на шаг и замер по стойке «смирно».

Митя вгляделся в бойца и вздрогнул: «Кудайберген! Ведь это же Ниязов! Молодец, ничего не скажешь! Молодчина!» Только теперь присутствующие поняли, что, видимо, в спешке никто не позаботился о трибуне. Находчивость Кудайбергена вызвала одобрение у Фрунзе. Он крепко пожал руку киргизскому юноше и легко вскочил на коня.

— Дорогие товарищи! Кымбатту жолдоштор! — начал говорить Фрунзе. В ответ раздались одобрительные возгласы дехкан.

— Прежде всего разрешите передать вам душевное приветствие Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, возглавляющего первую в мире страну социализма. Мне особенно приятно передать вам пламенный привет великого вождя нашей революции Владимира Ильича Ленина!

Заколыхалось человеческое море, по плацу пролетел шквал аплодисментов. Митя даже приподнялся на носки и уперся рукой в чье-то плечо, при имени Ленина быстрее забило в груди сердце.

— Товарищи! — продолжал звучать глухой голос Фрунзе. — Мы стоим у преддверия нового периода нашей революции. До сих пор мы с величайшими усилиями отстаивали право трудящихся на переустройство жизни. Сейчас мы приступаем к самому строительству этой жизни. На всех фронтах республики

Красная Армия победоносно заканчивает выполнение своей боевой задачи, и уже недалек тот день, когда наша страна не будет знать кровопролития.

Митя посмотрел по сторонам и увидел взволнованные лица, услышал в тишине прерывистое дыхание людей, почувствовал вместе со всеми, как глубоко западают слова командующего фронтом в душу истощавшегося по мирной жизни народа. «Был бы жив сейчас отец...» — пронеслось в голове, и щемящая боль сжала сердце.

— Басмаческие банды делают сейчас последние усилия удержать область в состоянии анархии, — все более воодушевляясь, бросал Фрунзе горячие слова в толпу. — Не имея оплота в местном населении, они ищут его за рубежом, в английском, афганском и бухарском золоте и оружии. Напрасные надежды — карающий меч Красной Армии рассеет эти попытки и покончит с ними раз и навсегда. Басмачество — ваш враг, и борьба с ним — священная задача трудового народа. Выполнению этой задачи ждет от вас социалистическое отечество. Создавайте добровольческие отряды, помогайте всеми силами Красной Армии, Советской власти в их справедливой борьбе с басмачеством.

Да здравствует красный Советский Туркестан!

Да здравствует мир и братство народов!

В ответ над площадью снова пронеслось громкое «ура». Михаил Васильевич ловко спрыгнул с коня, хотел было пройти в казарму, но его плотным кольцом окружили красноармейцы и горожане. Митя не терял зря времени, ему хотелось быть рядом с Фрунзе. И вот теперь командующий фронтом стоял от него всего лишь в двух шагах. Чистое, подвижное лицо Фрунзе озарилось приветливой улыбкой. Серые, глубоко посаженные глаза слегка прищурились.

— Чувствуется, хороший народ у вас подобрался, — обратился Фрунзе к одному из командиров. Переведя взгляд на бойцов, он добавил: — Великое дело доверили вам, товарищи. Родина доверила вам довести до конца пролетарскую революцию. Уверен, что вы с честью справитесь с этой, хотя и трудной, но почетной задачей.

— Справимся, товарищ командующий фронтом! — раздался чей-то звонкий, уверенный голос.

Митя оглянулся и увидел рядом с собой Кудайбер-

Володя Голубев — герой гражданской войны в Киргизии, боец Памирского пограничного отряда. (Снимок 1919 года).

Митя Чураков — сын большевика Д. Е. Чуракова, высланного в 1906 году царскими жандармами из Баку в Туркестан. Сотрудник особого отдела Омской ЧК. (Снимок 1920 года).

Александр Добрынин — член КПСС с 1918 года, комиссар Омского кочевого района, организатор боевой партийной дружины. (Снимок 1919 года).

Валерий Лебедев — волонтер 413-го Ахтырского полка, в 1919 году возглавлял особый отдел Омской ЧК (Снимок 1917 года).

Хамид Шамсутдинов — один из первых комсомольцев Оша, боец отряда особого назначения. (Снимок 1933 года).

Шура Чуракова — одна из первых комсомолок Оша, участница чекистских операций. (Снимок 1926 года).

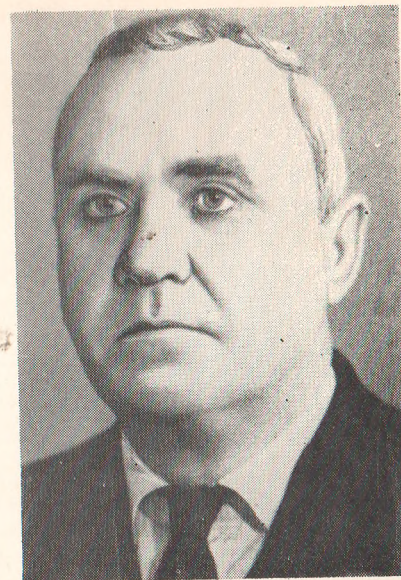
Даниил Васильевич Кордуб — один из первых комсомольцев Оша, боец отряда особого назначения. (Снимок 1939 года).

Борис Нестеренко — боец Ошского отряда Красной Гвардии. (Снимок 1930 года).

А. К. Добрынин. (Снимок 1959 года).

В. А. Лебедев. (Снимок 1959 года).

Д. Д. Чураков. (Снимок 1959 года).

Б. И. Нестеренко. (Снимок 1969 года).

А. Д. Чуракова. (Снимок 1952 года).

Памятник на могиле Володи Голубева в Ошском парке культуры и отдыха имени Токтогула. (Снимок 1969 года).

гена, Хамида, Мишу и Рашида. Ему очень хотелось заговорить с Фрунзе. Выждав удобный момент, он смело обратился к нему:

— Товарищ командующий! Большая просьба к вам: будете в Москве, передайте от всех ошан, от бойцов нашего гарнизона сердечный привет вождю всех народов Владимиру Ильичу Ленину.

Фрунзе внимательно посмотрел на Митю, уголки губ тронула нежная улыбка.

— С удовольствием выполню вашу просьбу, товарищи,— заверил Михаил Васильевич и неожиданно для Мити обратился к нему с вопросом:

— Я вижу, вы совсем еще молоды. И уже басмачей доводилось громить?

— Не только громить, даже в лапы к ним попадал. Спасибо товарищам, выручили,— и Митя указал на Кудайбергена.

— Вот как! Значит, как говорят, стреляный воробей? — в глазах Фрунзе заискрился довольный огонек. Он дружески похлопал Митю по плечу и проникновенно добавил:

— Правильный путь вы избрали. Желаю вам успехов!

Внезапно налетел свежий ветерок. От его порывов над Ошской крепостью зареяли, заколыхались огромные кумачовые флаги,

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Эта повесть — результат труда трех авторов: старшего брата Володи Голубева и двух журналистов. Первый из них представил свои записки, в которых рассказывалось о семье, о детских годах, как они учились.

Но, к сожалению, самые интересные страницы жизни Володи: его пребывание в Оше, подвиг и гибель, почему его именем названа улица в Оше — остались не раскрытыми.

Для создания повести два других автора изучали архивные материалы, встречались с товарищами Володи Голубева, выезжали для этого в Ош, Ташкент, Андижан, Фергану, Киев, собрали фотографии комсомольцев двадцатых годов.

Помогли также школьники, старожилы Оша. И вот первое знакомство. Хамид Ходжаевич Шамсутдинов. Невысокого роста. На худощавом лице клинышек седой бородки, матово поблескивают черные очки. Серый макинтош, щеголеватые сапожки и черная тюбетейка.

Хамид Ходжаевич показал, где располагалась в Оше крепость, здание уездной ЧК, пьяный базар, парк...

— Все изменилось, не узнать Ош, — рассказывал он. — Улицы оделись асфальтом. Раньше, знаете, какая пыль здесь была? По щиколотку. Или вот этот железобетонный мост через Ак-Буру. Его подняли почти вровень с улицей. Раньше же приходилось спускаться к реке с крутого пригорка, а по мосту страшно было ходить, такой он был ветхий. И река казалась бурной, широкой. Теперь будто присмирела.

Сразу за мостом шумел базар.

— Сюда я с Володией Голубевым нередко ходил в разведку. Я хорошо его помню. Мы первое время в одной казарме жили. Смуглый такой, черноглазый, очень вежливый был, добрый. Мы любили его. Его лучшими друзьями были Чураков и Лебедев. Погиб он в бою с басмачами около мечети, по дороге к Карасу. Хоронили его торжественно, с воинскими почестями... Да, многих уже нет. Умер Александр Добрынин, Шура Чуракова, Лиза Неупокоева, Джура Зайнабетдинов... А некоторые уехали из Оша. В Фергане — Боря Нестеренко. Наш бывший пулеметчик Дания Кордуб — в Ташкенте. Сейчас он майор в отставке. Митя Чураков тоже ушел в отставку, в чине подполковника, и поселился в Киеве, там же Валерий Лебедев. Мы не забыли старой дружбы, и все переписываемся. Я могу дать вам их адреса... Здесь, в Оше, побывайте у Рашида Ишпанханова. Это был смелый разведчик. В двадцатые годы он возглавлял у нас комсомольскую организацию в старом городе. Потом учился в институте в Москве и многие годы работал в системе сельского хозяйства. Сейчас уже на пенсии.

...Дом Рашида стоит на улице Гагарина в небольшом саду.

У Рашида большие живые глаза, моложавое лицо. Он не спеша рассказывает:

— Все комсомольцы в то время помогали чекистам. Мы очень уважали Валерия Лебедева. Совсем молодой еще, двадцать лет ему было, а возглавлял особый отдел Ошской ЧК и был членом реввоенсовета Туркестана. И серьезный, строгий не по годам. У меня сохранились фотографии.

Рашид достает альбом. С его страниц глядят молодые лица. Юноша в военной гимнастерке с португеей — это Лебедев. Круглолицый, полногубый Александр Добрынин, лихой кавалерист — Хамид Шамсутдинов. И карточка Чуракова. Волевое, с твердыми чертами лицо. Упрямый взгляд серых глаз. Ряды орденов и медалей на груди. Такой он теперь.

...Потом пришли письма из Киева и Ферганы, Ташкента и Андижана.

Первым откликнулся Чураков.

«Ваше письмо получил. Спасибо за внимание. Полностью одобряю Вашу идею создания повести о Володе

Голубеве. Он этого бесспорно заслужил. На все Ваши вопросы дам ответ».

И снова встреча с героями повести.

Киев. Поезд подходит к перрону. Приветливо машет рукой высокий, статный, с серыми быстрыми глазами мужчина в легком летнем костюме и белой шляпе. И сразу в машине завязывается непринужденный разговор. Он продолжается и дома, в кругу его радушной семьи. Дмитрий Дмитриевич говорит о людях живо, с любовью. Говорит так, что сразу видишь людей, будто знакомишься с ними.

— Володя Голубев часто бывал у нас в доме. Ма-тушка моя любила его, как сына. И он отвечал ей тем же. Сядут они рядом, и Володя рассказывает о своей семье, о детстве. Однажды вспомнил, как они с братом Александром проводили летние каникулы в Петро-Александровском училище.

Все ученики уезжали домой. Мать работала кухаркой, и хозяева не разрешали приезжать к ней сыновьям. Мальчики все лето жили на улице, во дворе училища. От непогоды их укрывали зеленые ветви тутовника. Денег, присылаемых матерью, хватало только на хлеб. Да, безрадостное детство было у Володи.

Дмитрий Дмитриевич рассказал и о дальнейшей судьбе Кудайбергена Ниязова.

— В 1926 году его призвали в армию. Служил он в пограничных войсках ОГПУ на польской границе. Во время Великой Отечественной войны был направлен в отдельный взвод разведки 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. При выполнении боевого задания пал смертью храбрых, остановив прорвавшиеся вражеские танки. Посмертно награжден орденом Великой Отечественной войны 1-й степени.

Нет в живых Володи Земскова и Миши Михайличенко. Они погибли в 1921 году в Яр-Кишлаке. Их казнили басмачи. Под Наукатом погиб от басмаческой пули Ваня Малышев.

А здесь, в Киеве, на Крещатике, я встретился с Мухамедом Арслановым. Он учился в Ленинградском политехническом институте, потом работал в Ташкенте инженером-гидротехником. Участвовал в строительстве Большого Ферганского, Северо-Ферганского и Большого Гиссарского каналов. В 1950 году приехал на Украину.

— А о себе? Расскажите, как вы жили?

— Ну, что о себе? — улыбнулся Чураков. — Всю жизнь «в седле». До 1945 года служил в пограничных частях, органах ЧК—ОГПУ—КГБ. В годы Великой Отечественной войны возглавлял особый отдел Кубанского кавалерийского корпуса, а теперь отдыхаю. Младшая дочь учится еще в школе. Старшая уже врач, живет в Москве. У неё до сих пор хранятся реликвии моей боевой юности — киргизская камча и кинжал. О них тоже целые повести можно писать...

Завтра мы с вами к Лебедеву приглашены. Ведь вы — весточка из далекой Киргизии, оттуда, где прожиты лучшие годы молодости.

...Навстречу в прихожую вышел высокий человек в мягком теплом халате. Большие глаза смотрели устало. Спина чуть сутулилась — пригнула боль. И голос утомленный, с печальными нотками.

Глядя на этого большого, сильного человека с седой головой, усталым лицом, мысленно хотелось представить его скачущим на коне, дерзко прорывающимся через окружение, бросающим гранату.

Неизбежно заговорил о прошлом. А разве можно хладнокровно вспоминать боевую молодость? И засверкали глаза, распрямилась спина, зазвенел голос. Перед нами был лихой боец двадцатых годов — сильный, до дерзости смелый, не щадящий буйной головы в беззаветной своей любви к Родине.

Он весело и живо рассказывал:

— Не забывают нас, ветеранов гражданской войны. Приглашали в Ташкент на празднование пятидесятилетия Советского государства. Там мы встретились, боевые друзья, ветераны гражданской войны в Туркестане. Принимали нас очень радушно. Вручили мне орден Красного Знамени и именные золотые часы.

Знаете, как радостно всем было видеть, что нас не забыли, нас помнят! А хороша была наша молодость! Под пулями жили. И от этого еще больше хотелось жить и, значит, еще лучше бороться с врагами. Быть сильнее, смелее и хитрее их! И были! И победили их.

Об этой молодости и рассказано в повести.

Софья Ивановна Зайцева
Гавриил Амосович Жильцов
Александр Денисович Голубев

ОШСКАЯ ПОВЕСТЬ

Редактор Е. Колесников
Художник В. Рыжов
Худож. редактор И. Бульба
Техн. редактор А. Косякова
Корректор А. С. Мельникер

Сдано в набор 12/VIII-1969 г. Подписано к печати 25/XI-1969 г. Д — 06876. Бумага типографская № 1, формат 84×108¹/₃₂, 6 физич. печ. л., 10,08 условн. печ. л., 10,01 учет.-изд. л. Тираж 6000. Заказ № 2401. Цена 47 к.

47 K.